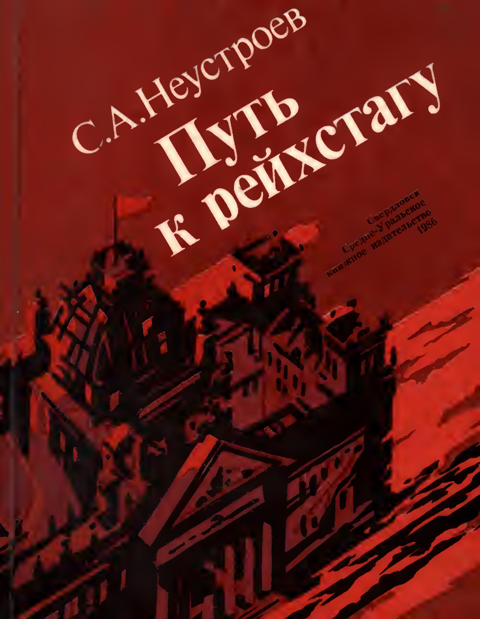

С. А. Неустроев
Путь к рейхстагу
Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1986

Выходит
во Всероссийской серии
«Так закаляется сталь»

С. А. Неустроев

Путь к рейхстагу

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1986

ББК 63.3(2)722.78
Н58

В истории Великой Отечественной войны нашему земляку Герою Советского Союза Степану Андреевичу Неустроеву отведено видное место — ведь он командовал батальоном, бойцы которого водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Увлекательно, с любовью к своим однополчанам рассказывает автор о трудном пути к рейхстагу, показывает предшествовавшие подвигу и последующие события в своей необычной судьбе.
Книга адресуется широкому кругу читателей.

Рецензент ЛЕВИН Ю. А.,
подполковник в отставке,
участник штурма Берлина

Н $\frac{1304010000-006}{М158(03)-86}$ 9-86

Мечты и действительность

Мой отец, Андрей Сергеевич, до начала первой мировой войны занимался крестьянским трудом. В 1912 году его призвали на действительную службу. Прошел всю империалистическую на фронтах. Служил исправно, получил два Георгиевских креста и звание унтер-офицера.

В родные края, в Талицу, вернулся уже в 1919 году и был призван в органы ОГПУ и назначен уполномоченным по уезду. На должности этой пробыл до 1929 года. Служба оказалась беспокойной и опасной. Помню, дед часто поругивал отца: «У всех сыновья как сыновья, живут дома, занимаются крестьянством, а ты мотаешься по уезду, ловишь каких-то «контрилюцинеров». Моя мать, Лукия Евгеньевна, поддакивала свекру: «Верно говорит тятенька, брось службу, а то эти «контрилюцинеры» оторвут тебе голову».

Отец, слушая эти разговоры, посмеивался, молча натягивал сапоги, надевал шинель, проверял, заряжен ли наган, и уходил из дому. Случалось, что он возвращался из своих поездок только через несколько дней. Я гордился отцом и частенько напоминал своим товарищам, что у него есть наган и он борется с буржуями.

На всю жизнь мне запомнился 1929 год. В Талице организовали коммуну. Отца избрали председателем. В двух километрах от деревни построили бараки с длинными сквозными коридорами и маленькими комнатушками. Деревня опустела. Вся Талица уместилась в

трех бараках. Была общая столовая, кормили в ней бесплатно. Я и многие мои приятели умудрялись обедать, а иногда и ужинать по два раза.

Парнишки и девчонки моего возраста построили ледяную горку. Было людно и шумно. Нам, детворе, новая жизнь нравилась.

Коммунары из Талицы пригнали скот, в корзинах принесли гусей, кур. Скот и птицу разместили в огромных холодных сараях, сделанных на скорую руку из жердей и хвороста. Отец целыми днями пропадал на работе, мы его видели редко. Домой он приходил хмурым, неразговорчивым. Вечно куда-то торопился. Осунулся, оброс.

В наших местах это был первый опыт создания коммуны. Люди хотели лучшей жизни, но как ее строить — еще не знали. Шли вперед ощупью и, конечно, допускали немало промахов. Коммуна просуществовала год и распалась.

Все вернулись в деревню, а в ней дома оказались разрушенными — без дверей и окон.

Весной, как только просохли дороги, отец сказал, что из деревни нужно переезжать в город. Мать в слезы — как же уезжать с насиженного места? Куда уезжать? Она очень горевала из-за своего хозяйства. А были у нас крытый соломой домишко, пяток кур да худой поросенок. Но отец твердо решил: надо ехать. И решение свое объяснил. Идет индустриализация страны: закладываются новые заводы, электростанции, шахты. Советское государство выходит на широкую промышленную дорогу. Городу требуется рабочая сила. Отца и влекло в новую кипучую жизнь.

Заколотили досками окна и двери. Дядя Вася, родной брат отца, запряг свою серую лошаденку, погрузили пожитки на телегу и тронулись в путь.

До Березовского завода мы добрались на пятые сутки, разыскали Марину — мою старшую сестру. Но

жить у нее нам не пришлось, сестра сама снимала небольшую комнатушку.

Приютил нас сосед — старатель, строгий на вид. Вначале молча оглядел детвору. Мне, старшему, было восемь лет, сестрам — Кате шесть, а Парасковье четыре. Младший братишка, Володя, еще не ходил, сидел у матери на руках, крепко ухватившись обеими ручонками за шею. Увидел бородатого человека и громко заплакал.

— Ну, не реви, будем жить дружно,— пробасил старатель (фамилия его Медведев) и ушел в дом.

Мы жили у Медведева восемь лет, и, нужно сказать, он оказался человеком добрым и мягким.

Наша «малуха», так называли флигелек, в котором мы жили, состояла из одной комнаты. Была она просторной, но холодной. Отапливалась железной печкой-«буржуйкой». На «буржуйке» готовилась пища. Мне сейчас даже трудно поверить, что это было. В те далекие годы детства мать варила для нас только похлебку да картошку в мундирах. Другой еды мы не знали. Первый раз в жизни я ел рисовую кашу с подсолнечным маслом, когда стал учеником токаря. Каким же вкусным показался этот рис!

Мое детство, как и детство многих моих сверстников, было тяжелым. Семья большая, отец зарабатывал мало. Мать была портнихой, шила для семьи рубашонки и штанишки. Иногда она брала шитье у людей. Это давало дополнительные деньги к отцовской зарплате, но и их не хватало.

Летом 1932 года, после окончания второго класса, десятилетним парнишкой я все каникулы пас коров. Думал, заработаю к школе на кожаные ботинки и суконное пальто с настоящим меховым воротником. Старший пастух Егор Иванович Исаков был человеком добрым, но больным и с «дырявой памятью», как говорили о нем люди. Мучился радикулитом. Ляжет в тень под деревья, положит руки на поясницу и охает, пока

не уснет. Нам же, подпаскам, укажет, куда гнать стадо, где кормить и когда дать скоту отдых. Мы, довольные его доверием, старались изо всех сил. Домой приходил уставшим, но гордым — я работаю и скоро будут у меня кожаные ботинки и пальто с настоящим воротником. Все лето пас коров. Загорел, лицо почернело от солнца и ветра, но своего добился — заработал на ботинки и пальто. Мать радовалась не меньше моего и со слезами на глазах говорила: «Ну, слава богу, вот и Степанко работает, жить будет полегче».

В школу я пошел еще в Талице, а закончил семь классов в Березовске. В этом городке, а точнее, в Ленинском поселке, в 1938 году мы получили квартиру. Она была в двухэтажном бараке, но как мы радовались ей! Мать стала топить печь и все приговаривала: «Хотя бы духовка хорошо пекла да в комнате было тепло, а то уж нажились в холоде».

Духовка пекла хорошо. На столе появились румяные, пышные картофельные шаньги. У матери сияли глаза: «Слава богу, наконец-то дожили до хорошей жизни и помирать не захочется». Потом хвалила меня: «Степанко стал токарем, хорошо зарабатывает...»

По вечерам отец усаживался поудобнее за стол, надевал очки и важно читал вслух газеты. Помню, что в первую очередь его интересовали сообщения о новых заводах, рудниках, электростанциях. Уговаривал мать податься на новые стройки. «Нет уж, отец, из такой фатеры да уезжать, в жизнь не поеду никудышеньки». Такие слова, как «Уралмаш», «Магнитка», «Ростсельмаш», «Днепрогэс», я запомнил с отроческих лет. Потом отец читал о том, что делается за рубежами нашей страны. Не раз он повторял: «Точат империалисты на нас зубы, точат... Пахнет порохом, ой как пахнет».

Вечерами взрослые, да и мы, юноши и подростки, собирались на скамейках у своих бараков, и шел разговор о Германии, о фашистах.

Окоичив семь классов иеполиой средией школы, я работал в мастерской при гараже. Ремесло токаря нравилось мне, ио я зиал, что оио в моей жизии ие самое главное. Главиое впереди — поступить в воеииое училище, быть комаидиром Красиой Армии. По ночам сиилась военная форма...

Юиость моя совпала с той порой, когда советские летчики ставили одии рекорд за другим и о иих говорил весь мир. Чкалов, Байдуков и Беляков совершили беспримериый перелет через Севериый полюс. Коккииаки побил все рекорды в достижеиии высоты. И, понятиое дело, я и мои сверстиики мечтали только об авиации. Заручившись рекомеидацией райкома комсомола, я подал заявлеиие в воеиное авиациоиное училище. Но тут меня постигла неудача. Комиссия отказала мие из-за возраста — ие хватало почти года.

В гараже, где я работал, подростки проходили курс первичной воеииой подготовки. Изучали осиовы тактики, материальиую часть стрелкового оружия — виитовки и пулеметы, различиые уставы и иаставления. Теперь я, как и мои товарищи, заиимался в кружке Осоавиахима и сдавал иормы на зиачки «Ворошиловский стрелок», «ГТО» — готов к труду и обороие, «ГСО» — готов к санитариой обороие. Это был ие просто спорт: иами владело всеобщее стремлеиие быть готовыми к защите Родины.

В 1938 году в моей жизии произошло большое событие — меия прииями в ряды Ленинского комсомола, и я с гордостью иосил зиачок комсомольца.

В апреле 1941 года меия вызвали в воеикомат.

— Неустроев, теперь возраст у тебя подходящий. Но мы предложим тебе не авиациоииое, а пехотное училище,— сказал воеиком.— Думай, решай... Пехотиое училище готовит общевойсковых комаидиров, командиров взводов — лейтеиаитов.

Я думал иедолго. На земле ли, в воздухе — ие все

ли равно, лишь бы быть командиром Красной Армии. И я ответил:

— Согласен, пойду в пехотное.

Училище, в которое меня направили, было старым и хорошо известным. Располагалось оно в Свердловске, а называлось Черкасским военно-пехотным. Дело в том, что его еще до войны перевели на Урал с Украины.

●

Война

В воскресный день 22 июня 1941 года нашу вторую курсантскую роту подняли в обычное время, предусмотренное строгим армейским распорядком. Физзарядка, потом завтрак. Все шло своим чередом. Был ясный, солнечный день. На плацу в это утро проходили спортивные соревнования на первенство рот.

В разгар состязаний к парадному подъезду главного корпуса подъехал «газик». Из машины вышел начальник училища полковник Тютрин и быстро направился в помещение. Лицо его было озабоченно, даже сурово.

Кто-то сказал: «Сейчас полковник поднимет училище по тревоге и устроит бросок в противогазах за Гореловский кордон». Такие броски у нас проводились довольно часто. Финская война показала, что в современной войне успех боя во многом зависит от индивидуальной подготовки бойца и, конечно, физической. Что касается духовной, то она у нас была на самом высоком уровне. Мы ясно отдавали себе отчет, к чему готовимся.

Прогулка за Гореловский кордон, да еще в противо-

газах, не радовала. Неужели в такую жару придется делать бросок?

Не прошло и пяти минут, как из главного корпуса на плац пришли начальник училища, комиссар, командиры всех четырех курсантских батальонов с комиссарами и начальниками штабов.

Построили весь личный состав. Плац замер.

Полковник молчал. Тишина была мертвой. Наконец медленно, но громким, сильным голосом начальник училища сказал:

— Товарищи курсанты, товарищи командиры и политработники! Фашистская Германия нарушила соглашение о ненападении и вторглась в пределы Советского государства. Началась война.

С началом войны жизнь в училище круто изменилась: занимались мы теперь по двенадцать часов в сутки. Норму питания нам уменьшили. Все тревожнее становилось на душе, особенно после сообщения Информбюро о том, что немцы бомбят Москву.

В Свердловск стали прибывать эшелоны эвакуированных. Они приходили днем и ночью. Все вокзалы были забиты стариками, женщинами, детьми. На них страшно было смотреть. Многие в легкой одежде, а между тем уже ударили морозы.

Родные часто приходили из Березовска ко мне в училище. Мать каждый раз тяжело вздыхала и говорила:

— Вот пойдешь на фронт, и оторвут там тебе ерманцы голову, если ты не будешь слушаться своего сержанта. Слушайся его: он же твой начальник!

Командир нашего отделения был таким же курсантом, но старше меня годами, имел уже кое-какой жизненный опыт. Ему командование училища присвоило звание младшего сержанта, и он был нашим ближайшим начальником.

У меня с командиром отделения младшим сержантом Скороходовым не ладилось. Я неплохо разбирался

в топографии, баллистике, и у нас во время самоподготовки нередко шли споры. Зная свою правоту в том или другом правиле, я старался не отступать.

Скороходов был человеком упрямым и, если даже явно ошибался, заканчивал разговор так:

— С кем споришь? Уважай командира.

Курсанты отделения, слушая наш спор и поддерживая меня, не скрывали своих улыбок и подшучивали над отделенным.

Скороходов решил меня утихомирить, как выражался он, через мать. Ей он наговорил, что я плохо слушаюсь своего командира, то есть его. Она при каждой встрече напоминала мне, чтобы я был с командиром поласковей. Я успокаивал ее, уверяя, что всем германец голову не оторвет, а с младшим сержантом я веду себя так, как и положено по уставу.

Последняя встреча с родителями состоялась 10 декабря. Мы договорились, что они придут через неделю, то есть 17 декабря. В училище поговаривали о досрочном выпуске курсантов, и мы готовились к отправке на фронт. Ждали выпуска к новому, 1942 году.

15 декабря училище подняли по тревоге в четыре часа утра. Курсантов при сорокаградусном морозе выстроили на плацу. Вскоре пришло все командование во главе с начальником училища. Он при свете фонарей зачитал приказ командующего войсками Уральского военного округа о выпуске. Из всех курсантов звание лейтенанта получили человек сто, в том числе и я. Остальным присваивалось звание сержанта или старшего сержанта. Все выпускники направлялись в действующую армию.

Я в составе команды из тридцати двух человек получил назначение в один из городов Челябинской области, где формировалась 53-я Уральская резервная армия. Нашей команде было приказано на утреннем поезде в этот же день отправиться в часть.

Проститься с родными перед отправкой мне так и не пришлось.

Разыскали мы часть с трудом. Начальник штаба 423-го стрелкового полка капитан Рязанцев встретил нас сухо. Проверив наши направления и посмотрев на нашу форму, он недовольно сказал:

— Не могли даже обмундировать!

Мы действительно на лейтенантов не походили. Все были в потертых шинелях с курсантскими петлицами.

К вечеру нас одели в командирскую форму. Я впервые прикрепил к петлицам кубики, надел командирский ремень с портупеей через плечо.

Прибывших молодых командиров распределили по батальонам. Меня назначили командиром взвода пешей разведки полка.

●

В разведке

Жить в лагере нам долго не пришлось. Фронту требовались резервы. Нашу 166-ю стрелковую дивизию направили на передний край. Я представлял, что фронт — это стена вражеских войск, и ты, уверенный в своих силах и храбрости подчиненных, ведешь их в рукопашную схватку, которая в конечном счете решает успех боя. Противник бежит, ты его преследуешь. Но фронт оказался иным — разрывы вражеских снарядов и мин, вой пикирующих самолетов, грохот бомб... И еще стоны, и крики раненых, и никаких вражеских колонн. Но до разрывов снарядов и мин был еще марш, длительный и утомительный.

Из лагеря ехали в эшелоне по железной дороге до станции Черный Дор Калининской области. Прибыли на Северо-Западный фронт. Со станции Черный Дор

совершили переход в пешем порядке и прошли более ста километров. Сосредоточились в лесу за озером Селигер. В тот же день нас бросили в бой. Мы знали, что впереди противник и нам нужно с ним сблизиться и выбить его из траншей, занять какие-то безымянные высоты.

Я из этого боя помню одно: бежал вперед почти в сплошном дыму разрывов. Резко пахло пороховой гарью. Справа и слева от меня падали люди. Остановили меня проволочное заграждение и густой пулеметный огонь. Я упал в яму под колючей проволокой. Отдышался, осмотрелся. Был уже вечер. Вокруг ни души. Фашисты беспрерывно освещали поле ракетами. Огненные комки, не успев сгореть в воздухе, с шипением падали и догорали около меня.

Потом я осторожно выбрался из ямы и пополз к небольшому холму, который был метрах в двухстах от проволочного заграждения. За ним слышалась русская речь. Я встал в полный рост и медленным шагом, понурив голову, направился к своим. Чувство было таким, что вся вина за неудачное наступление лежит на мне.

Перед рассветом капитан Рязанцев собрал одиночек и разрозненные группы солдат, отвел нас метров на пятьсот в тыл и приказал рыть окопы.

В том первом бою я мало что понял. Но зато отлично усвоил, что такое фронт. Фронт не только разрывы мин и снарядов, фронт — это не только бой, но еще и большой, тяжелый труд — окопы, траншеи...

Начальник штаба полка оказался человеком не сухим, каким он мне представлялся при первой встрече. Он был внимательным, смелым, решительным командиром. Рязанцев вместе с комиссаром полка батальонным комиссаром Фединым сумели быстро привести полуразбитый полк в боевое состояние. Батальоны заняли районы обороны. Рыли траншеи, ходы сообщения. С каждой ротой установили телефонную связь.

Капитан Рязанцев дни и ночи проводил на переднем крае. Он часто говорил мне:

— Прежде чем стать хорошим разведчиком, ты должен отлично знать оборону своего полка, изучить оборону впереди стоящего противника, обладать терпением, уметь переносить все...

Я был рад и даже гордился тем, что Рязанцев, идя из штаба полка на передний край, всегда брал меня с собой. У него я научился, как нужно правильно организовать систему огня в обороне. Он меня сделал солдатом, фронтовиком, разведчиком. Всю свою жизнь я буду обязан капитану Рязанцеву за то, что он помог мне стать командиром.

Полк стоял в обороне с мая 1942 года. За это время я со своими разведчиками организовал целую серию наблюдательных пунктов на переднем крае в полосе нашего полка (он занимал по фронту около семи километров). Все наблюдательные пункты имели телефонную связь непосредственно со штабом полка. Каждое движение противника или появившаяся огневая точка врага заносились на схему, со схемы — на карту. Оборона противника проходила по высотам, все они были изрыты траншеями, ходами сообщения. Перед траншеями проволочное заграждение в четыре-пять кольев. По высотам виднелись десятки дотов, дзотов и бронеколпаков. Судя по всему, немцы здесь засели в обороне надолго и основательно...

Наш передний край проходил вдоль лощины перед высотами, только кое-где были небольшие холмы.

Весна и лето 1942 года выдались дождливыми. В траншеях воды по пояс. Солдаты касками и котелками вычерпывали воду из траншей. В блиндажах тоже была вода. Одежда на нас не просыхала. Ходили мокрые. Неделями не переобувались. Когда, бывало, выглянет солнце и перестанет дождь, а это случалось редко, от всех валил пар — одежда сохла прямо на нас.

Выйти из траншей, погреться и обсушиться на солнышке было невозможно. Оборона противника — в полукилометре, местами в километре от нас. Наши траншеи просматривались. Местность была открытая. Стоило кому-нибудь высунуться из траншеи, как фашисты открывали огонь.

27 июня капитан Рязанцев поставил перед взводом разведки боевую задачу: в районе деревни Бель-Первая захватить пленного, или, как говорят военные, «языка» взять.

Времени на подготовку не оставалось. «Язык» завтра должен быть доставлен командиру полка. Приказ на разведку мне отдавал начальник штаба, но это был приказ подполковника Копылова. Командира полка я знал плохо. Мне очень редко приходилось с ним встречаться по службе. Жизнью разведчиков, их делами он не занимался. В то же время я думал: командир полка — большой начальник, он занят более важными делами, ему не до нас! А чем конкретно он занят — не знал. Но понимал: если приказал сам подполковник, умри, а выполни!

Перед деревней Бель-Первая, вернее, тем местом, где была деревня, оборонялся первый батальон под командованием капитана Ивана Васильевича Демидова, родом с Алтая. Природный сибиряк, прекрасный охотник и душевный человек. Он, кадровый командир, воевал на Хасане, участвовал в боях в Финскую кампанию, был ранен под Выборгом и награжден орденом Красного Знамени. В Отечественной войне участвовал с первого дня и имел боевой опыт.

Демидов в штабе полка узнал, что сегодня ночью через боевые порядки его батальона пойдут в поиск разведчики. Комбат меня заверил, что действия разведки поддержит огнем своих рот первого эшелона, а если будет необходимо, поведет резервный взвод в атаку. Заверения капитана Демидова вселяли уверенность в успехе.

В поисковую группу входило пятнадцать человек, в том числе три сапера. Это были отличные воины. Люди разных национальностей, возрастов и характеров, они были объединены одним желанием — с честью выполнить задачу. Особой физической силой и смелостью обладали татарин Владимир Юсупов, белорус Михаил Кубарский, русский Григорий Алексеев, украинец Иван Иващенко.

Быстро наступил вечер. Оборону противника мы знали хорошо, особенно в районе поиска. С наступлением темноты три сапера в сопровождении двух разведчиков по-пластунски поползли по нейтральной полосе в сторону противника. Мы, основная группа разведки, двигались метрах в тридцати за ними. Я очень волновался: казалось, что вся страна следит за нашими действиями, а от выполнения задачи зависит ход чуть ли не всех боевых событий на фронте.

Саперы бесшумно проделали проходы в проволоке и минном поле. Мы продвинулись еще дальше и находились между вражескими дзотами. Фашисты вели бесприцельный пулеметный огонь. Трассирующие пули стлались низко, над самой землей. Временами в темном небе вспыхивали ракеты.

Мы спустились в немецкую траншею. По плану, намеченному еще днем на исходном рубеже, я оставил в траншее четырех разведчиков. Они должны были оборонять проход — обеспечить наш тыл. Я с остальными пошел влево. Перед дзотом мы остановились и взяли дверь на прицел.

Теперь следовало прикрыть группу и с другого фланга. Вперед, до ближайшего изгиба траншеи, ушли еще четыре разведчика. Дзот надежно блокирован. Рывком открываю дверь. Кубарский скомандовал: «Хенде хох»! (Руки вверх!)

Фашистов в блиндаже оказалось только трое. Они настолько были ошеломлены, что не смогли даже под-

нять рук. Но уже в следующее мгновение пришли в себя и схватились за оружие. В схватке двое немцев были убиты. Одного Юсупов и Иващенко связали и заткнули ему рот кляпом.

Тотчас мы покинули дзот. Группа захвата, а за ней все остальные разведчики ползком возвращались в расположение своих войск. Радостно было на душе, «язык» взят и никаких потерь.

Но летняя ночь коротка. Светало. Не успели мы проползти и ста метров, как оборона противника ожила. Ливень пулеметного огня обрушился на нас. Я отдал Юсупову и Иващенко приказание: «Пленного как можно быстрее доставить в штаб полка».

Сам с оставшимися разведчиками занял позицию и открыл огонь. Показалась фашистская цепь. Гитлеровцы вскинули автоматы и сразу пошли в атаку. С нашей стороны по противнику ударила артиллерия. Мы тоже вели огонь, но он быстро слабел... Многие разведчики в этой неравной схватке были убиты.

Наконец гитлеровцы залегли. Считая, что времени прошло достаточно и Юсупов с Иващенко уже доставили пленного в свою траншею, я подал сигнал отхода.

Тем временем фашисты открыли артиллерийский огонь. Столбы дыма взметнулись на нашем пути. Четыреста метров осталось до траншеи! Четыреста метров — дорога небольшая, но под огнем она была очень длинной.

Когда я спрыгнул в свою траншею, выяснилось, что из пятнадцати человек вернулось нас только трое! Ко всему прочему был тяжело ранен и пленный.

Капитан Демидов выделил из своего батальона санитаров и приказал помочь нам как можно скорее доставить «языка» на командный пункт.

И вот мы в блиндаже командира полка. Около немца — подполковник Копылов, комиссар Федин, капитан Рязанцев, я, переводчик и врач полка. Переводчик за-

дал пленному вопрос. Раненый молчал, часто дышал и, несмотря на помощь, оказанную ему врачом, вскоре умер.

Я видел строгих людей, видел людей в гневе, но в такой ярости, в какую пришел Копылов, не встречал ни одного человека. Он подступил ко мне.

— Ты кого принес? Нам нужен живой «язык», а не мертвый! Вон отсюда!

Я выбежал из блиндажа. Идти во взвод не мог — было стыдно. Не замечая болот, пошел по направлению к передовой. Лес был густой, я сбился с тропы, провалился в какую-то глубокую яму, из которой еле выбрался, и только перед рассветом нашел один из своих наблюдательных пунктов. Доложил по телефону начальнику штаба, что нахожусь на переднем крае, и только тогда немного успокоился.

На другой день меня вызвали в штаб полка. Шел с тревожными думами. На командира полка не обижался, а думал до боли в висках: «В чем моя ошибка, в чем я виноват?»

* * *

Комиссар Федин встретил по-отечески. Он был старше меня лет на двадцать, я ему годился в сыновья. В его блиндаже мы сначала поужинали, покурили, он показал фотографии своих детей и жены, расспросил меня, кем я работал до войны, где жил, часто ли получаю письма от родных. Федин даже рассказал несколько смешных анекдотов. Смеялись, и я ушел мыслями в довоенный мир, как будто бы на белом свете не было никакой войны... Потом пришел капитан Рязанцев, и мы заговорили о деле.

Перед моим взводом была поставлена задача: в ночь на 1 августа с приданным мне отделением саперов и двумя отделениями автоматчиков — всего семьдесят во-

семь человек — произвести разведку боем, овладеть высотой 76,8, взять пленного, закрепиться и держаться до особого сигнала.

Эта высота господствовала в нашем районе. К тому же она глубоко вклинилась в оборону первого батальона капитана Демидова. Ее прозвали высотой «Зуб». Вырвать «Зуб» — такой была наша задача.

На подготовку к бою оставались целые сутки. Что ж, это хорошо, когда есть время все обдумать. Утром я вывел командиров отделений на передовую, к «Зубу».

Сначала мы собрались в блиндаже командира батальона. Блиндаж был просторным, находился около дороги, идущей из Молвотиц на Демянск. На этом месте мне довелось быть через двадцать девять лет, в феврале 1971 года. Без труда разыскал высоту, на высоте большая яма — здесь был наш блиндаж, из которого я уходил в разведку 1 августа 1942 года. Моя жена, Лидия Филипповна, работники Демянского райкома партии и райкома комсомола с интересом осмотрели местность, где двадцать девять лет тому назад два года подряд шли бои «местного значения».

...Из блиндажа мы вышли в траншею и на месте наметили план атаки. Я не сомневался, что высоту возьмем.

Наша атака для фашистов оказалась неожиданной. Велась она при поддержке артиллерии и увенчалась полным успехом. Потери понесли небольшие — двое убитых, семь раненых. Мы захватили в плен четырех фашистов во главе с обер-лейтенантом и отправили их в штаб полка.

К нам протянули телефонную связь. Рязанцев приказал немедленно окопаться на противоположных от нашей обороны скатах высоты и держаться, во что бы то ни стало держаться!

Закипела работа. Со стороны фашистов не слышалось ни одного выстрела. Вокруг стояла тишина, от

которой становилось даже жутковато. Быстро наступал рассвет. С высоты оборона противника просматривалась далеко. Его вторая траншея протянулась перед нами внизу, метрах в восьмистах.

Настроение у всех было приподнятое. Солдаты шутили. День выдался солнечным. На небе ни единого облачка. И тут тишину нарушил гул самолетов. Они шли со стороны противника. Самолеты держались высоко. Сначала мы не придали им никакого значения. Самолеты пролетели линию фронта. Но скоро они развернулись и с большой высоты пошли в пике на «Зуб».

Рев моторов заглушил все голоса. Тут же на нас обрушились первые бомбы. Землю заволокло дымом, она тряслась, как в лихорадке. Казалось, что мы не на высоте, а на какой-то маленькой щепке и плывем по волнам. Окопы осыпались. А налет все продолжался. Едва одна группа штурмовиков отбомбится, как ее сменяет новая эскадрилья «юнкерсов». И так два часа... Они показались нам длиннее суток.

Не успели мы, уцелевшие после бомбежки, отряхнуть с себя землю, как на высоту двинулись десять танков. За ними шла пехота. В разгар боя связь с полком нарушилась.

Но танки до высоты не дошли. Их остановила наша артиллерия. Огонь был сильным, а главное — точным. Почти одновременно запылали три танка, остальные повернули назад. Пехота фашистов сначала залегла. Ряды ее расстроились. Но вскоре гитлеровцы стали накапливаться в лощине и готовиться к атаке.

К тому времени мы понесли уже большие потери. Но оставшиеся в живых были готовы к дальнейшим боям. И когда фашисты пошли в атаку, мы их встретили плотным огнем.

Немцы откатились, оставив десятки трупов. Передышка оказалась недолгой. В воздухе снова появились самолеты. На высоту опять двинулись танки и пехота.

За день они трижды атаковали нас и, неся потери, отступали. Вся высота чернела воронками от бомб и снарядов. Ни траншей, ни окопов на ней не оставалось. Все было разрушено.

Наступила ночь. Она прошла спокойно. Раненых мы отправили в тыл.

Перед рассветом на высоту пришел капитан Кондратьев. По должности он был начальником разведки полка — ПНШ-2. Он сообщил:

— Командир полка приказал отходить на линию своей обороны.

До войны я видел немало кинокартин и запомнил на всю жизнь правило: командир последним покидает корабль или позицию. Решил поступить так же. Всех направляю в тыл. Сам с Володей Юсуповым остаюсь на высоте с ручным пулеметом, чтобы прикрыть отход. Фашисты не замедлили открыть артиллерийский огонь. Как отошли мои бойцы, я узнал только через несколько месяцев. А тогда...

Мы с Юсуповым находились в полуразрушенном окопе. На высоте снаряды рвались редко. Идти в атаку пехота фашистов не решалась.

Пребывание на высоте стало бессмысленным. Мы спустились вниз и двинулись к своей траншее. Когда до нее оставалось три-четыре метра, между мной и Юсуповым разорвался снаряд. Мы бежали почти рядом. Взрывной волной меня бросило в одну сторону, Юсупова — в другую. Я упал на спину. Дыхание перехватило, на губах появилось что-то теплое и липкое. Я потерял сознание. Уже в медсанбате я узнал, что Володю Юсупова убило. Из семидесяти восьми человек в живых осталось двадцать четыре.

Выжить!

Я пришел в сознание в медсанбате на пятые сутки. Туловище было туго стянуто бинтами. Я знал, что ранен тяжело, и, испытывая мучительные боли, думал о главном: выжить! А жить хотелось, очень хотелось. Мне исполнилось только девятнадцать лет.

Целый месяц я как нетранспортабельный пролежал в медсанбате. Потом здоровье пошло на поправку, и меня эвакуировали в тыл. На автомашинах, в железнодорожном эшелоне под частыми бомбежками нас увозили все дальше от фронта. Я попал в Кострому.

В госпитале я лежал в светлой комнате на койке с двумя белоснежными простынями. Рай!

Но вот прошло два месяца, и «рай» стал невыносим. Сводки с фронтов приходили тревожные: немцы взяли Ростов, рвутся к Волге. На каждом обходе раненые просили врача быстрее выписать их из госпиталя. Просил и я.

Однажды врач сказал мне: «Не торопись с выпиской, после тяжелого ранения комиссия даст тебе отпуск, поедешь домой». Это было неожиданным. Признаться, мне очень хотелось побывать в Березовске. Отец, мать, сестры и братишка, конечно, будут рады. В то же время я думал о фронте. Так и прожил последние дни в госпитале: мысленно находился то в родном Березовске, то в своем полку.

И вот наступило утро, в которое я должен был предстать перед комиссией. В коридорах, в вестибюле и во всех тамбурах толпился народ. На комиссию вызвали человек восемьдесят. Медсестра, которая устанавливала очередь, вышла из дверей. Все стихли.

— Неустроев, на комиссию!

...Здоровье проверяли несколько врачей, между собой

они о чем-то говорили вполголоса. Я подумал: «Очевидно, советуются, на сколько месяцев дать мне отпуск». Осмотр закончен. Председатель комиссии — пожилой военврач — снял очки и весело сказал:

— Хорошо поправился. Годен к строевой! Хочешь на фронт?

Я ответил:

— Конечно...

Не мог же сказать, что хочется домой.

Так закончилась долгожданная для меня комиссия.

В тот же день получил документы и уехал на Северо-Западный фронт. Дорога оказалась длинной и трудной, и я не раз вспоминал госпиталь. Много думал и о доме. Теперь мне стало грустно оттого, что я не побывал в Березовском. Как там мать, отец, сестры и братишка?

В дороге из одной раны, зажившей неделю назад, стало сочиться, и на нее пришлось наложить повязку.

Отдел кадров фронта я разыскал неподалеку от станции Гузятино Калининской области в густом болотистом лесу. Моросил мелкий осенний дождь. Бушлат, выданный в госпитале, оказался великоватым, он сильно намок, отяжелел. От усталости и слабости я еле держался на ногах. Зашел в землянку отдела кадров. На меня дохнуло запахом раскаленной докрасна железной печки и махорочным дымом.

Ну вот и конец восьмидневным скитаниям от Костромы до Гузятино. Сейчас обсушусь, отдохну в тепле, а потом можно будет идти и дальше. Стал в очередь. Возле стола, за которым сидел майор, толпилось до двух десятков командиров, пришедших, как и я, за направлением.

Очередь шла быстро, майор каждому выдавал небольшую бумажку и коротко что-то говорил. Я подошел к нему и доложил:

— Старший лейтенант Неустроев после госпиталя

прибыл в действующую армию для прохождения дальнейшей службы по изгнанию гитлеровских полчищ с нашей земли.

Кто-то у двери прыснул в кулак. Действительно, мой доклад прозвучал немножко высокопарно. Я смутился. Минуту майор смотрел на меня и одобрительно кивнул головой. Затем вручил направление и сказал, что отправиться нужно немедленно.

— Отдел кадров вашей армии находится в районе села Молвотицы. Найдешь?

— Есть найти!

Вот тебе и высушил бушлат, отдохнул в тепле. Я вышел из землянки. По-прежнему лил дождь, только более крупный и резкий. Не разбирая грязи и луж, я пошел к железной дороге. Добрался до полотна и по шпалам пошел к станции Бологое, которая находилась в пяти километрах от Гузятино.

На станции увидел страшную картину разрушения. На месте вокзала высились груды кирпича и куски ржавого кровельного железа. Где был перрон — большие воронки от фугасных бомб. Рельсы, вместе со шпалами сорванные с полотна, стояли дыбом. Недалеко от вокзала под откосом валялось несколько товарных вагонов.

— Эй, служивый,— окликнул меня мужской голос,— есть табачок?

Я подошел к пожилому человеку, одетому в телогрейку, перепачканную мазутом, и понял, что это рабочий станции. Поздоровался. Достал кисет с намокшим табаком и протянул ему. Закурили.

— Куда путь держишь? — простуженным голосом спросил рабочий.

— В Молвотицы.

— Э-э, мил человек, тебе придется искать попутную автомашину, так ты доберешься вернее.

Он рассказал мне, что все лето и осень немцы ежедневно бомбят Бологое.

— Ровио в три часа ночи прилетают и бомбят. Люди так привыкли, что за час до бомбежки собираются и идут в укрытне, как на работу.

— Где живут мириые жители? — поинтересовался я, глядя иа развалины.

— Мириые, говоришь? Нет у нас сейчас мириых. Были, да иемец сделал иас немириыми. Все воюем.

Он рассказал, как отправил на фронт сына, а жеиу с двумя младшими детьми не мог найти после ночной бомбежки. Их похоронили под собой развалииы дома.

Слушая его, я чувствовал, как в груди закипает ожесточеиие, уже знакомое мие по тому времеии, когда был на фронте.

Я расспросил дорогу до Молвотиц, пожал шершавую руку. Отсыпал из своего кисета половину табака и заспешил к перекрестку шоссейиых дорог.

По дороге размышлял: «А я-то... Я собирался в отпуск. Нет, сейчас не до отпусков. Земля горит и стоиет, воевать иужно».

* * *

Я попал в свою часть. После рaиеиия в разведку не годился. Назиачили комаидиром стрелковой роты. Штаб полка размещался иа старом месте. Но Рязаицева в нем я уже не нашел. Его раиило в том же бою, что и меня. Начальником штаба полка иазиачили капитаиа Титова, рассудительиого и спокойиого человека. Копылова в полку тоже ие было. Новый комаидир полка, майор Чемоданов, оказался моим знакомым. В костромском госпитале лежали с ним в одиой палате.

К этой радости добавилась еще одиа: в землянке резерва полка я встретил старшего лейтенаита Сашу Поиомарева — школьиого товарища. С ним мы с первого класса сидели за одиой партой. Вместе учились в пехотном училище. После училнща иас иаправили в

разные части, а тут вдруг встретились. В один день столько приятных событий!

Майор Чемоданов направил нас в первый батальон к капитану Шипулину. Меня — командиром стрелковой роты, а Пономарева — моим заместителем по строевой части.

И снова передовая. Снова траншея. Разница только в том, что весной и летом в траншеях была вода, а сейчас снег. Снег выпадал часто. На очистку траншей уходило много сил. А ведь на переднем крае нужно каждую секунду быть готовым отразить внезапное нападение врага.

Дни и ночи однообразно проходили в труде и напряжении. Фашисты особой активности не проявляли, но стоило кому-нибудь неосторожно высунуться из траншеи, как они открывали пулеметную стрельбу. Иногда вели огонь из артиллерии и минометов, били по площадям. Снег вокруг всегда оставался черным, грязным, хотя валил каждый день.

Наступила пора сильных морозов, стены блиндажей покрылись наледью. Из котелков и касок солдаты делали что-то наподобие печек. От них в блиндаже становилось дымно и чадно. Глаза краснели, слезились, а тепла настоящего все равно не было.

* * *

Саша Пономарев однажды предложил мне: давай построим баню, по-уральски — с парилкой. Его идея мне понравилась. Так и захотелось попариться. Метрах в ста от первой траншеи стали копать котлован, в работе принимал участие и я со своими заместителями.

Дней через десять «баню» построили. Конечно, настоящей бани у нас не получилось. Это был глубокий котлован, перекрытый бревнами в один накат, вроде землянки, сверху засыпан мерзлыми комками земли.

Внутри печь, чан для горячей воды и полок наподобие нар для мытья.

На этом участке стояли в обороне три месяца. Бойцы и командиры не только нашей роты, а всего батальона, кто любил париться, приходили в нашу баню.

Но вскоре мы расстались со своей баней...

10 февраля нашу 166-ю стрелковую дивизию под командованием генерал-майора Щекотского сняли из-под Бели и передислоцировали в район Рамушевского перешейка.

Несколько слов о Рамушевском перешейке и Демянском котле.

Крупные сражения Великой Отечественной войны, такие, как битвы под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге, широко известны советскому народу, они вошли в учебники. О Демянском котле написано мало, а тем не менее в течение целых семнадцати месяцев, то есть почти полтора года, южнее озера Ильмень, в лесах и болотах шли изнурительные кровопролитные бои с фашистами.

К осени 1941 года немецко-фашистские войска заняли Старую Руссу, Демянск. В дальнейшем планировали осуществить более широкий двусторонний охват района Ленинграда силами 16-й армии, навстречу которой должны были наступать финские дивизии из Петрозаводска через реку Свирь.

В январе 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования советских войск приказала войскам Северо-Западного фронта перейти в наступление с задачей: силами 11-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. И. Морозова наступать из района станции Парфино и Пола на юг на соединение с войсками 34-й армии.

Войска 34-й армии, которой командовал генерал-майор Н. Э. Берзарин, развивали на демянском направлении наступление от озера Селигер. К концу ян-

варя они вышли в район Ваталино — Молвотицы — Новая и охватили демянскую группировку с востока и юга. 20 февраля части 1-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й армии, наступавшие с севера на Рамушево, соединились с войсками 34-й армии в населенном пункте Залучье. Демянская группировка немцев в составе семи дивизий 16-й армии (60—70 тысяч человек) была отсечена от старорусской группировки и окружена. Так образовался Демянский котел.

После окружения вражеской группировки в районе Демянска перед Северо-Западным фронтом встала задача: как можно быстрее ликвидировать ее.

Чтобы избежать уничтожения 16-й армии, немецко-фашистское командование сосредоточило сильную группировку войск южнее Старой Руссы, которая на узком участке фронта 20 марта 1942 года контратаковала наши части в направлении села Рамушево. Ценой огромных потерь им удалось прорвать оборону и соединиться с окруженной группировкой. Так образовался Рамушевский коридор.

Немцы получили возможность по коридору усилить демянскую группировку свежими силами. Бои за Рамушево шли с небольшими перерывами в течение целого года. Рамушевский коридор немцы сильно укрепили и обороне его придавали огромное значение.

На четвертые сутки марша наша дивизия вышла в исходное положение для наступления на Рамушево.

Наш 1-й стрелковый батальон под командованием капитана Н. В. Шипулина получил задачу: с рубежа северо-западнее деревни Ляховичи наступать вдоль западного берега реки Ловать и овладеть деревней Высотово.

Вечером 14 февраля произошло знаменательное событие: мы, советские воины, надели погоны. Со своих петлиц я снял кубики и надел на плечи погоны с тремя звездочками, и как бы вместе с погонами на мои

плечи легла новая ответственность за судьбу своей роты и, конкретно, ответственность за овладение деревней Высотово. И вместе с этим — ответственность за судьбу Родины.

...Утро 15 февраля 1943 года. Погода стояла ясная. Мороз доходил до 30 градусов. Безветренно.

На переднем крае тишина, словно кругом все вымерло. Вдруг тишину нарушил страшной силы артиллерийский огонь. Сотни снарядов «катюш» обрушились на позиции врага. В первый момент воздух вздрогнул, по нему как бы прошел электрический ток. Затем над заснеженными белыми полями взметнулись черно-грязные фонтаны. В следующий миг все слилось во что-то непонятное. Застонало, завыло, затряслось...

Наши исходные позиции на опушке леса.

До деревни Высотово — километр. Целый километр ровной открытой местности! А по ней через пять минут мне предстоит вести роту в атаку.

В последние секунды перед атакой взгляд перебегал от опушки леса через ровную, как футбольное поле, нейтральную полосу на деревню Высотово. Правый фланг роты проходит по обрывистому берегу реки Ловать. Артиллерийский огонь с нашей и немецкой сторон достиг предела. Лед на реке от разрывов снарядов большими и мелкими кусками вместе с грязью столбами поднимался ввысь.

Подаю команду:

— Атака!

— Вперед! За Родину! За Сталина! Ура-а-а-а!

Противник оборонялся упорно. Гитлер следил за судьбой Рамушевского перешейка и полуокруженной 16-й армии.

Батальон капитана Николая Шипулина ворвался в деревню. Завязался короткий, но жестокий рукопашный бой. Домов в Высотово давно нет, они были большей частью сожжены, а остальные растащены немцами

иа строительство блиндажей. Кое-где торчали полуразрушенные дощатые заборы н плетни из ив.

Я вел роту с левой стороны забора. Бой разделялся на много эпизодов. Так бывает н в атаке. Я с группой бойцов решил повериуть через пролом направо. В самом проломе столкнулся с высоким, одетым в белую, до колен куртку немцем, правда, она стала уже не белой, а потемиевшей, с изорваиными карманами. Он держал в руках автомат. Мы какое-то время стояли один против другого. Ои смотрел иа меня, я рассматривал его. Нажимаю иа спусковой крючок... У немца выпал автомат, он обеимн руками схватился за живот... Я побежал к обрыву реки, которая за деревней делает крутой поворот и как бы опоясывает Высотово, н крикнул: «За мной!»

К середиие дия бой затих. Изрытые воронками улицы деревни Высотово оказались в наших руках. Чтобы пересечь Рамушевский корндор н соединиться с наступающимн войсками 11-й армии, нам оставалось пройти не более двух километров. Противник, собрав последние силы, перешел в контратаку. Снова разгорелся бой. Все заволокло дымом, загремела земля.

Из роты осталось в живых семь человек. Я лег за станковый пулемет, иажал иа гашетку. «Максим» посылал длинные очереди в ряды немцев, оии редели, но фашисты продолжали бежать, на ходу стреляя нз автоматов.

Пули щелкали по щитку пулемета. Мне стало страшио. Чем больше боялся я, тем больше стрелял, а чем больше стрелял, тем больше падало немцев перед моим пулеметом. Наконец фашисты залегли.

Вскоре иа иаши позиции пошли немецкие танки, они вели огоиь из орудий и пулеметов. Уткнувшись головой в землю, я лежал за пулеметом, огня не вел. Вдруг по правой иоге, выше колена, почувствовал удар, как будто кто-то ударил палкой. Я даже оглянулся, ио,

кроме дымов разрывов, ничего не увидел. Почувствовал только, что по ноге в сапог потекло что-то теплое. Ранен. Пошевелил ногой и от резкой боли застонал. Заболело все: руки, ноги, спина, голова. Перед глазами пошли серые круги. Какое-то время я ничего не видел.

Командир полка майор Чемоданов ввел в бой второй эшелон, я получил моральное право выйти из боя. За мой пулемет лег санинструктор Герасимов. Я с трудом отполз к обрыву реки Ловать.

По полю, через которое мы утром наступали, к опушке леса шли фашистские танки. Мне ничего не оставалось, как спуститься по обрыву к реке и по берегу идти в тыл.

Местами вода подходила под самый обрыв. Я по воде, отталкивая льдины, волоча перебитую ногу, двигался вперед. Сейчас, через сорок лет, пишу эти строки и с трудом верю себе, что можно было пережить такое. Я падал. Поднимался. И снова шел. Справа от себя, наверху, на поле, слышал гул моторов, пушечные выстрелы, лязг гусениц и скрежет железа.

Позже, уже в госпитале, я узнал — то наши знаменитые танки Т-34 перешли в атаку. Произошло танковое сражение. Немцы не выдержали, стали отступать.

А тогда я шел и временами мне казалось, что силы мои иссякли и больше уже не сделаю ни шагу, упаду в воду и погибну.

К вечеру метрах в ста от себя, на кромке обрыва, увидел блиндаж, около него были люди. Напрягаю последние силы, не иду, а уже ползу, карабкаюсь обмороженными пальцами, пытаюсь выбраться по откосу наверх, но снова сползаю вниз. Вижу, ко мне бежит человек в белом маскировочном халате. Всматриваюсь. Это оказалась санитарка — девушка восемнадцати-девятнадцати лет. Я ей обязан жизнью. Жаль, что не спросил ее фамилии, не знаю даже имени. Это была труженица войны.

В госпитале, в городе Вышний Волочек, мне стало известно, что Рамушевский перешеек ликвидирован. Демянский котел с 16-й немецкой армией перестал существовать.

Вместе с этой приятной вестью я узнал и другую, печальную,— моему школьному другу, заместителю по строевой части старшему лейтенанту Саше Пономареву, ампутировали руку. Командиру батальона капитану Николаю Васильевичу Шипулину оторвало обе ноги. Командир полка майор Чемоданов убит. Из моей роты в строю осталось пять человек.

* * *

Вышний Волочек до 1944 года был прифронтовым городом. Во время зимнего наступления 1943 года немцы подвергли его частым бомбежкам. Нас, раненых, из госпиталя выводили в укрытия. Бомбили фашисты, как правило, ночью. Среди ночи дежурный врач поднимал по тревоге:

— Ходячие в укрытие, для лежачих подать носилки!

Тем, кто мог ходить, было легче: они быстро одевались и спускались в укрытия. Нам же, пока подадут носилки и санитары донесут до места, приходилось испытывать много мучений. Где-то неподалеку рвутся бомбы, прожекторные лучи вкривь и вкось перечеркивают небо, дрожат стены госпиталя, звенит стекло выбитых взрывной волной окон. А ты лежишь беспомощный на койке и ждешь своей очереди...

Один раз меня несли два пожилых санитара и на лестнице второго этажа перевернули носилки. Упал лицом вниз. Кто-то в темноте наступил на раненую ногу. Но по сравнению с тем, что испытывали люди на фронте, все это были мелочи.

В конце апреля в госпиталь пришел капитан. Он сказал, что является начальником отдела кадров

фронтовых курсов офицерского состава. Тут же стал выяснять, кто из выздоравливающих командиров рот желает поступить на трехмесячные курсы командиров стрелковых батальонов.

Я дал согласие. Проучился, однако, недолго — недели две. Подъем, физзарядка, занятия по уставам и наставлениям. Все как в мирное время, и это мне не понравилось. Люди воюют, отдают в боях свои жизни, а я учусь. И еще чему бы доброму, а то уставам, и без того мне известным. Так рассуждал я по своей молодости в то время.

Написал рапорт об отчислении на имя начальника курсов — полковника, который до войны был военным комендантом большого города. Сильно опасался, что мне откажут. О полковнике говорили как о строгом, даже суровом офицере, да еще и со своеобразными причудами. Рассказывали о таком случае. Дочь полковника в звании сержанта служила в штабе курсов и однажды минут на пять опоздала на работу. Ее вызвал начальник курсов и потребовал объяснить опоздание. Дочь ответила примерно так: «После нашего с тобой, папочка, завтрака я убирала посуду». Полковник встал из-за стола, подошел к дочери и забасил (бас у него был отменный): «Товарищ сержант, я вам не папочка, а начальник фронтовых курсов, изволь не забываться! За опоздание на работу и за «папочку» — десять суток ареста!»

После подачи рапорта у меня отпало всякое желание учиться. А тут еще среди слушателей пошел разговор, что с Северо-Западного фронта снимают много войск и отправляют на юг. Упоминали нашу 166-ю стрелковую дивизию. Юг был мечтой офицерского состава, всем хотелось попасть туда. И не потому, что там было тепло. Дело в другом. Ведь только что закончилась историческая Сталинградская битва, наши войска наступали на всем южном направлении и имели

успех. А здесь курсы, да еще Северо-Западиого фронта.

С тревогой ждал я вызова к полковиику. Но, к моему удивлеиию, все оказалось иамиого проще: диевальный по курсам, тоже слушатель, как н я, сказал:

— Неустроев, из штаба передали, чтобы ты немедлеиио шел в отдел кадров за получением направления в часть. Да не забудь захватить свой вещевой мешок.

В иаправлеиин было указаио, что я обязан явиться в 166-ю стрелковую дивизию. Был рад: снова еду в свою дивнзию, в которой провоевал полтора года.

Вскоре прибыл иа место. Исходил почти весь Рамушевский райои, ио своей днвизин там ие иашел. Наводнл справкн: одии говорили, что, возможно, ее перебросилн иа другой участок фроита, другие утверждали, что дивизия выведеиа с переднего края. А куда? Толком иикто объяснить ие мог.

После недельных поисков решил сиова ехать в отдел кадров Северо-Западного фроита. По дороге приходнли неутешительные мыслн: «Учебу бросил, свою дивизию не нашел н мотаюсь, как бездомный».

В отделе кадров фроита мие сказалн, что 166-ю дивнзию нскать не нужио, ее на Северо-Западном фронте уже нет. Меня иаправнлн в 151-ю отдельную стрелковую бригаду, которой командовал полковник Яковлев. Бригада стояла в обороие под Старой Руссой, штаб был в селе Взвады на берегу озера Ильмень.

Полковник Яковлев назиачнл меия командиром первой стрелковой роты в батальоне майора Пинчука.

●

Первая стрелковая

Штаб батальона размещался в селе Отвидно. Этот населеииый пуикт значился только иа карте. На месте, где когда-то было село, стоялн одни печ-

ные трубы. Комбат майор Пинчук ввел меня в обстановку. Он сообщил, что рота, которой мне предстоит командовать, стоит в трех километрах и, как только стемнеет, я поплыву туда на лодке, днем добраться невозможно. Местность затоплена водой, и пространство между первой ротой и штабом батальона противником простреливается.

— До вечера еще далеко. Пока отдохните,— сказал он в заключение.

В тылах батальона я разыскал кухню. У котла стоял длинный и тощий солдат. Я сначала подумал: рабочий по кухне, но оказалось, что это и был повар. Я улыбнулся. Повар — и такой тощий! Мы разговорились. Ему было под сорок. До войны Илья Яковлевич Сьянов работал в Заозерии Кустанайской области главным бухгалтером совхоза.

Он был общительным, и с ним было приятно разговаривать. Не знал я тогда, что судьба накрепко свяжет нас и нам придется пройти с ним вместе немалый путь.

— Товарищ старший лейтенант, обед готов. Откушайте: суп мясной с клецками,— предложил Сьянов.

Откровенно сказать, обед мне не понравился. Я был голоден, но ел мало. В котелке был не суп, а какая-то клейкая мутная масса...

Сьянов посмотрел на меня в упор.

— Не нравится?

— Нет,— ответил я по-честному.

И тогда он объяснил мне:

— Поваром я стал после ранения, в госпитале лежал четыре месяца, от меня остались кожа да кости. В батальоне и решили: «Какой из него стрелок! Пусть побудет поваром. Глядишь, поправится. А может, из него и повар получится. Пожилой, с житейским опытом. Подумаешь, кашу варить! Всякий справится». Да, как видно, повар из меня не выйдет... Не дождусь, когда отправят в роту.

— Отправят, не торопись, на передовую обязательно попадешь,— заверил я.

Вечером отплыл к новому месту службы в село Бабки, где стояла моя рота. Тулебельский залив озера Ильмень разлился на десятки километров, все вокруг затопило. В пути связной рассказывал:

— Бабки стоят на болоте. А перед ними, наверху, село. Там немцы.

Наступил вечер. Было тихо. Лодка шла быстро. Вдали в небе часто вспыхивали ракеты, освещая спокойную гладь воды, которая казалась то оранжевой, то светлой, то черной. Потом донеслась захлебывающаяся очередь. Заговорили пулеметы. Они строчили, как швейные машинки. Небо прочертили трассирующие пули.

Я наслаждался чистым весенним воздухом, но уже чувствовал, как меня охватывают заботы. Вспомнились слова комбата:

— Доверяю вам самый ответственный участок.

Доверяю... Это вызывало гордость и озабоченность.

В воздухе засвистели пули. Я насторожился, всмотрелся в полутьму. Впереди вспышки. Пули ударяются о воду, рикошетят и уносятся вдаль, оставляя за собой протяжный тонкий звон.

Гребцы весело говорили о чем-то между собой. Обстановка для них была привычной. Мне не терпелось сказать им: «Гребите быстрее!» Но я промолчал. И только подумал: «Как быстро отвыкаешь от свиста пуль... Но зато так же быстро и привыкаешь».

Впереди показалось что-то черное. Присмотрелся — верхушки кустов.

— Вот и прибыли, товарищ старший лейтенант,— громко доложил связной.

— Тише,— невольно вырвалось у меня.

Тут же я раскаялся: «Ничего себе начинаю службу на новом месте. Что ж обо мне подумают люди?»

Связной сказал:

— До немца далеко — почитай, метров восемьсот, не услышит.

Бабки. Почему эту местность назвали Бабками, трудно сказать. Солдаты предполагали разное. Одни высказывались, что здесь красивые поляны и ребятишки, наверное, сбегались сюда играть в бабки. Другие утверждали, что, дескать, до войны здесь было четыре двора и жили в них бабы, а мужиков не было. Вот и прозвали Бабками.

— Не то,— вмешивается в разговор старший сержант Кучерин.— Здесь жили только старухи, в честь старух и назвали Бабками.

— Вам, конечно, лучше знать,— соглашается пожилой и морщинистый боец Артемьев, второй номер ручного пулемета, хлопая Кучерина по красной толстой шее.— Вы, ребята, не спорьте со старшим сержантом, он знает, где могут жить бабы, а где бабки.

По кустам покатился смех. На том и порешили — здесь жили старухи.

Бабки были затоплены, вода стояла по пояс. На этот счет тоже рассуждали по-разному.

— Плотину прорвало на берегу залива, вот вода и хлынула,— утверждал Кучерин.

— Вовсе и не плотину,— спорил Артемьев,— а уж такая весна добрая. Всю зиму немцы оборону держали по этим низменностям. Весна и решила их затопить. Фриц кинулся в Медведно, а эта местность стала пустовать. Наше начальство и распорядилось занять ее. Хотя и болото, а наше оно, и все. Вот как дело-то было,— довольный своей рассудительностью, закончил Артемьев.

Да, оно наше! Мы держали в Бабках круговую оборону. Воды было выше пояса, и с каждым днем она прибывала. Ночью с Большой земли мы привели бревенчатые плоты, человек на пять каждый. Их поставили

по кустам, кусты служили и маскировкой. Днем люди могли на плотах только лежать. Приподняться нельзя — срежет пулеметная очередь или снимет снайпер. Немцы боеприпасов не жалели.

Вот так и жил наш «плавающий гарнизон».

По ночам нам доставляли на лодках боеприпасы, сухой паек и изредка горячую пищу. Правда, она только именовалась горячей — до людей доходил уже холодный суп. В шутку мы называли суп не горячей, а «жидкой едой».

Вскоре в Бабки приплыл Съянов. Его появлению я обрадовался.

— Илья Яковлевич! Привезли жидкую еду?

— Нет. Прибыл на пополнение.

Назначил я Съянова вторым номером ручного пулемета на фланговый плот вместо убитого Артемьева.

В июне вода спала. Мы сразу это как-то и не заметили. Привыкли к воде, думали, так и надо. Кусты распустили густую зеленую листву. Земля покрылась травой. Деревянные плоты стали не нужны, огневые точки оборудовали на земле, но копать стрелковые и пулеметные ячейки было невозможно. Копнешь землю на один штык — выступает вода.

Проверяя оборону роты, я долго задержался у расчета станкового пулемета. Командир расчета младший сержант Тит Порфирьевич Анкин с гордостью рассказал мне, как он со своим расчетом заготовил ночью на нейтральной зоне дерн и выложил из него хороший бруствер, похожий на баррикаду. Его инициатива была ценной!

За несколько дней из дерна построили в человеческий рост земляной вал метра в два толщиной.

— Товарищ командир роты, а у нас получилась настоящая крепость, обнесенная «мощным» валом,— радовались бойцы.— Сейчас можно наконец ходить за валом даже в полный рост.

* * *

В конце июня немцы провели ночную разведку силою до стрелкового взвода с задачей взять у нас «языка».

Немецкая разведка явилась серьезной проверкой бдительности и боеспособности роты.

Жизнь в обороне имеет свои законы, твердо установленные боевой обстановкой: днем одна треть личного состава находится на огневых точках за пулеметами и орудиями, остальные отдыхают. Ночью наоборот — две трети личного состава и весь офицерский состав на боевом дежурстве.

Ночь на 28 июня была темная, тихая. На деревьях и кустарниках не шелохнется ни один лист. Немцы, как обычно, вели огонь из пулеметов и автоматов трассирующими пулями и освещали местность ракетами. Я обошел всю оборону, поговорил с бойцами и задержался на правом фланге у станкового пулемета.

В это время за мной прибежал связной от командира взвода противотанковых ружей старшего лейтенанта Артема Григорьевича Казакова и передал, что перед обороной их взвода что-то неладно. Поспешил к Казакову. Он лежал за ручным пулеметом. Спавшая смена из семнадцати бойцов во главе с сержантом Ишимниковым была поднята по тревоге и составила мой резерв. Командир взвода заговорил шепотом:

— Товарищ комроты, слышите?

Я напрягаю слух. Впереди, совсем близко, может быть, метрах в пятидесяти, уловил шорох. Кто-то ползет к нам. В то же время обращаю внимание на линию фашистской обороны. Обычно немцы вели пулеметный огонь, стеля очереди низко, над самой землей. Стрельба велась по нашим огневым точкам, и между очередями делались небольшие паузы. А сейчас пулеметы сыпали без перерыва, и совсем странным было то, что

трассирующие пули прошивали небо высоко над землей. Да, действительно, что-то неладное!

Послал двух связных с приказанием: «Огонь открывать только по моей команде!»

Приготовились к бою. В голове уйма мыслей: «Что намерены делать немцы? Сколько их? Какой будет бой?»

Требовалось немедленно принять решение: что и как делать? А какое примешь решение, когда перед тобой много неизвестного? Принять же решение со многими неизвестными не так-то просто. Сделаешь ошибку, погибнут десятки людей.

Шорох приближается. Слышу дыхание...

— Огонь! — громким голосом подаю команду.

Заговорили наши пулеметы и автоматы.

Сразу же посылаю связных к командирам взводов с приказанием: «Вести непрерывный огонь с места, только с места, и по сигналу — зеленая ракета — изо всех сил на месте кричать «ура».

Слышу крики немцев. Огонь усилили. Стволы пулеметов стали горячими. Каждую долю секунды ждали, что противник бросится в атаку. Но атака не последовала. Командую: «Гранатами — огонь!» Пулеметы, автоматы, гранаты — море раскаленного металла летело во врага.

Подаю зеленую ракету. «Ура» заглушило звуки стрельбы.

Медленно наступает рассвет. Немцев не видно. Отдаю приказ: «Прекратить огонь!»

Наступила тишина.

Впереди, в кустах, кто-то стонал. Старшему лейтенанту Казакову приказываю: с резервной группой ползком выдвинуться вперед и осмотреть местность. Не прошло двух-трех минут, как в кустах раздался выстрел из пистолета, и сразу же послышался громкий голос Казакова: «А, гад, вздумал еще стрелять!»

Казаков взял в плен раненого немецкого лейтенан-

та, который н стрелял в иего. Проческа местностн оказалась отрадной: перед нашим валом нашли двадцать шесть немецких трупов и взяли в плеи командира разведки.

На допросе в штабе батальона иемецкий лейтенант показал, что он имел задачу со своим взводом в составе тридцати человек пронзвестн разведку обороны и взять «языка». Однако ночью он потерял ориентировку и не смог точно определить, где проходнл передний край, и тем самым подставил свою группу под наши пулеметы.

Не сказал он и не мог сказать, что сделала свое дело и бдительность нашнх бойцов и командиров. И, конечно же, уменне советских воинов — воевать научились, это не сорок первый!

По словам командира фашнстской разведки выходило, что только три его солдата унесли ноги.

По приказу майора Пинчука мы собрали немецкие трупы и захоронили их.

После боя между мною, командиром роты, и личным составом возннкло особое чувство взаимного уважения. Я был горд тем, что мы ие нмели потерь, не было среди нас даже раиеных. Это большая радость.

* * *

К 18 августа 151-я отдельиая стрелковая бригада произвела перегруппировку своих сил. Вторые эшелоны бригады вышлн иа передовую лннию и заняли исходные позиции для наступления. Нашу первую стрелковую роту уснлнлн артнллерией, мнометами и сместили кнлометра на два влево, на берег реки Полисть, к отметке 19,0. С этого рубежа роте предстояло наступать с задачей: овладеть рощей Брус, в дальиейшем идти в обход деревни Медведно.

Августовское иаступленне войск Северо-Западного

фронта было связано с наступлением Советской Армии после Курской битвы на Центральном участке фронта. Требовалось сковать силы фашистских войск на северо-западе, чтобы они не смогли снять отсюда даже часть своих войск и перебросить их на Центральный фронт.

Три дня шли неумолкаемые бои в болотах перед городом Старая Русса. Деревня Медведно дважды переходила из рук в руки.

Наша рота 18 августа 1943 года с небольшими потерями выбила немцев из рощи Брус, но дальше продвинуться не смогла. На второй день противник предпринял контратаку, но понес большие потери, отступил, оставив на поле боя три сгоревших танка и десятки трупов.

По приказу майора Пинчука рота закрепилась в роще и перешла к обороне. 21 августа наше наступление приостановилось.

К тому времени батальон майора Пинчука уже более шести месяцев сражался на передовой и крайне нуждался в отдыхе. Решением командира бригады нас вывели во второй эшелон.

Село Чертицкое, наше новое место дислокации, когда-то славилось рыболовством, дома в нем добротные, люди жили в достатке. Рыбаки народ сильный, решительный. Сейчас от Чертицкого осталось несколько домов и церковь. Жителей не было.

Командир батальона провел с нами, командирами рот, рекогносцировку. Роты рассредоточились по окраинам села и начали рыть траншеи, строить дзоты и блиндажи. Здесь я сдружился с командиром второй роты капитаном Михаилом Ивановичем Аникиным. До войны он работал учителем в школе, вел историю. В свободное время Аникин мог часами рассказывать о школе, о детях, которых учил.

Со школы Михаил Иванович переводил разговор на бойцов и сержантов своей роты. И здесь чувствовалась

его забота о людях н уважеиие к ним. Ни об одном человеке капитан не говорнл плохо. Ои был ие только комаидиром, ио и отцом роты.

Капитан Аиикии пользовался у подчинеииых н старших комаидиров таким авторитетом, что этому можно было позавидовать. Мы, молодые, двадцатнлетние, офицеры, привязались к командиру второй роты и старались быть похожими иа иего.

Миханл Иваиович в Чертицком отпраздновал сорокалетие. Деиь рождення оргаиизовал его старшииа Дайиега, тоже Михаил Иванович. Их в батальоне так и звали: Мнхаил Иванович — старший и Мнханл Иваиович — младший. Старшине было лет двадцать пять.

...Солдатским трудом н потом оборону создали быстро. Уже дией через пять комбат Пинчук и его заместнтель по полнтической части майор Субботин осмотрели ротные участки. Лучшие позицни оказались во второй роте. Нам было сказано:

— Учитесь у Аникнна.

Я с команднрами взводов и старшнной роты Грнгорнем Ивановнчем Олефиром обошел участок обороны Аннкииа, виимательно осмотрел каждую огиевую точку, траншею и ход сообщений. Прав был комбат: все здесь построеио со знаиием дела.

Мой старшина за трое суток иедалеко от Чертицкого заготовил стронтельиые материалы. Приготовил хворост, жердн, бревна. В трех километрах от села была дубовая роща. В мае 1942 года там размещалнсь немецкие артнллернйские огиевые позиции. Роща пострадала, вековые дубы с вывороченимн корнямн валялнсь, нагроможденные один на другой. Старшииа Олефир решнл использовать их для дооборудовання обороны.

Бревна, жерди, хворост доставнли на позицнн, и вновь закипела работа. Траишен н ходы сообщения укрепилн хворостом. Дзоты перекрыли дубовымн брев-

нами, из оставшихся решили построить командирский блиндаж. Стены выложили из бревен, настлали из жердей пол. Нашлись в роте плотники, столяры и печники. Посередине блиндажа — стол, скамейки. Вдоль стен деревянные нары. Как же приятно, даже мягко было спать на таких нарах! В гарнизоне «Бабки» нары были земляные, сырые, и от них болели бока. А здесь все из дерева. Матрацы набили свежим душистым сеном. Зайдешь в такой блиндаж, и от удовольствия даже дух захватывает.

Григорий Иванович был молодцом. Строительство земляного вала в Бабках шло под его непосредственным руководством, правда, план был мой, а заготовкой и укладкой дерна командовал он. Старшина был человеком инициативным: то организует ротную сапожную мастерскую, то наловит рыбы и накормит всю роту ухой, то вечером зайдет в солдатский окоп и устроит хоровое пение украинских песен. А петь он умел!

Я попросил Аникина не строить новый блиндаж, а жить в моем со всем офицерским составом роты и старшиной. Он согласился. Жили мы дружно. Провели немало интересных вечеров, многое узнали от Аникина из истории приильменской земли.

Во втором эшелоне стояли месяца два, это время осталось в памяти на всю жизнь. Здесь шла упорная и в то же время интересная учеба личного состава рот. Здесь я понял вкус, даже приобрел тягу к учебе. Аникин привил мне навыки методической подготовки.

В ноябре 151-ю отдельную стрелковую бригаду реорганизовали в 756-й стрелковый полк. Соседнюю 127-ю курсантскую бригаду преобразовали в 674-й, а 144-ю — в 469-й полки. Таким образом, из трех бригад создали 150-ю стрелковую дивизию, которой довелось потом штурмовать Берлин. Из-под Старой Руссы вновь сформированную дивизию перебросили в район Великих Лук.

Жаль было покидать оборону второго эшелона, созданную большим солдатским трудом, и командиры в шутку говорили: «Надо бы такие хорошие траншеи и блиндажи увезти с собой». Ушли мы из села Чертицкое в конце ноября 1943 года.

* * *

На станции Пола 150-ю стрелковую дивизию погрузили в товарные вагоны и повезли на восток. Потом повернули на юг, вскоре — на запад. Ехали и гадали — куда же нас везут? Предполагали всякое, но никто ничего не знал.

Проехали станцию Торопец. Впереди лежал уже взятый войсками 3-й ударной армии город Великие Луки. Не доезжая до города, выгрузились из эшелона на маленьком полустанке. Ночью пешим порядком полковыми колоннами вместе с обозами прошли через Великие Луки. Город был сильно разрушен, особенно в районе железнодорожной станции. Вместо домов стояли одни стены.

В городе ни огонька, ни одной человеческой души. Мы шли словно по кладбищу.

Утром колонна остановилась на западной окраине города. Только здесь я заметил землянки, из которых выходили люди. Вид их вызывал тяжелое чувство: полураздетые старики, старухи и дети, отощавшие от голода и перенесенных в оккупации бед. Лица бледные, морщинистые. Я видел «старух», которым было только по пятнадцать лет,— седые, желтые, словно из воска.

С запада доносился гул артиллерийской канонады, где-то впереди шли бои...

Еще под Старой Руссой, когда из трех бригад создали дивизию, произошла перестановка командного состава. Дивизией командовал наш командир бригады полковник Яковлев, начальником политотдела назна-

чили человека тоже из нашей бригады — полковника Воронина Николая Ефимовича. Майор Пиничук Алексей Иванович ушел от нас командовать 674-м стрелковым полком. А в 756-й полк из штаба армии прислали подполковника Жидкова.

Нашим первым батальоном командовали также новые офицеры: комбатом стал майор Аристов Евстафий Михайлович, заместителем по политчасти — майор Субботин, начальником штаба — старший лейтенант Георгий Рожков.

Несколько слов о Рожкове: ему исполнилось 22 года. Он был стройным, высоким, а по характеру — веселым и деловым. Умел играть на баяне, с которым никогда не расставался, играл на гитаре и балалайке. Я никогда не думал, что можно так хорошо играть на таком простом инструменте, как балалайка. Считал, что на ней только бренчат, а наш Жора, как мы стали его называть, выводил всевозможные мелодии: то быстрые — плясовые, то тихие — грустные, а то еще какие-то протяжные, певучие. Придет, бывало, на длительном привале в роту, сначала проверит, все ли окопались на случай внезапного воздушного налета противника, посмотрит на бойцов и командиров, кого-то постыдит за неряшливость, кого-то похвалит, а потом сядет в солдатский круг и скажет:

— Сбегайте кто-нибудь к штабной повозке, принесите баян.

Сколько было у него энергии! Всюду успевал, никогда не выглядел уставшим, всегда подтянут, опрятен, весел. Этот офицер приносил с собой радость и тот душевный подъем, который так необходим в суровой фронтовой жизни.

Из боя — в бой

Северо-Западный фронт вскоре расформировали и на его базе создали три Прибалтийских фронта. 2-м Прибалтийским, в который вошла наша 3-я ударная армия, командовал генерал армии (позже Маршал Советского Союза) Андрей Иванович Еременко. Начиная с декабря 1943 года и до конца марта 1944 года, то есть в течение четырех месяцев, дивизия участвовала в непрерывных боях. Четыре месяца! За это время десятки деревень и сотни безымянных высот мы то брали, то оставляли под натиском превосходящих сил противника. А потом снова переходили в атаки.

Генерал Василий Митрофанович Шатилов (после полковника Яковлева он с мая 1944 года командовал 150-й дивизией) в своей книге «Знамя над рейхстагом», написанной уже после войны, рассказал: «В декабре прошлого года (1943 г.— *С. Н.*) обстановка на участке фронта, занимаемом 3-й ударной, была исключительно сложной. Армия оказалась в полукольце, получившем в обиходе название Невельского мешка. Однако действовавшие против нее фашистские войска сами находились под угрозой окружения. Противник проявлял особую активность на флангах, стараясь «завязать мешок». Удары его пехоты и танков следовали один за другим. У гитлеровцев имелось больше коммуникаций, а следовательно, и лучшие возможности для снабжения боеприпасами, продовольствием и пополнения людьми. В листовках, сбрасываемых с немецких самолетов в расположение наших частей, с неуклюжим остроумием писалось: «Мы в кольце, и вы в кольце, посмотрим, что будет в конце».

«В конце» неприятельское кольцо удалось разорвать. Особенно тяжелые бои пришлось вести за населенные пункты Шилнху, Поплавы и высоту с отметкой 167,4. Дивизия получила приказ овладеть высотой во что бы то ни стало. И она предпринимала одну лобовую атаку за другой. Высоту взяли. Но какой ценой!

Тут я хотел бы сделать небольшое отступление. Принято думать (некоторой категорией людей), что трудно брать только города, при этом значительные по своему стратегическому и экономическому положению. На самом деле это не так. Есть безымянные высоты, которые имеют лишь тактическое значение в масштабе полка, дивизии или армии. Но их нужно непременно взять, и они берутся с большим трудом, и здесь уже ни перед чем нельзя останавливаться, ибо это обеспечивает успех целого ряда соединений. Воины нашей дивизии еще не знали, что им предстоит штурмовать Берлин и сам рейхстаг, но они брали эту высоту с безликой отметкой 167,4 с полным солдатским самоотречением. Она досталась нам дорого. В этом и воинская дисциплина, и подвиг.

В составе 150-й дивизии осталось всего две тысячи двести человек.

В конце апреля нас перевели во второй эшелон армии. Путь лежал по Невельскому шоссе, покрытому лужами. Люди брели полуразутые: одни в валенках, другие — обернув ноги вещевыми мешками и гранатными сумками. В воздухе висела вражеская авиация. Колонна подвергалась непрерывной бомбежке днем и ночью.

...На пятые или шестые сутки пути от города Великие Луки батальон майора Аристова перед рассветом подошел к деревне Каменка. Впереди, может быть, не далее двух-трех километров, проходила передовая. Слышались захлебывающиеся звуки пулеметных очередей. За деревней, в густом хвойном лесу, поротно остановились на суточный привал.

Днем комбат собрал нас, командиров рот, и повел на передний край. Мы должны были сменить какую-то часть. Командир роты, которого я менял, встретил меня неприветливо. Я оглядел его. На вид лет тридцать, одет в маскировочный халат, перепачканный окопной глиной, оброс бородой, взгляд колючий — сердитый. Да, очевидно, ему пришлось несладко, подумал я. Как бы угадав мою мысль, он сказал:

— Что так рассматриваешь? Побудешь на моем месте, сам таким станешь.

Но позже он все-таки разговорился, и я узнал кое-какие подробности. Раньше мой «хозяин» командовал взводом ротных 50-миллиметровых минометов (сдавший участок обороны на фронте назывался «хозяином», а принимавший — «покупателем»). Его воинское звание — старшина. Командир роты неделю тому назад был убит, взводных тоже давно не стало. В роте вместе со старшиной осталось девять человек. Наступали в составе батальона на высоту 167,4 восемь суток и не могли взять. Я попросил «хозяина» показать мне ротный участок. По фронту он имел метров триста, оборудован траншеями полного профиля. Но они были пусты — некому стоять в ячейках.

— Вот она, высота проклятая! Смотри, капитан, изучай, завтра, очевидно, наступать будешь,— с ожесточенностью сказал старшина.

Я решил смягчить его, высказав предположение:

— Потери у врага, очевидно, не меньшие.

В ночь на 20 декабря заняли траншеи перед высотой. На 21-е намечалось наступление. Весь день прошел в напряженной работе. С утра вызвал комбат, у него собрались все командиры рот. Пришли артиллерийские и танковые командиры. Рассматривали высоту, как говорится, на местности, потом согласовали вопросы взаимодействия. Уточняли, утрясали, увязывали все до мельчайшей подробности.

Майор Аристов отдал приказ. Моя первая стрелковая рота с ротой танков Т-34, с батареей 76-миллиметровых пушек при поддержке батареи дивизионной артиллерии должна была наступать на правом фланге батальона с западных скатов безымянной высоты. Левее шла вторая рота капитана Аникина.

Утро 21 декабря 1943 года. Тихо. По всей линии исходных позиций полка взметнулись зеленые ракеты — сигнал артиллерийской подготовки.

Высоту закрыли дым разрывов и фонтаны земли. Противник словно ожидал этого. После первых же выстрелов фашисты открыли ответный огонь по нашим позициям. Все перемешалось. Гул. Гром. Лязг и визг.

Через 30 минут ожесточенного огня взвиваются красные ракеты — сигнал атаки. Выскакиваю из траншеи. На какой-то миг — в полный рост, даже приподнимаюсь на носках, поднимаю вверх правую руку с пистолетом, крепко сжимаю рукоятку, делаю пол-оборота налево и подаю команду, до предела напрягая голос:

— Рота... За Родину... За мной — вперед!

Сто человек как один в одно мгновение устремились к высоте. Многие меня обгоняют, кто-то упал...

— Комму-ни-сты! — слышу голос лейтенанта Трофимова, заместителя по политической части,— за мной!

— Ком-со-моль-цы... вперед! — крикнул сержант Фетисов, комсорг роты.

И вот уже скаты высоты. Карабкаемся вверх. Скаты крутые. Дыхание от быстрого бега перехватило. Колет в легких, из-под шапки по лицу ручьями бежит пот. «Ну, родные,— мысленно обращаюсь я к бойцам роты,— осталось немного. Вот траншеи врага, до них каких-то 30—40 метров! Ну...»

В это время десятка два фашистов до пояса поднялись над бруствером, и в нас густо полетели гранаты.

Рота скатилась к подножью высоты. В этот день мы еще три раза поднимались в атаку. И трижды откатывались.

Наступал вечер. Стрельба слабела с обеих сторон. В сумерках высота 167,4 выглядела темной, почти черной. В лощине, в 100—150 метрах перед линией немецкой обороны, лежали в воронках по два-три бойца.

Да, высота, действительно, оказалась проклятой...

Фашисты изредка освещают местность ракетами, ведут огонь разрывными и трассирующими пулями. Переползая от воронки к воронке, я пробираюсь вдоль линии взводов. Хочу выяснить потери, поговорить со своими людьми, поставить им задачу. Возвращался с тяжелой мыслью: потери большие. Находил успокоение только в одном — настроение у людей боевое.

Мой НП располагался в большой воронке от фугасного снаряда. Воронка была настолько глубокой, что на ее дне выступала вода. Батальонные связисты восстановили телефонную связь. Зазуммерил телефонный аппарат. Беру трубку. Слышу голос комбата:

— Неустроев, оставь кого-нибудь за себя, а сам немедленно ко мне!

Оставил командовать ротой старшину Олефира. Мой связной, или, как называли на фронте, ординарец, Гриша Осинцев был убит, и я взял с собой первого попавшегося бойца. Им оказался восемнадцатилетний паренек Вася Суханов.

Где ползком, где перебежками добрались до наблюдательного пункта батальона. Первый вопрос майора Аристова был очень прост:

— Сколько людей?

— Тридцать четыре, товарищ майор,— ответил я.

Евстафий Михайлович помолчал минуту, затем посмотрел куда-то в потолок своего блиндажа, как бы в раздумье сказал:

— Командир полка приказал из трех стрелковых

рот сделать одну. Капитан Михаил Иванович Аникин убит.

В блиндаже стало тихо, настолько тихо, что было слышно, как горел телефонный провод, которым освещался блиндаж.

— Прямое попадание,— выдавил комбат.— От Аникина старшина Дайнега нашел только одну планшетку...

Да, потери были значительные. Погиб и Жора Рожков.

Я вышел из блиндажа, мне страшно хотелось пить, хотелось залить огонь холодной водой, водкой, чем угодно. Воды не было, водки тем более, решил наглотаться снегу. Но и его вокруг блиндажа тоже не оказалось. Снег взрывными волнами снесло в лощину. Спустился туда. Вместо снега увидел сугробы сажи, перемешанной осколками мин и снарядов.

Вернулся в блиндаж. Слышу:

— Неустроев, передай людей командиру третьей роты капитану Королеву, а сам принимай дела начальника штаба, а то я остался один.

Майор протянул мне боевые топографические карты с нанесенной на них обстановкой. Штабная землянка находилась рядом с комбатом. Это был котлован размером не более двух метров длиной и полутора — шириной, перекрытый сверху бревнами в один накат. Справа — узкие земляные нары.

Попросил Васю Суханова истопить печку, пристроенную в конце нар. Боевые карты уложил в железную коробку из-под лент станкового пулемета и, сморенный смертельной усталостью, улегся спать. Проснулся от жары, чугунная печка накалилась докрасна. «Молодец»,— подумал я о новом ординарце. Руками шарю по сапогам, кирзовые голенища были горячими. «Нет, так дело не пойдет,— говорю себе,— нары короткие, пятки достают до печки, чего доброго, сонному можно опа-

лить собственные ноги». Машинально беру коробку, которая служила подушкой, и ставлю ее к печке. «Вот сейчас можно спать, через такой барьер не прожжет».

Спал не более двух часов, вскакиваю — в землянке дым. Ощупал сапоги — все в порядке. Шинель тоже цела. Взял коробку... и тут же ее уронил, она раскалилась, и из нее валил дым. Открыл дверь, ногой вышвырнул свою «штаб-канцелярию» из землянки.

Зашел к комбату. Он не спал. Моему приходу обрадовался:

— Ну что, товарищ начальник штаба, тоже не спится?

— Товарищ майор, у меня сгорели боевые карты, в коробке были...

— Постой, постой, говори толком! — Аристов повысил голос.

Когда я рассказал о происшедшем, он долго молчал, потом подошел ко мне, посмотрел в упор и с гневом зашипел:

— Уходи к чертовой матери, товарищ «на-чаль-ник штаба»! Марш в роту!

Выхожу из блиндажа, виноват! Но не успел за собой закрыть дверь, услышал:

— Вернись! Ладно, Степан, не сердись на меня, старика, не знаю, что мне скажет подполковник Жидков, но тебе лучше быть в роте!

Это он сказал примирительно, даже спокойно. Напомнил, что в восемь ноль-ноль артподготовка, в девять ноль-ноль — атака.

Сверили часы, обнялись и поцеловались. Евстафий Михайлович проводил меня до траншеи.

О том, как я одну ночь был на должности начальника штаба, после боев узнали в полку и в штабе дивизии. Шутили. А я отвечал: «Не каждый может быть штабистом. А я — командир роты». Не знал тогда, что вскоре стану комбатом. Капитан Королев Николай Зи-

новьевич стал начальником штаба. Я — командиром объединенной роты.

* * *

А бой продолжался...

Всю ночь шла усиленная перестрелка. Противник в прошедшие ночи был спокойнее. Сегодня он вел огонь из всех видов оружия, непрерывно освещал местность ракетами, его самолеты дважды бомбили наши боевые порядки.

Мы предполагали: фашисты, очевидно, готовят крупную разведку или утром перейдут в наступление.

То и дело звонил телефон. Комбат требовал усилить наблюдение за поведением врага и готовиться к отражению его атак.

Ночь тянулась томительно долго, нервы были напряжены до предела. Перед рассветом ракеты противника стали реже подниматься в воздух, ослабел и пулеметный огонь.

— Устал фриц, выдохся,— кивнул Олефир головой в сторону высоты, поднял воротник полушубка, положил голову на пустой термос и закрыл глаза.

Я внимательно смотрю на него: щеки ввалились, подбородок заострился, оброс щетиной, борода словно стальная щетка. Да, ничего не скажешь... Поизмотала нас эта высота. Одним словом — «проклятая»!

Никто в роте в эту ночь не сомкнул глаз. Сейчас, когда стихла стрельба, сильно хотелось спать. Голова тяжелая, словно свинцовая, так и клонится вниз.

Я уже хотел лечь рядом со старшиной и отдохнуть хотя бы часок, но снова раздался телефонный звонок. Беру трубку и слышу гневный голос майора Аристова:

— Проспали, проворонили! Куда только смотрели?! Я же предупреждал... Противник-то ушел.

И он действительно ушел.

Обхитрил нас.

Зашевелился весь полк, посыпались приказы и распоряжения. Смысл их сводился к одному: «Догнать врага! Не дать ему закрепиться!»

Рота в линии взводных колонн перевалила за высоту, вышла на обратные ее скаты. Прошли еще через какие-то высотки, и перед нами открылось ровное белое поле. Настолько белое, что уставшим глазам стало больно.

Справа и слева двигались войска. Как же их много! На конной тяге везут пушки. Ездовые понукают лошадей, размахивают кнутами, надрывно кричат:

— Но! Ну, пошел!

Снега — выше пояса. Артиллеристы, ухватившись за колеса, помогают ездовым и тоже кричат:

— Пошел!

Показались батальонные и полковые обозы.

Когда мы наступали на высоту, я думал, что атакует «проклятую» только моя рота и на нее, только на нее одну, фашисты обрушивают весь свой огонь. Может быть, никаких других подразделений уже и нет... На самом же деле жил и воевал весь 756-й стрелковый полк. А теперь идет на запад, хотя медленно, но на запад! Эти мысли принесли облегчение, и на душе было уже не так тяжело.

Противник отошел километров на шесть и с безымянных высот, по которым проходила у него вторая линия обороны, встретил нас довольно плотным минометным огнем.

Перед высотами протянулся глубокий овраг. Рота достигла оврага, и я отдал приказ: «Окопаться».

Местами овраг перемело снегом, кое-где виднелись обрывистые берега. Выставляю дежурных пулеметчиков и автоматчиков. Они быстро и умело, как будто всю жизнь только и рыли землю, оборудовали по кромке оврага стрелковые ячейки и пулеметные площадки, отсюда местность просматривалась далеко вперед. От-

четливо виднелось проволочное заграждение противника, его дзоты.

Свободный от боевого дежурства личный состав роты вкопался в снег и получил возможность немного поспать.

Вскоре батальонные связисты установили телефонный аппарат. Докладываю комбату, что рота окопалась, наблюдатели выставлены, а остальные отдыхают.

Здесь мы стояли до 1 января 1944 года.

* * *

Небольшая передышка после недельных упорных боев была крайне необходима. Мы получили пополнение. В батальоне опять стало три стрелковых роты.

В канун Нового года командир дивизии полковник Яковлев провел с командирами стрелковых полков и батальонов, командирами приданных и поддерживающих подразделений рекогносцировку. На нее вызвали и нас — командиров рот. Здесь я впервые увидел прославленных комбатов 150-й дивизии: майоров Сергея Чернобровкина и Ивана Колтунова, капитанов Василия Давыдова и Федора Ионкина.

Штаб дивизии разработал детальный план наступления с учетом ошибок и просчетов, допущенных в боях за высоту 167,4.

И вот пришло утро 1 января 1944 года.

Содрогнулась земля. В течение часа длилась артиллерийская подготовка. Бомбардировщики под прикрытием истребителей партиями уходили в тылы вражеской обороны.

А потом вместе с танками пошли в атаку и мы. Первая траншея противника была завалена убитыми. Хорошо поработали артиллеристы!

Прошли еще метров пятьсот. Показалась вторая траншея.

Противник делает попытку остановить наступающих, но безуспешно. Наши знаменитые Т-34 утюжат вражеские позиции. Штурмовая авиация на бреющем полете обрабатывает тылы немцев.

За день наступления мы продвинулись вперед километров на двадцать.

Комбат приказал:

— Цепь батальона свернуть! Перестроиться в линию колонн и ускорить движение!

Я иду в голове колонны. Напряжение спало, настроение у всех бодрое, и в рядах уже идут солдатские разговоры. Слышу веселый голос младшего сержанта Солодовникова:

— Хорошая примета, что в Новый год наступаем удачно. Значит, весь год будет везти.

— Верно говоришь, товарищ сержант,— поддерживает высокий боец из последнего пополнения.— Новогодние приметы сбываются. Вот у меня был случай, тридцать девятый встречали. Ну, как положено, за неделю стали готовиться: купили всякой всячины, жена моя, Дарья, нажарила, напарила. Ждем гостей, а тут прибегает шуряк и просит: «Помоги, Вася, бочку с квашеной капустой из чулана в сарай переставить, а то в чулане мешает». Говорю Дарье: «Сбегаю на минутку». Ну и пошел. Жена шуряка в городе училась на курсах, на праздник не приехала, он, значит, один. Выкатил бочку, надо б мне, дураку, сразу домой пойти. А он нет — не отпущает, тащит в избу. Зашли и с устатку выпили по стаканчику, потом ишшо... Ночью очутились мы с ним в гостях у Петрухи — его соседа. Там и Новый год встретили!

В рядах засмеялись. Солдат продолжал:

— Прихожу домой утром... И чо там было! Дарья, как ошалела,— набросилась на меня с ухватом и давай обхаживать. Думал, подурит день-другой и перестанет. Так нет же, целый год бесилась. Примета! Как вы, брат-

цы, не знаю, а я в приметы верю. Как вспомню тридцать девятый, по седня ребра болят.

— Это что,— подхватывает другой солдат,— вот у меня...

Я слушал своих бойцов и думал: «Какая ж ты огромная, сила в народе! Никакие невзгоды, никакие трудности не смогут его сломить. Чуть отошел человек от боя, и вот уже — побаски и смех».

Где-то далеко впереди, может быть, километрах в десяти, загрохотали пушки. Нетрудно было догадаться: это завязали бой наши танковые части, которые обогнали пехоту.

Подскакал верхом старший лейтенант Салуха — новый начальник штаба и передал приказ комбата: «Танки достигли деревни Шилиха и ведут бой. Без привалов, ускоренным маршем, выйти к северо-восточной окраине деревни и с ходу атаковать».

Я развернул карту, стал оценивать обстановку. Рота по бездорожью, по глубокому снегу, прошла уже более двадцати километров. До Шилихи еще семь километров. Сейчас семнадцать часов десять минут. Подойдем к намеченному рубежу не раньше чем через два часа. Люди и сейчас чувствуют крайнюю усталость. А что будет через два часа? «С ходу атаковать...»

Ну, ничего, поживем — увидим. А пока нужно без задержки идти навстречу бою, и я по привычке командую:

— Подтянуться! Шире шаг!

Пробую сам идти «шире», но шаг получается у меня все у́же и уже.

Мы все-таки дошли до этой деревни и, развернувшись, бросились на врага. Атака, однако, оказалась неудачной...

Бои за Шилиху приняли довольно затяжной и тяжелый характер. Деревня за пять суток до десятка раз переходила из рук в руки. В январские и февральские дни, да и не только дни, но и ночи, шли непрерывные

бои. Местиость была холмистой, изрезаииой оврагами, и сковывала действия иаших войск, особеиио таиковых частей.

У фашистов обороиа имела большую глубииу. Каждую высоту и холм оии опоясали проволочиым заграждеиием и превратили в опориые пуикты. Но в результате упориых боев мы взяли и эту деревию.

После боев за Шилиху дивизию вывели во второй эшелои. Правда, отдыхать долго ие пришлось. Получили иовое пополиеиие и сиова в бой...

Одиу за другой брали безымяиные высоты.

Сколько ж было их завоеваио! И сколько осталось там иаших людей... Но высоты иужиы было брать. Без этого мы ие дошли бы до Берлииа.

●

Высоты надо брать

1 марта в бою за деревию Поплавы я был раиеи в левую руку. Ранеиие, правда, иетяжелое, ио комаидир санитариой роты лейтеиаит Иваи Нестереико иастоял, чтобы меия эвакуировали.

Лежал в армейском полевом госпитале, который иаходился иедалеко от лииии фроита.

Вместе со миой был тяжело раиеи 18-летиий комсомолец Володя Валеиюк, сиайпер роты. Только в 1985 году, на Параде Победы, мы встретились в Москве. Володя — иивалид второй группы. Ои воевал год, успел уиичтожить 18 фашистов.

3-я удариая армия подошла к реке Великой, ио иачалась весеиияя распутица, и войска перешли к обороие.

В коице апреля рука зажила, и меия выписали из госпиталя. Без труда разыскал штаб 150-й, расположеи-

ный в густом хвойном лесу. Дивизия стояла во втором эшелоие армии. Оиа получила большое пополиеиие и укомплектовывалась.

Но в 756-й полк я ие попал. Доказывал, что имею полное право вериуться в свою часть, одиако иачальник штаба дивизии был иепреклонеи.

Направляюсь в 469-й стрелковый полк заместителем комаидира второго стрелкового батальоиа к прославлеииому майору Иваиу Васильевичу Колтуиову. Комбат встретил меия без особых восторгов, осмотрел с иог до головы и сказал что-то иевиятиое, вроде: «м-д-а-а».

Коиец апреля и иачало мая прошли в работе — строили второй эшелои обороиы. Перекидали десятки тысяч кубометров земли. Отрыли до восьмидесяти километров траишей и ходов сообщеиия. Строили дзоты и блиидажи...

Бойцы стали иастоящими строителями, а офицеры — прорабами. Комаидиры рот до поздией иочи составляли расчеты иа потребиое количество строительиых материалов, шаицевого ииструмеита, делали чертежи блиидажей и дзотов, а утром, до иачала работы, собирались у комбата.

Иваи Васильевич молча, виимательио, как иачальиик строительиого треста, рассматривал чертежи, схемы и заявки. Некоторые утверждал сразу и вручал ротиому со словами: «Хорошо, иди работай». На других делал поправки, тыкал караидашом в бумагу и говорил ротиому: «Ну что это у тебя? Ну иа что это похоже? Иди переделай и через тридцать мииут покажешь».

Майор Колтуиов обладал исключительиой выдержкой и терпеиием. Ои ие кричал иа своих подчииеииых, ие стучал кулаком по столу, а спокойио, по-деловому добивался, чтобы комаидиры всех степеией, как выражался ои сам, «шевелили мозгой».

В первые дии моего пребываиия в батальоие мы присматривались друг к другу и как-то иезаметио сдружились. В свободиые мииуты комбат часто говорил:

— Вот закончится война, уеду куда-нибудь в лес и займусь пчелами. Там тихо, а какой воздух!..

Забегая наперед, скажу, что после войны комбат еще долго служил в армии. В 1950 году в звании полковника ушел в запас и, действительно, занялся пчеловодством. Окончил сельскохозяйственный институт, поступил в аспирантуру, стал кандидатом наук.

Сколько у этого человека было силы воли, сколько трудолюбия! Он не умел сидеть без дела, вечно что-то планировал, ходил, проверял, требовал и учил.

* * *

Вечером 12 мая все командование батальона вызвали в штаб полка. Полковник Николай Николаевич Болынин был озабочен. Поздоровался за руку с Колтуновым, с начальником штаба капитаном Иваном Васильевичем Кузнецовым, замкомбата по политической части капитаном Николаем Ганченко. Потом подошел ко мне, сжал руку и как-то с оттяжкой тряхнул вниз. Я чуть было не присел от нестерпимой боли, но удержался. Полковник посмотрел сначала на меня, затем обратился к майору Колтунову.

— Ну как твой заместитель, не жидковат?

У меня от этого вопроса выступил пот на лбу, хотел ответить, что «жидковатость» проверяют в бою, а не таким образом, но промолчал.

Вскоре к штабу полка подошел «газик». Из машины вышел начальник политотдела дивизии полковник Николай Ефимович Воронин, которого мы часто видели и на передовой, и на привале среди солдат. Он пользовался огромным авторитетом и уважением. С улыбкой подошел ко мне, справился, не беспокоит ли последнее ранение, как приживаюсь на новой должности. Неприятный вопрос командира полка улетучился сам по себе, и я почувствовал, что нахожусь в своей семье.

С Воронниным приехал иезнакомый полковник, и он заговорил первым:

— Зиачит, этот батальои, Болынин, у тебя будет проводить показное ученне?

— Так точио, товарищ командир дивизии.

Так вот он какой, наш новый командир 150-й дивизии.

Начииаю его сравнивать с Яковлевым. Первое впечатление о Шатилове Василии Митрофаиовиче сложилось неважиое: говорил глухим голосом, как-то в нос, а главное, что сразу бросилось в глаза, он больше говорил, чем слушал. «Как видно, самоуверен,— шепиул мне Ганченко.— Или чересчур толковый, или плох». Перед батальоиом командоваиие дивизии и полка поставило сложную и ответственную задачу: «Сегодня иочью выдвииуться в лес, что на один километр восточнее высоты 211,0, и с утра приступить к боевой учебе». Требовалось к 17 мая подготовиться к проведению показиого учеиия для командиров дивизий и полков 3-й ударной армии.

Из штаба полка вышли поздно вечером. По дороге комбат рассуждал:

— Нет, вы только представьте себе, что приедут командиры дивизий и командиры полков из всей армии и будут у нас учиться, как нужно наступать на хорошо подготовленную оборону противника. И это еще ие все: на учеииях будут командующий армией генерал-лейтенант Юшкевич и сам комаидующий фроитом генерал армии Еременко. А нрав у Еременко крутой...

Заблаговременно под личным руководством полковника Шатилова саперный батальон дивизии создал на высоте 211,0 сильно укрепленный опориый пункт «противника». Вырыли три линии траншей, построили двенадцать дзотов, а иа обратиых скатах — шесть вместительных блиидажей. Перед передним краем поставили в три ряда проволочное заграждение. Всюду расставили мишени.

Четыре дия шла упорная учеба. Атака следовала за

атакой. По двадцать — тридцать раз иа деиь майор Колтунов возвращал роты иа исходный рубеж, и все иачиналось сиова.

Гимнастеркн на бойцах н комаиднрах были мокрые, в сапогах хлюпала вода.

Наступнло утро 17 мая. До рассвета батальои занял исходные познцни для «наступлення». Приехал полковннк Болынин н прнказал майору Колтуиову:

— С четвертой ротой пойдет в атаку капнтан Неустроев, с пятой — начальиик штаба капитан Кузнецов, с шестой — заместитель по полнтической частн капитаи Ганченко. Артиллерийским н мнометиым огнем будет управлять заместнтель командира полка подполковннк Алексеев совместно с иачальннком артиллернн полка капнтаном Захаровым.

Такое решеине команднра полка пришлось ие по душе Ивану Васнльевнчу. Он стал возражать, доказывать, почему ие следует подменять команднров рот заместителями комбата.

Болынии вскипел:

— Ты что, Колтунов, не выполияешь мой прнказ? Я тебя отстраияю от должиостн. Запомни, что боем управляет Алексеев.

Мие с Ганченко н Кузнецовым ннчего не оставалось как ндтн в роты.

Метрах в пятнстах позадн нсходиых позиций к 10 часам собрались генералы, полковиикн, подполковникн. Мие, как командиру четвертой роты, позвоиил подполковннк Алексеев:

— Приехал комаидующий фроитом. Через пять минут начинаем. Следи личио за серией красиых ракет — сигиалом атаки.

Что там было, в нашем тылу, о чем говорили генералы, я не знаю. Зиаю одио, что второй батальои действовал на ученнях, как в настоящем бою. Когда овладели третьей траншеей и перешли иа преследование «отсту-

пающего противннка», все бойцы и команднры были мокрыми, с нас градом катнлся пот.

Продвннулнсь в глубнну «вражеской» обороны кнлометра на трн н получнлн прнказ: «Отбой!» Ночью спалн мертвецкнм сном...

Утром в батальон прнехало командованне днвнзнн н полка. Полковннк Шатнлов и начальннк полнтотдела Вороннн провели разбор учення. Оценку мы получнлн отлнчную. Личному составу от нменн командующего фронтом объявнли благодарность. Нас попроснлн составнть спискн воинов для награждення ручнымн часамн, которые генерал армни Еременко выдал отличившимся.

Строительство второй лнннн обороны по восточному берегу рекн Великой было закончено, и батальон, находясь в днвнзнонных тылах, получнл возможность отдышаться. Жнлн по распорядку дня мнрного временн.

Во всех подразделеннях прошлн партнйные н комсомольскне собрання. Отличнвшнхся в последннх боях и на ученин прнннялн в партию. Партнйно-комсомольская прослойка была, как ннкогда, очень высокой — до пятндесяти процентов общей чнсленностн батальона. Огорчало одно — отсутствне в батальоне майора Колтунова. Полковннк Больнннн, как мне стало потом нзвестно, сводил с Иваном Васильевнчем какие-то старые счеты. Но командованне н полнтнческнй отдел днвнзин представленне командира полка не утверднли, н, к нашей радостн, комбат вскоре вернулся на свою должность.

* * *

20 нюня командованне батальона вместе с командирами рот и спецподразделенний вызвалн на передовую. Предстояло пройтн кнлометров пятнадцать. Мнновалн Козннй брод — прнток рекн Велнкой. Он был неглубокнм, всего по колено, очевндно, поэтому н получнл такое смешное названне — Козний. Между холмов и высот, по

лощинам, обросшим стройными березами, где пели какие-то пичужки, вышли на опушку леса между двух озер. По опушке проходили наши траншеи, их занимали подразделения первого эшелона.

Озера соединены между собой протокой. Ширина протоки достигала пятидесяти, глубина местами — более двух метров. Серьезная водная преграда. От западного берега протоки не далее как в пяти-шести метрах начинались крутые скаты высоты 228,4.

Высота поросла редким кустарником. Кое-где на ней стояли изуродованные войной, без верхушек, вековые сосны.

В первой траншее, на наблюдательном пункте батальона Василия Иннокентьевича Давыдова, нас встретили командир полка и начальник штаба подполковник Уткин. Болынин посмотрел на часы:

— Да, ничего не скажешь — вовремя.

— Стараюсь исправиться, товарищ полковник,— ответил майор Колтунов.

Уткин и стоявший рядом с ним капитан Давыдов рассмеялись.

— Но-но, к делу! — оборвал их командир полка.

Подошел капитан Федор Алексеевич Ионкин со своими командирами. Появились командиры поддерживающих и приданных артиллерийских и танковых подразделений. Полковник Болынин очень грамотно, по-командирски ввел в обстановку. Был он настоящим военным. Вот только несколько грубоватым и не всегда справедливым.

— Высоту 228,4, или, как ее прозвали солдаты, «Заозерную», противник занимает в течение двух месяцев. С нее просматривается наше расположение на восемь-девять километров, местами до двенадцати. С овладением «Заозерной» мы лишим противника важного опорного пункта. Получим возможность ввести в бой крупные танковые и механизированные силы, то есть выйдем на

С. А. Неустроев.
1939.

2
С. А. Неустроев,
командир батальона.
Берлин, 1945.

3
М. А. Егоров, разведчик.
Берлин, 1945.

4
М. В. Кантария, разведчик.
Берлин, 1945.

5
К. Я. Самсонов, капитан,
командир батальона.
Берлин, 1945.

5

3

2

4

6
Ф. М. Зинченко, полковник, командир 756-го стрелкового полка. Берлин, 1945.

7
А. Д. Плеходанов, полковник, командир 674-го стрелкового полка. Берлин, 1945.

8
И. Я. Съянов, ст. сержант, командир роты. Берлин, 1945.

9
К. В. Гусев, ст. лейтенант, нач. штаба батальона. Берлин, 1945.

6

8

7

9

**Здесь, на первых ступенях
рейхстага, был сражен
Петр Николаевич Пятницкий.
1945.**

С. А. Неустроев
и В. Е. Субботин.
1957.

Герои штурма рейхстага
у Знамени Победы.
Справа налево:
В. М. Кантария,
С. А. Неустроев,
В. М. Шатилов,
Ф. М. Зинченко,
М. А. Егоров,
Н. М. Фоменко,

М. В. Кантария
и С. А. Неустроев.
г. Сухуми, 1975.

С. А. Неустроев с виуками
Андрюшей и Сашей
1983.

тактический простор. За высотой местность только слегка холмистая, а в основном ровная и позволит использовать в полном объеме всю боевую технику.

Болынин сделал паузу.

— Но овладеть высотой нелегко. По скатам, обращенным к нам, имеются, как вы видите, траншеи. За обратными скатами, по сведениям нашей разведки, прочные блиндажи — в пять-шесть накатов. Соединяются они с траншеями, перекрытыми в два наката ходами сообщения. Обороняют высоту части пятнадцатой дивизии СС. На западных скатах «Заозерной» — дивизион минометов. Обороняющихся поддерживают два артдивизиона стопятидесятимиллиметровых орудий. Фашисты, прикрываясь протокой и прочной обороной, чувствуют себя спокойно. По наблюдениям воздушной разведки установлено, что фашисты днем за высотой свободно отдыхают, даже загорают. Правда, ночью все траншеи и пулеметные точки занимаются войсками. Днем остаются наблюдатели и дежурные пулеметчики.

Полковник снова умолкает, потом говорит с расстановкой:

— Поэтому будем наступать не в семь-восемь часов, как обычно, а в десять. Разведкой установлено точно, что фашисты с девяти до десяти завтракают, после завтрака у них перекур. Вот и дадим им прикурить.

Он взглядом обратился к командиру дивизиона «катюш». Все рассмеялись. Высота «Заозерная» показалась не такой уж страшной.

Поступил боевой приказ: «Второй батальон майора Колтунова с ротой танков Т-34 при поддержке артиллерийского дивизиона и дивизиона «катюш» наступает в первом эшелоне с задачей — овладеть высотой и закрепиться на ее западных скатах. Батальонам Давыдова и Ионкина находиться в траншеях исходного положения и быть готовыми развить успех первого эшелона полка».

Перед рассветом 22 июня роты бесшумно, с соблюде-

нием строжайшей маскировки заняли свои места. За протокой высилась «Заозерная».

Поднялось солнце. Тихо. Настолько тихо, что слышим, как в кустах порхают птицы. Становится тепло, даже жарко. Стрелки часов медленно подходят к десяти.

И тут началось. На высоту полетели, как раскаленные головешки, снаряды «катюш». Заухали пушки. Захлопали минометы. «Заозерную» заволокло дымом и пылью.

Минут через десять по нашим траншеям ударила немецкая артиллерия.

Земля и, кажется, даже небо закачались и застонали. Фашисты поставили неподвижный заградительный огонь по протоке. Мины ровной лентой ложились одна к другой. Как же теперь пройти через стену раскаленного металла, через протоку, как вскарабкаться по крутым скатам «Заозерной» и достичь траншей? Но ведь такое встречалось и раньше... Встречалось! И мы проходили. Пройдем и теперь!

С командного пункта полка взвивается серия зеленых ракет — сигнал атаки!

— За Родину!..

Вслед за ротой, которую вел знакомый мне по полевому госпиталю старший лейтенант Григорий Сергеевич Решетняк, батальон бросился вперед.

Я вместе с комбатом нахожусь на НП и слежу за ротами. Иван Васильевич берет телефонную трубку, не кричит, как кое-кто в этот момент, а медленно, негромко, но с силой выжимает не из груди, а из самого сердца:

— Семь-де-сят пя-тый, о-го-нь по объ-ек-ту че-тыре!

Кладет трубку и тут же поворачивается к представителю танкистов:

— По-ра-а... Ган-че-нко, в пя-тую, Не-уст-ро-ев, в че-твер-тую.

Перед тем как выскочить из траншеи, я в бинокль

беглым взглядом пробежал расстояние в полтора километра от одного озера до другого. Вижу: Гриша Решетняк, размахивая пистолетом, бежит по склону «Заозерной» к первой траншее, до нее не более ста метров. За ним, в нескольких шагах, жидкая цепь его роты. На левом фланге шестая рота, преодолев протоку, поднимается по скату. Пятая залегла на том берегу. Понятно, почему комбат послал туда заместителя по политчасти Гаиченко,— он поднимет, сомневаться не нужно! Смотрю на левый фланг. Четвертая рота тоже ложится. Надо бежать!

Я и сам не заметил, как переплыл протоку, достиг берега. Командир роты капитан Ромашов тяжело ранен.

Напрягая голос, командую:

— Ро-та-а, за мной... в а-та-ку — впе-р-е-е-е-д!

На мгновение приостанавливаюсь, стою в полный рост. Вижу, как встает один, второй, третий... Рота поднялась!

В траншеях убитые — наши и немцы. Стонут раненые. Здесь уже прошла рота старшего лейтенанта Григория Решетняка. Бой идет во второй и третьей траншеях. Рота понесла значительные потери и выдыхается. Требуется помощь.

Батальон тремя стрелковыми ротами проскакивает через траншеи и выходит на западные скаты «Заозерной». За нашей спиной, в траншеях, слышатся только отдельные выстрелы.

Высота взята!

Но по протоке и всему восточному скату немцы ведут минометный огонь и с каждой минутой его усиливают — уплотняют. В воздухе показались «мессеры».

Переместился штаб батальона. Колтунов уже поблизости в каком-то окопе на западном скате высоты. Как и перед атакой, сосредоточенный и собранный, он командует внушительно и властно:

— Свя-зи-сты, свя-зь с ро-та-ми...

Еще через минуту следует команда:

— Окопаться! Сейчас последует контратака.

Рыли окопы, тянули связь, тащили пушки на прямую наводку, устанавливали танки для ведения огня с места. Минометчики вели пристрелку западного подножия высоты. На случай атаки они готовили неподвижный заградительный огонь.

Болынин ввел в бой батальон Давыдова. Он занял позиции левее нас. Немецкие самолеты бомбили наши ближние тылы — районы огневых позиций артиллерии.

К обеду после непродолжительной, но интенсивной артподготовки фашисты перешли в контратаку. С «Заозерной» мы имели хороший обзор, запад просматривался километров на десять. Было видно, как немецкие танки — я насчитал их до тридцати — развернулись на широком фронте и двинулись к высоте. За танками, примерно в двух километрах от нас, шла пехота. Ее видно как на ладони.

Наша артиллерия и минометы открыли огонь. Вражескую цепь заволокло дымом...

Перед вечером гитлеровцы снова предприняли атаку, но и она не имела успеха.

Ночь на 23 июня прошла спокойно. Люди немного отдохнули.

Батальон Ионкина составил второй эшелон полка и находился в немецких траншеях на восточных скатах «Заозерной». По замыслу командира полка, его можно было использовать как резерв для удара в случае прорыва противника.

Майор Колтунов занял под штаб батальона немецкий блиндаж — вместительный и прочный. Над головой шесть накатов толстых сосновых бревен. Правда, блиндаж имел один существенный недостаток — дверь смотрела на запад, в сторону противника, и в нее могли залетать немецкие пули.

Только забрезжил рассвет, фашисты открыли по вы-

соте огонь. Снаряды и мины ложились плотно. Стоял сплошной раскат грома. Все выло, и «Заозерная» словно качалась. Фашистская артподготовка шла минут тридцать. Но казалось, что она началась давно — как будто еще вчера.

Под прикрытием огня немецкие танки и пехота подошли к подножию высоты. Когда фашисты перенесли огонь в глубину нашей обороны, наступавшие были уже на скатах «Заозерной» — не далее чем в двухстах метрах от нашей траншеи. Танки стали обходить высоту справа и слева. Пехота лезла на гребень.

Отряхиваясь от земли и песка, со дна окопов поднимались бойцы и командиры. Все ждали команды.

Фашисты подошли ближе... Вот они уже в ста пятидесяти метрах... вот в ста двадцати...

— Огонь! Огонь!

Трескотня автоматных очередей, рев «катюш», уханье орудий прямой наводки. Все смешалось.

Не более чем с полсотни немцев, и то в разных местах, добежали до наших траншей и были уничтожены гранатами.

Дым рассеялся. Перед нами никого нет. Контратака отбита.

Показались немецкие самолеты, они развернулись и пошли в пике на высоту «Заозерную». Опять всколыхнулась земля. После авиационного удара последовал артиллерийский налет. Командир дивизии ввел в бой 674-й стрелковый полк подполковника Пинчука Алексея Ивановича, бывшего комбата 151-й бригады.

Наш батальон редел, и район обороны был сокращен. Теперь мы занимали только северную часть высоты и правым флангом упирались в озеро Хвойно.

Полковник Шатилов перенес наблюдательный пункт дивизии на «Заозерную». Я несколько раз видел, как он обходил позиции рот, подбадривал и давал советы командирам. Ходил по траншеям в полный рост, не при-

гибаясь, а оии по западному скату были мелкие — не успели отрыть до полиого профиля. Чувствовалось, что комдив человек отменной смелости. Мы, комаидиры, как-то сразу изменили к иему отношение.

Немцы после очередного артналета снова пошли в атаку. На этот раз, не считаясь с потерями, оии бросали в бой все новые и новые силы. И им удалось пробить брешь на правом фланге четвертой роты. Гитлеровцы обошли высоту и устремились к переправе, наведеииой саперами сегодия иочью.

Но четвертая рота продолжала обороняться. Бой дошел до рукопашной схватки. Силы, однако, были иеравиыми — иемцы бросили в прорыв до усилеииого батальоиа с таиками.

От защитииков правого флаига почти иикого не осталось — погибли. К прорыву подходят свежие немецкие подразделения.

Создалось критическое положеиие.

И тогда по приказу Шатилова 674-й полк пошел в контратаку. Противник не выдержал и иачал отходить. Но отходил ои от рубежа к рубежу плаиомерио, оказывая упорное сопротивление. Требовался еще одии толчок, еще иажим, хотя бы иебольшой, чтобы обратить противиика в бегство.

Это отлично понимал майор Колтуиов. Ои стремительио выпрыгиул из траишеи и повел батальон во фланг отходящего врага. Удар получился неожиданным — фашисты, бросая пулеметы, оставляя орудия, побежали.

Фашистские потери за 22 и 23 июия исчислялись уже тысячами убитых и раиеиых, но и мы потеряли иемало.

Перед рассветом нам прииесли завтрак. Роты пополиили боеприпасами. В нашей штабной земляике поставили три ящика ракет, по сто штук в каждом, и ведро бензииа, который служил вместо керосииа для освещеиия.

Перед входом в землянку была широкая, обрушившаяся от огня траншея. Чтобы она стала наполовину уже, заставили ее катушками телефонного кабеля. Колтунов распорядился:

— Бензин и ящики с ракетами поставить тоже в проход.

Хотели было уже завтракать, как на правом фланге опять застрочили пулеметы, затрещали автоматы. Комбат послал меня выяснить обстановку.

Не успел я добежать до роты, как стрельба стихла. Исполняющий обязанности командира четвертой роты младший сержант Николай Степанович Солодовников доложил:

— Немцы показались, да скрылись.

— Много?

— Человек пять.

Я вернулся в штаб. Начали завтракать.

Было совсем тихо, и вдруг — в проходе перед дверью землянки разрывается снаряд. Осколками никого не задело, а телефонные катушки, ракеты, бензин взрывной волной забросило в блиндаж. Бензин вспыхнул, ракеты из ящиков высыпались и стали рваться, а их 300 штук! Телефонный кабель, облитый бензином, загорелся... Мы сначала не могли понять, что произошло, все было как во сне. Выскочить из блиндажа невозможно, окон нет — одна дверь, а в ней бушует пламя, рвутся ракеты... Я был ослеплен и потерял сознание.

В медсанбате узнал: сильно обгорели комбат и капитан Ганченко, у моего ординарца Мити Кашутина ампутировали обе руки.

Я тоже пострадал изрядно: обгорели лицо и руки, ничего не видел. Думал, что ослеп. Только через месяц, когда стала сходить корка, у правого глаза образовалась узкая щель, через которую просочился мутный свет. Был рад и этому.

Лежал в госпитале в городе Осташкове, который

летом сорок четвертого года стал уже глубоким тылом. Немецкая авиация нас не бомбила. Фашистам было не до наших тылов — у них трещал фронт по всем швам. Советские войска подходили к Государственной границе. Радио ежедневно передавало радостные вести: окружена крупная группировка... Взят важный железнодорожный узел... Освобожден город...

В одном из приказов услышал: «Объявить благодарность и присвоить наименование «Идрицкой»... 150-й стрелковой дивизии....»

21 июля радио передало: «Вчера группой немецких генералов совершено покушение на Гитлера...»

Мы, раненые, горячо обсуждали происходящее. Как хотелось на фронт! Но я был прикован к постели. Выписался из госпиталя лишь 2 сентября.

Доверено быть комбатом

В отделе кадров армии меня ждали награды: орден Отечественной войны 2-й степени за Поплавы и орден Отечественной войны 1-й степени за высоту 228,4. Получил направление в свою дивизию на должность командира стрелкового батальона.

Командира дивизии в штабе не застал. Полковник Дьячков — новый начальник штаба — сказал, что он на наблюдательном пункте 674-го стрелкового полка, который отбивает атаки. Помолчал и добавил:

— Обстановка тяжелая.

Я пошел искать НП. Перед рекой Огре шел бой. Противник, стараясь не допустить выхода частей 150-й дивизии к реке, перешел в контратаку.

Разыскал командира дивизии. Смотрю, а на его плечах генеральские погоны.

Он говорил по телефону, и я подождал подходящего момента, а потом доложил:

— Капитан Неустроев после госпиталя явился для прохождения дальнейшей службы на должность командира стрелкового батальона.

Протянул генералу направление.

— Михайлов,— повернулся Шатилов к незнакомому мне подполковнику,— направляй вместо майора Стрижнева.

Михайлов оказался моим командиром полка. Хотя шел бой и впереди, по холмам, расстилался дым, подполковник коротко ввел меня в обстановку.

— Нужно во что бы то ни стало удержать рубеж. Там только что ранило комбата и, кажется, тяжело — в живот. Иди,— закончил он и посмотрел на меня.

Не успел я отойти и на сто метров, как НП накрыло артиллерийским огнем. Подполковник Михайлов был ранен.

На наблюдательном пункте батальона с биноклем в руках в окопе стоял капитан Пронин — мой заместитель.

На дне окопа сидел на корточках начальник штаба капитан Чепелев и что-то писал. Ну, вот я и снова на передовой, снова в бою. Это было 14 сентября 1944 года.

В Латвии боевые действия носили особый характер. Гитлер и верховное командование фашистских войск придавали Прибалтике огромное значение. Пытались любой ценой удержать ее в своих руках, так как она прикрывала Восточную Пруссию.

Каждый город и городок, каждая высота были подготовлены к обороне. Каждый метр латвийской земли брался с боем.

Мне пришлось в течение почти двух месяцев, а точнее, пятьдесят три дня и ночи быть в непрерывных боях.

Брали хутора и безымяниые высоты. Теряли боевых друзей. На ходу пополнялись и снова двигались на запад. Оброс бородой. Похудел. Мог говорить только шепотом — голос иадорвал.

28 октября был ранен в кисть правой руки. Небольшой осколок снаряда застрял в кости.

Перевязал рану санитар какой-то стрелковой роты, даже не помню кто, перекинул за шею метровый биит, концы его стянул на груди в узел, засуиул мою руку в подвязку и спросил:

— Хорошо, комбат?

— Хорошо,— ответил я и остался в бою.

Прошли через лес по какому-то болоту, и сиова холмы... Снова высотки, опоясаиные колючей проволокой. Миновали город Добеле, сожженный и до основаиия разрушенный фашистами, и опять углубились в болотистый лес. Всюду стрельба, всюду уханье тяжелых орудий.

6 иоября не только мой батальон, ио и вся дивизия была атаковаиа противником из населеиного пункта Курсиеши. Фашисты шли напролом.

Не считаясь с потерями, они бросали в бой все новые и новые силы. Пришлось в каиун Великого Октября только до обеда (что было во второй половине дня, я ие знаю) трижды поднимать и вести батальон в коитратаки. Убит любимец дивизии майор Сергей Чернобровкии. Убит командир третьего батальона Андрей Матвеев. Тяжело ранен капитаи Чепелев. При третьей коитратаке, когда мы иа плечах отступающего противника чуть было ие ворвались в его траншею, меня ударило по иогам. Упал.

Опять раиеи, и иа этот раз тяжело.

* * *

Отлежал я в пятый раз в госпитале и прибыл в полк, еще прихрамывая иа правую иогу. Дивизия стояла уже в Польше, в районе города Миньск-Мазовецки. Зашел в

штаб, доложнл. Комаидир 756-го полка полковник Зиченко встретнл меня радушно, спросил о здоровье, о самочувстви, предложнл вместе почаевничать. Я видел, что ои очеиь озабочен.

Когда селн за стол, Зниченко сказал:

— Последине бои в Латвии были тяжелые. В полку два стрелковых батальоиа, в батальонах по 70—80 человек. Будем пополияться. Сформнруем третий батальои. Формнровать будете вы.

Его орднпарец уже иакрыл стол. Ужии был скромный: одна маленькая паровая котлета, тонкие, как бумага, ломтики голлаидского сыра.

— Ну что, товарнщ комбат, потрапезуем?

Ои переставил тарелку с хлебом поближе ко мне.

Я чего-то ждал, посматривал украдкой на дверь, за которой скрылся ординарец. Но там было тихо.

Я промерз—ехал в кузове автомашнны, забнтой ящикамн, хотел погреть душу стакаичнком.

— Товарищ Неустроев, ешьте,— сказал полковиик.

Поиял, что водки ие дождусь. Позже узиал, что командир полка иикакнх спнртных напнтков не пьет и ие держнт.

Так состоялось мое знакомство с иовым командиром полка. С ним я прошел от Варшавы до Берлина н рад, что служнл у него. Полковиик был осторожиым, рассудительным, ио не лишенным смелости при проведенин боевых операцнй. Что касается его личиого мужества, то оно являлось для меия примером.

* * *

В первых числах января здесь же, под Миньск-Мазовецким, иедалеко от Варшавы, мы получилн пополнение. Сформировалн мой третий батальои. Заииматься боевой подготовкой долго ие прншлось. Войска 1-го Белорусского фроита, в который вошла наша 3-я удариая армия, готовились к Висло-Одерской операцин.

Это была необыкновенная операция как по своим целям, так и по размаху, по самому темпу наступления. Тогда, разумеется, мы не знали замысла командования даже в масштабах армии, не говоря уже о фронте. Но каждый чувствовал, что нам предстоит совершить нечто очень значительное.

Скажу для начала хотя бы о том, что численный состав батальона еще никогда не был таким полным, как в те январские дни. Мы получили много автоматического оружия. Вокруг нас в лесах разместилось много артиллерии.

Был и еще один повод для приподнятости духа. Кончились для нас бои за безымянные высоты и небольшие деревни. Где-то впереди ждала Варшава. А от нее путь вел к другим большим городам и, разумеется, к Берлину.

От этих мыслей даже дух захватывало. Каждый понимал, что в этом наступлении мы непременно выйдем на землю фашистской Германии. Посмотрим, какая она, эта проклятая земля, с которой поползла по миру война.

...14 января на рассвете впереди, где-то за Вислой, загрохотала артиллерийская подготовка. А мы все еще стояли в лесу. Бой шел на широком фронте, и это радовало. Началось... Началось огромное наступление.

Позже мы узнали, что войска 1-го Белорусского фронта нанесли в этот день два удара: главный — с магнушевского плацдарма и вспомогательный — с пулковского.

Нашей армии на первом этапе отводилась пока второстепенная роль — она оставалась в резерве фронта. Но позже и мы перешли в первый эшелон.

15 января нас вывели в исходный район к восточному берегу реки Вислы, в Прагу — предместье польской столицы. На западном берегу стояла Варшава.

А впереди гремели бои.

На четвертый день наступления войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова прод-

винулись далеко на запад и совершили глубокий охват Варшавы. Немцы вынуждены были ее оставить.

Мы шли через Варшаву ночью. Фашисты полностью разрушили город, от него остались груды кирпича и камня. При взгляде на развалины сжималось сердце.

Днем и ночью 150-я дивизия двигалась полковыми колоннами вперед. Отдыхали не более четырех-пяти часов в сутки. Это были утомительные марши, но никто не жаловался. А фронт все стремительней катился на запад...

Нас торопили:

— Как можно быстрее вперед!

В те дни сложилась своеобразная обстановка. 1-й Белорусский фронт продвинулся уже к самому Одеру, а правый сосед — 2-й Белорусский фронт, главные силы которого были обращены против окруженной восточнопрусской группировки, отстал. Собственно, отстал его левый фланг, который вел бои еще на Висле.

Таким образом, между фронтами образовался огромный разрыв. В него из Восточной Померании в любое время мог ворваться противник. Для него с каждым днем назревала реальная возможность ударить во фланг и тыл 1-го Белорусского фронта. А сил там у немцев сохранилось немало.

Чтобы обезопасить свой фланг, командующий фронтом маршал Жуков приказал нашей армии, как и некоторым объединениям, резко повернуть на северо-запад.

Теперь мы шли только форсированными маршами. Нам предстояло пройти 152 километра. И тут нас ожидали новые невзгоды...

На марше нас застиг свирепый буран. По земле и по небу катился вой — протяжный и надрывный. В лицо, как сухим веником, хлестал колючий снег. Вокруг в пяти шагах уже ничего не было видно.

Мы шли отдельными батальонными колоннами. С дороги давно сбились. Снег выше колен, местами — по

пояс. Где ее искать, эту дорогу? Неизвестно. Кругом все заволокло снежной мутью.

Я отступил в сторону и пропустил мимо себя роты. Солдаты, как призраки, проваливались в молочную бездну, проваливались без шума и крика. Мне стало жутко. Куда мы идем?

Мой связной Петя Пятницкий заслонил меня своим телом от бушующей стихии. Глаза его, узкие, как щели, выжидающе смотрели на меня. Я чувствовал, что он хочет мне чем-то помочь. Но чем? Петя в любую минуту мог снять с себя шинель, укрыть меня и остаться в одной рубашке. Я это знал. Но сейчас требовалось другое.

Сбросив плащ-палатку, я передал ее Пятницкому.

— Накрой, карту посмотрю.

Он не расслышал, вокруг выло и свистело. Я притянул его к себе и прокричал в ухо:

— Накрой палаткой, накрой меня палаткой!

Наконец он понял. Я согнулся под палаткой, стал смотреть на планшетку. Но что она мне может сказать. Вокруг нет никаких ориентиров.

Меня знобит. Зубы мелко стучат.

Машу рукой Пятницкому: идем! Да, конечно, идем. Зачем сейчас смотреть на карту? Когда не знаешь места своего нахождения, карта ничем не поможет. Теперь беги, догоняй голову колонны. Но ничего, хоть согреемся.

Колонна останавливается, люди падают, многие сразу засыпают. Их сверху укрывает снег.

Зачем капитан Ярунов, новый мой заместитель по строевой части, остановил батальон?

— Дорога! Дорога, комбат!..

Я скорее понял, чем расслышал слова. Топнул ногой — твердо. Действительно дорога. Она тянулась поперек нашего движения, была пустынна и мертва. Ни следа, ни души.

Куда идти? Вправо или влево? А не все ли равно, надо идти. И тогда куда-нибудь выйдем.

Я выслал вперед Пятницкого с двумя автоматчиками и приказал поднимать батальон.

Тронулись. Строго придерживаемся дороги. Она переметена сугробами, как волнами, и с нее легко сбиться.

Прошло не более часа. Я уже хотел сделать привал, как из снежного облака вынырнул Пятницкий.

— Впереди какие-то дома. Слышен лай собак. Возможно, овчарки. Автоматчиков оставил возле дороги. Если что — они прибегут.

Мысли обгоняют одна другую. Может быть, там немецкий заслон? Или линия обороны? Машинально, по привычке, отдаю приказ Гусельникову — его рота идет головной:

— Восьмой роте развернуться и занять оборону!

Начальника штаба вместе с Пятницким и группой бойцов высылаю к домикам. Тут же вызываю командиров подразделений и, пока жду их, укрываюсь от ветра за высоким сугробом. Мысли невеселые: вдруг немцы, может быть, даже с танками? И Зинченко хорош. Несколько раз развертывали рацию — молчит. Но при чем тут командир полка? Я же сам завел батальон черт знает куда!

— Товарищ комбат, командир седьмой роты капитан Куксин по вашему приказанию явился.

Подтянутый, стройный, свежий, как будто и не было этого тяжелого марша, Куксин своим докладом вывел меня из раздумий.

Я поднял глаза — ротный стоит навытяжку.

— Садись рядом.

— Есть садиться рядом.

Даже в такой обстановке капитан Куксин, как военный человек, был безупречным.

Пришел Панкратов. Этот устало поднял руку к шапке и просто сказал:

— Панкратов. В роте все нормально.

Когда собрались все командиры, я поставил задачу. Батальон занял круговую оборону. К тому времени метель стала утихать.

Вдали, куда ушел с бойцами начальник штаба, стали вырисовываться крыши домов. Потянулись томительные минуты ожидания.

Гусев вернулся веселым и оживленным.

— Вот, комбат, и конец мучениям. Там село. Немцы из него ушли. Село целехонькое.

Усталость как рукой сняло, будто бы ее и не было. И настроение у солдат сразу изменилось. Иду вдоль колонны и слышу шутливый разговор:

— Как хорошо окопались в снегу, посидеть бы в обороне, нет же, бросай оборону и куда-то иди.

— Вот я на фронте почти три года. И сколько же построил оборонительных укреплений! Волос на голове меньше.

— Ну, Семен,— отвечали ему,— если считать по твоей голове, то немного же ты построил этих укреплений.

— Верно. У него волос на голове, как у бабы на коленке.

Звучит дружный хохот.

— Чего ржете? — сердито говорит старшина.— Вам бы еще километров пятьдесят по целине отмерить, небось перестали бы ржать-то.

— Не шуми, старшина, нам отмерь хоть сотню километров. Нашел чем пугать!

На второй день к вечеру в одном из населенных пунктов собрался весь полк. В буран наш батальон хоть и отклонился от своего направления, но ненамного — километров на семь. Шли-то мы по компасу строго на запад, а запад — ориентир безошибочный.

Штаб полка разместился на окраине, в старинном замке. Батальоны расположились в крестьянских хатах, крытых соломой. В тот день Зинченко собрал всех ко-

мандиров батальонов и спецподразделений для разбора марша.

Я поднимался по широким мраморным ступеням богатого панского замка и думал: «Вот он, капитализм без прикрас. Здесь — роскошь, в избах — бедность». Полы в коридоре были паркетные, горели огнем. Под потолком в длинном коридоре висели дорогие замысловатые люстры. А в крестьянских хатах — земляные полы, сквозь подслеповатые окна едва пробивается свет, у большинства тут же, в хате, и скот.

Первыми докладывали комбаты Кастыркин и Боев. Обозы батальонов пришли все еще не полностью, батареи 45-миллиметровых пушек увязли километрах в пятнадцати. Много лошадей пало. Второй день нет фуража. Люди сидят на сухом пайке, но и он на исходе.

В общем, положение оказалось сложным. И не только в нашем полку. Не лучше обстояло дело во многих других частях. Мы прошли большой путь, оторвались от своих баз. К тому же много трудностей принесла нам зима, снежная и суровая. Дороги заметало, часто шли целиной.

В феврале наступление приостановилось.

С тех пор прошло более сорока лет. Многие и по сей день живо вспоминают ту пору. Говорят, обсуждают разные подробности. Некоторые пытаются произвести ревизию Висло-Одерской операции, мол, надо было в феврале 1945 года овладеть Берлином и тем самым закончить войну.

Я командир маленький, не мне судить об операции во всем масштабе. Но я знаю, что в феврале 1945 года наши тылы отстали и нам не хватало очень многого. Люди испытывали предельную усталость, а ряды бойцов сильно поредели. Войскам требовался отдых.

* * *

После тяжелых переходов польская земля осталась позади. Перешли старую — довоенную — польско-германскую границу. Получили приказ: занять оборону фронтом на север. 756-й полк разместился в районе небольшого городка Флатов. Юго-западнее, в Шнайдемюле, шли бои. Хотя крепость с окруженными немецкими войсками и осталась в нашем глубоком тылу, но фашисты продолжали сопротивляться. Они отклонили советские предложения сложить оружие.

14 февраля противник ценою огромных потерь прорвал кольцо окружения и двинулся строго на север — в Восточную Померанию, где сконцентрировалась крупная группировка фашистских войск. Гитлер планировал использовать ее для флангового удара по войскам 1-го Белорусского фронта, стоявшим на Одере.

Полковник Зинченко поставил задачу: третьему батальону немедленно по тревоге выдвинуться на высоту 69,5, через которую проходит дорога из Шнайдемюля в Померанию, занять оборону и задержать продвижение противника до подхода основных сил полка.

Батальон вовремя оседлал дорогу и окопался на высоте. Фашисты пока не появлялись. Я в десятый раз проверил батальонный район обороны: вроде бы все хорошо.

Во второй половине дня показалась вражеская колонна... Она шла, даже не шла, а брела неорганизованно, без разведки.

Решил подпустить поближе. Пятьсот... четыреста... триста метров... Подаю команду:

— Огонь!

Пулеметы и автоматы косили головные шеренги колонны. Минометы капитана Моргуна и орудия капитана Вольфсона ударили по хвосту. Все перемешалось...

Противник сначала залег. Потом под нашим огнем, теряя сотни убитых, стал развертываться в цепь.

Боевой порядок гитлеровцы построили глубоко эшелонированно. Я насчитал восемь плотных цепей.

Немцы четыре раза поднимались в атаку, неся потери, но снова накапливались и шли на нас. И ложились, ложились...

Под вечер во фланг их атаковали батальоны Боева и Кастыркина и разгромили. Мало кто из них достиг леса недалеко от высоты.

Я смотрел на поле, где только что отгремел бой, и думал: «Это, фриц, тебе не 41-й или 42-й год. Это 1945-й!»

Батальон потерял до двадцати человек. Противник — до восьмисот. Кроме того, около пятисот гитлеровцев мы взяли в плен.

За ликвидацию прорвавшейся шнайдемюльской группировки бойцы и командиры были отмечены орденами и медалями. Меня наградили орденом Александра Невского.

В феврале общая обстановка сложилась так: войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов глубоко вклинились в оборону противника, вышли на рубеж рек Одер и Нейсе, но из Восточной Померании нашим войскам по-прежнему угрожала сильная группировка немецко-фашистских войск.

1 марта в Померании наши войска перешли в наступление, чтобы ликвидировать угрозу с севера.

Памятные дни Померании

Весна 1945 года была для нас необычной. Мы встречали ее на немецкой земле. В те дни стояла теплая, но хмурая погода. Серое покрывало низко нависших туч заслоняло мартовское солнце. Часто моросил мелкий дождь.

Вот уже шестые сутки 150-я Идрицкая стрелковая дивизия под командованием генерала В. М. Шатилова преследовала отходящего противника в Восточной Померании.

По широким шоссейным дорогам фашисты откатывались к северу. И наконец 756-й стрелковый полк подошел к Каммину — сильному опорному пункту вражеской обороны, которую нам удалось прорвать с ходу. Гитлеровцы поспешно оставляли улицы и кварталы этого небольшого города, чтобы форсировать Штеттинский залив и выйти на его западный берег.

Наш батальон штурмовал юго-восточную окраину Каммина. Отход врага здесь прикрывали заслоны пулеметчиков, засевших на кладбище и в роще. Они вели сильный огонь. По моему приказанию минометчики капитана Михаила Моргуна и пулеметчики старшего лейтенанта Николая Самсонова быстро открыли огонь и заставили вражеские огневые точки замолчать.

Тем временем солдаты стрелковых рот короткими перебежками достигли кладбища и ворвались на улицу, ведущую к центру города. Части дивизии вступили в Каммин.

Приход в город советских войск вызвал панику среди местных жителей. По две-три семьи они забирались в одну квартиру, закрывали ставни и в страхе ожидали, что произойдет дальше.

Наш полк взял в плен в Каммине несколько сот гитлеровских солдат, много боевой техники, обозы, в том числе около тридцати автомашин с боеприпасами и продовольствием.

Постепенно стрельба затихала. Наш батальон вывезли во второй эшелон полка.

Но противник все еще находился поблизости...

Мы с начальником штаба батальона старшим лейтенантом Гусевым вели наблюдение с чердака полуразрушенного дома.

Гусев не имел основательной военной подготовки, но зато обладал фронтовым опытом и всегда хорошо помогал мне в трудную минуту. Он неплохо знал топографию, аккуратно отрабатывал карты и другие штабные документы.

Перед нами открылась картина беспорядочного отступления неприятеля. Разгромленные вражеские полки в панике бежали, бросая танки, орудия, обозы. Фашисты пытались перебраться через залив, используя для этого баржи, лодки, катера. Но снаряды нашей артиллерии настигали их, и немало перегруженных посудин пошло ко дну.

Многих вражеских солдат, не успевших спастись бегством, советские воины прижали к берегу моря и заставили сложить оружие.

Очистив Каммин от гитлеровцев, наша дивизия заняла оборону на побережье Штеттинского залива.

После горячих изнурительных боев и больших переходов наступила передышка. Потянулись хмурые, однообразные дни. В пасмурную погоду редко появлялся просвет в тучах — клочок голубого неба. Над заливом нависал густой молочный туман, и тогда будто огромное скопление белой пушистой ваты опускалось на водную ширь.

На берегу, далеко разбросанные друг от друга, стояли дома и сараи, крытые черепицей. На общем мрачном фоне они выглядели неприветливо.

Солдаты нашего батальона разместились в поспешно оборудованных траншеях, местами перекрытых жердями, обломками досок, засыпанных сверху тонким слоем сырой земли. Вода проникала сквозь потолок, попадала за воротники солдатам. В дни затишья каждый из них чаще начал вспоминать своих родных и дорогие сердцу русские города и села.

— Эх, ребята, у нас на Брянщине небось тоже весна в разгаре, ручьи журчат, воробьи веселей чирикают,—

заговорил Петя Пятинцкий, поднимая воротинк шинели, чтобы укрыться от дождя, и его взор устремился вдаль.— Евдокня, жника моя, пншет, что в деревне уже к севу готовятся. Семена есть, а вот работииков-то не хватает. Откуда возьмешь нх? Бабы одни остались да старики. Ясио, не легко нм без нас.

— Верио ты, Петро, говоришь,— подтвердил Илья Съяиов,— трудно не только нам, когда порой чувствуешь, как смерть дышнт тебе в лнцо. Им там тоже пришлось хлебнуть горького до слез, а больше всего тем, кто пожил при фашистах.

— Деревию мою, Северец, фашисты спалнли дотла,— с грустной задумчивостью отозвался Пятннцкий.— Но, братцы, самое тяжелое уже позади. Скоро фашисту конец, н поедем мы по домам. Заиово подинмем все. Как-то даже ие верится, что настанет такой день. Ох и праздиик же будет!

И тнхо потекла беседа, раскрывая солдатские думы, чувства, пережнвания. Петр Пятннцкнй поведал друзьям о Брянскнх лесах, Съяиов — о Кустаиае, о ковыльных степях Казахстаиа, Зозуля — об Украиие.

Каждый мечтал о своем, близком сердцу, ио все вместе об одном — о Родиие, народе, который с иетерпением ждал победы.

* * *

В те дни я услышал немало рассказов о солдатских судьбах. Почти все оин были печальиыми. Вот одии из иих.

Молодой солдат Вася Кондратеико рассказал:

— Мы жили иа Украине, в районном городе около Харькова. Семья у иас была большая: отец работал на заводе, мать — домохозяйка, Гриша — старший, 19-летний брат — трудился вместе с отцом иа заводе, я учился

в школе. И еще были две младшие сестренки. Отец и старший брат в первые дни войиы ушли иа фронт.

Мать пошла работать иа завод — учеником токаря. Она домой приходила редко. Иногда через два-три дня, а то и еще реже. Прибежит, бывало, домой, посмотрит, как мы живем, и обратио уходит на завод. Я в доме был за хозяииа. Школу бросил. Немцы стали почти каждую ночь бомбить город. Услышу сигнал воздушиой тревоги, на ходу одену сестренок и бегу по улице в бомбоубежище. Осенние ночи темиые и дождливые. Холодио, сильно холодно. Зенитки наши бьют, прожектора по небу шарят. От их лучей на улице кажется еще темнее. Вскоре землю и воздух раскалывают страшные взрывы немецких бомб. Летят стекла, рушатся крыши домов! А тут все иовые и новые разрывы бомб. Страшио. Очеиь страшно! Сестренки плачут, зубы стучат от холода и страха. Прибегу с ними в бомбоубежище, которое как иазло иаходилось далеко от иашего дома, и сижу в нем до утра. И так каждую ночь.

А утром 27 ноября, возвращаясь из бомбоубежища, мы увидели, что иаш дом разбит. Мы остались посреди улицы в старых потрепаииых пальтишках. Новые, лучшие вещи давно продали, а остальное, что еще было,— пропало в развалииах дома. Я пошел иа завод искать мать. Оиа определила иас к своей зиакомой где-то на окраине города. Сама снова ушла работать.

Письма от отца и брата приходили очень редко. В декабре Гриша прислал письмо, он был тяжело ранеи. Не успела мать вместе с нами высушить слезы, как принесли страшное извещеиие — погиб отец.

Зимой 1942 года иаш завод эвакуировался в глубокий тыл. Миогие ехали прямо на открытых платформах вместе с оборудоваиием. В пути иесколько раз иалетали иемецкие самолеты. Думали, не доехать — в дороге прибьет.

В 1942 году я стал работать. А как исполнилось

18 лет, ушел в армию. Пришел в ваш батальон. Вот скоро год исполнится.

Мать пишет, что сестренки болеют, ее голова побелела. А мать была у меня красивая, краснощекая, с черными вьющимися волосами. «Но ничего,— пишет она,— план я выполняю на 150—180 процентов».

После рассказа Васи все долго молчали.

— Ничего, переживем,— заключил он.

* * *

В эти дни офицеры штаба полка часто заходили в траншеи к солдатам, чтобы поговорить с ними. Однажды под вечер я пробирался по ходу сообщения на командный пункт и на повороте встретил старшего лейтенанта Прелова — агитатора полка.

— Куда направился? — спросил его.

— К бойцам. Покурить, побеседовать.

— Пошли вместе.

Вслед за нами шагал неизменный спутник Прелова — ординарец Василь. В полку все знали этого восемнадцатилетнего юношу, добровольно вступившего в Советскую Армию. Маленького роста, с характерным мягким голосом, Василь напоминал бойкую девчонку-подростка.

Мы спрыгнули в траншею, по жидкой липкой грязи подошли к группе бойцов.

— Солдат дымом греется, шилом бреется, а все такой же бодрый бывает — весело улыбается,— скороговоркой начал Прелов и продолжал:

— Ну, хорошо устроились, хлопцы? Глубоко зарылись?

Агитатор полка Прелов всех солдат, сержантов и офицеров с душевной теплотой называл хлопцами, хотя некоторым из них было уже за пятьдесят. Его любили в полку, и все знали, что в трудную минуту, когда тоска по дому, воспоминания о погибших товарищах или горь-

кие раздумья о боевых неудачах сжимают сердце, у агитатора всегда найдется согревающее душу слово, искрящаяся юмором и весельем шутка.

— Правда ли, что здесь фашистов караулить будем? — обратился к нам Иван Зозуля.

— Не всякому слуху верьте,— возразил Прелов,— долго тут сидеть не станем, надо торопиться.

Прелов сделал паузу, потом совершенно неожиданно закончил мысль:

— Да, торопиться надо домой. Работников в деревне мало осталось, а сев на носу.

— Что верно, то верно,— хором отозвались солдаты.

— На том и порешим,— весело резюмировал Прелов.— Надо добивать врага. Поскорее. А землю, которую сейчас охраняем, раньше принадлежала полякам. Мы и отдадим ее — пусть живут на здоровье. Но дорога домой лежит только через Берлин.

— Через Берлин, говорите?

— И на Берлин не страшно.

— Но на Берлин могут послать другие части, а мне, братцы, хотелось бы побывать в нем и навести там свои порядки,— сказал солдат Иванов.

Долго мы толковали с бойцами. Поздно вечером к нам подошел младший лейтенант Новицкий, адъютант командира полка. Он передал мне, что полковник Зинченко приказал немедленно готовить людей к длительному маршу.

— Стройте батальон вон там, за скатами холмов, на шоссе,— сказал я подошедшему заместителю по строевой части капитану Ярунову.

Он лихо откинул свою плащ-накидку и повел роты по ходу сообщения в тыл. Я отправился на командный пункт батальона.

Участок обороны передали польскому батальону.

* * *

Нашей дивизии предстояло за четверо суток пройти около двухсот километров и сосредоточиться в районе озера Мантель.

В полном боевом снаряжении солдаты собирались для построения в общую походную колонну и здесь же, у дороги, свертывали скатки, переобувались, плотнее подгоняли снаряжение.

Вскоре в батальон прибыл генерал Шатилов. Он соскочил с коня и передал его ординарцу.

Я пошел к комдиву и доложил, что батальон готовится к маршу. Он тепло поздоровался и с присущей ему корректностью предложил:

— Пойдем, посмотрим.

Спокойной неторопливой походкой комдив подошел к солдатам, подгонявшим снаряжение. Увидев генерала, они встали.

— Как дела? — спросил Шатилов.

— Пока все в порядке, товарищ генерал. Вот думаем, прикидываем, далеко ли придется идти?

Бойцы наперебой засыпали комдива вопросами.

— Километров двести. Лучше подготовьте обувь, потертостей не допускайте в пути, а то дорога длинной покажется,— полушутя посоветовал Василий Митрофанович.

— К переходам привыкли, не первый раз.

— Верю и надеюсь.

Чисто выбритое лицо Шатилова озарила довольная улыбка. Он пожелал бойцам успехов и пошел дальше.

Проверив наш батальон, генерал Шатилов верхом на коне объехал другие полки, собрал командиров частей, чтобы дать им указание, как организовать и провести марш.

— Переход будем совершать ночами,— предупредил он.— Людям придется выдержать большую физическую нагрузку. Позаботьтесь о питании солдат. Горячая пища

должна выдаваться всегда вовремя. Поддерживайте боеготовность, дисциплниу. Помиите: войиа продолжается и могут быть всякие иеожиданиости. В путн встретятся болота, возможио, и засады.

Поздним вечером полкн двииулнсь в путь. В хвосте колонн шли обозы с боепрнпасами, продовольствием и различным воеииым нмуществом.

Мы с Гусевым ехали верхом впереди батальона. Остаиовнлнсь у обочнны дороги, чтобы посмотреть, как проходят роты.

— Взгляиите-ка на седьмую роту. Хоть н трудио, а солдаты шагают, как иа параде,— говорю Гусеву.

Впереди роты уверенной походкой шел капнтан Кукснн, по характеру горячий, вспыльчивый, ие лишеииый излншией самоиадеяиностн.

Затем шла восьмая во главе с капитаном Гусельииковым. Грузиый на внд, он ступал твердо, и, когда поравнялся с нами, на его шнроком, скуластом лице отразнлась веселая улыбка, как бы говорившая: «Ничего, дойдем». Гусельников — кристальио честиый, душевиый человек. Он из тех, кто, не опасаясь непрнятностей, смело говорит правду в глаза, не терпит фальшн и иесправедлнвости.

Идет девятая, мннометная...

И, наконец, проходнт мимо нас пулеметная рота. Командир ее, старшнй лейтенаит Самсоиов, лукаво подмигнул правофлаиговому, н они вместе затянули песию: «Эх, дороги, пыль да тумаи».

С Нколаем Самсоновым мы впервые встретились под Варшавой. Он попал в иаш батальои нз госпиталя, после тяжелого ранения, получеииого в боях за освобожденне Латвии. Самсонов был инжеиером-строителем из Свердловска, ои сразу же понравился мне своей добротой, искреииостью, прнвязаииостью к родному Уралу.

Под покровом иочи части продвигались по слегка всхолмлеииой равиине. Вдоль дороги, по обочниам,

тянулись стройные ряды фруктовых и декоративных деревьев.

Часто встречались беженцы: одни ехали на машинах, телегах, велосипедах, другие тащились пешком. Человеческий поток двигался на запад и на восток. На больших повозках, нагруженных ящиками, сундуками, перинами и другим домашним скарбом, помещались целые семьи. Еще совсем недавно они жили в глубоком тылу, вдали от горячей войны. А сейчас война пришла к ним в дом. И люди бросали насиженные места, в страхе метались по дорогам.

Как-то утром во время привала солдаты ели из котелков горячую кашу. Поблизости находилась ферма, в которой оказалось до сотни коров. Их, вероятно, не доили суток двое или трое. У каждой коровы набухло вымя. Они громко мычали.

— Нет, не могу больше терпеть,— заявил рядовой Филиппов, человек уже немолодых лет, сельский житель, привыкший к порядку в хозяйстве. И его обычно добродушное лицо приняло решительное выражение.— Пойду подою!

— А во что, в пилотку? — съязвил молодой солдат.

— На землю.

Молодые солдаты стали подтрунивать и сыпать остротами, а пожилые — вчерашние колхозники — пошли вместе с Филипповым.

Я посмотрел им вслед и подумал: стосковалось солдатское сердце по мирному труду...

Прозвучала команда, и полки снова двинулись вперед по незнакомому краю, минуя обширные лесные массивы и частые немецкие селения с однообразными каменными домами. Марш проходил организованно.

Наступало ясное, безоблачное утро четвертых суток нашего похода. Перед нами лежали поля, а вдали, слева, расстилалась спокойная гладь большого озера. Не-

много в стороне от дороги виднелась возвышенность. Это и был пункт нашего назначения.

Еще издали мы заметили на опушке рощи несколько «виллисов» и с десяток всадников. «Штаб корпуса»,— подумал я. Предположение оправдалось.

Вскоре среди группы офицеров я различил знакомую коренастую фигуру генерала Переверткина. Тотчас к голове батальонной колонны подлетел бравый всадник — адъютант командира полка младший лейтенант Новицкий.

— К командиру полка. Там командир корпуса и командир дивизии,— крикнул он, кивком головы указывая в сторону возвышенности.

Я оставил вместо себя Ярунова и отправился вслед за адъютантом. На холме возле командира корпуса уже стояли генерал Шатилов, полковник Зинченко, капитан Боев и еще несколько человек. Когда все вызванные офицеры собрались, командир полка в предельно сжатой форме поставил перед нами задачу.

* * *

За несколько часов полки расположились в деревнях, раскинувшихся вокруг озера. Штаб дивизии разместился в селе Клейн Мантель. Некоторые части вошли в военный городок, от которого тянулась асфальтированная дорога к опустевшему аэродрому.

Наш полк занял трехэтажную казарму, опоясанную траншеями полного профиля, отрытыми гитлеровцами.

Батальону отвели первый этаж. После марша людям дали суточный отдых. Солдаты сначала почистили оружие, поспали, а потом стали приводить в порядок свое обмундирование, снаряжение, помылись и побрились, рассказывая при этом различные небылицы и истории из фронтовой жизни.

К полудню в глубине коридора кто-то уже выводил

на баяне немудреные мелодии, словно магнитом притягивал к себе солдат, желающих спеть под свою «походную музыку». Кое-кто вышел на улицу подышать свежим воздухом, посмотреть, как тут люди жили до вчерашнего дня.

Озабоченным вернулся я в батальон от командира полка. Завтра с подъемом требовалось начать планомерную боевую учебу. Захожу в штабную комнату. За столом сидят Гусев и лейтенант Берест — мой новый заместитель по политчасти. Оба склонились над бумагами.

— Чем занимаетесь?

— Оформлением наградных листов на отличившихся в последних боях.

— Правильно. Полковник Зинченко просит, чтобы эти материалы мы представили ему без задержки. Придется ночку прихватить, но к утру сделать.

— Управимся.

— Знаешь, Кузьма, собери-ка часам к восемнадцати всех командиров рот и спецподразделений. Поговорим о задачах, которые поставил перед нами командир полка, а наградными займешься после совещания.

Гусев тут же вызвал дежурного и отдал ему распоряжение собрать офицеров.

Ожидая их прибытия, мы с Берестом и Гусевым еще и еще раз обдумывали, как лучше организовать боевую и политическую подготовку. Набросали план, наметили главные темы для отработки по тактической, огневой и строевой подготовке, составили распорядок дня.

— Будто в мирное время живем. Расписания. Боевая подготовка,— добродушно усмехнулся Гусев, глядя на свои бумаги.

— Дело к тому идет, Кузьма. Пришли в логово врага. Мир, думаю, не за горами. А чтобы побыстрее дожить до этого дня, надо учиться, совершенствовать свое мастерство.

Увлеченные работой и разговорами, мы не заметили, как пробежало время.

— Разрешите? — открывая дверь, спросил капитан Гусельников.

— Входи, Иван.

Я вытянул часы — стрелки показывали 18.00. Изучающим взглядом посмотрел на Гусельникова и подумал о нем: «Исполнительный командир, всегда точен».

Вслед за Гусельниковым в комнату вошли капитан Куксин, старший лейтенант Самсонов, Панкратов, Миша Моргун и другие офицеры. Утомительный переход, казалось, не наложил на них никакого отпечатка: они успели побриться, подшить чистые подворотнички, до блеска начистить сапоги. Но особенно выделялся опрятностью лейтенант Берест, любивший щегольнуть строевой выправкой. Для пущей важности он отрастил маленькие узкие усики и тщательно ухаживал за ними.

Офицеры отдохнули, настроены были весело, и между ними сразу же завязался оживленный разговор.

— Иван, «пушку» свою не потерял? — подтрунивал Куксин над Гусельниковым и одновременно подмигивал Бересту.

— Шутить изволишь. Когда я с глазу на глаз встречаюсь с фашистом, то мой пистолет лучше всякой пушки,— парирует Гусельников.

Пистолет «ТТ», раздобытый им где-то, являлся предметом зависти офицеров, имевших наганы. А Гусельников, как ребенок, гордился этим и не упускал случая, чтобы еще раз рассказать об истории под Шнайдемюлем. Там он вместе с солдатами, отбивая натиск противника, расстрелял все патроны, а гитлеровцы наседали. Капитан мгновенно сменил обойму и уложил немецкого офицера, набросившегося на него из-за поворота траншеи. С тех пор Гусельников не расставался с пистолетом. Гусельников собрался было сообщить какие-то подробности, но мне пришлось остановить его:

— Потом расскажешь, а сейчас к делу.

В комнате установилась тишина. Командиры достали записные книжки, карандаши и приготовились слушать.

Я подробно передал им указания командира полка. Прежде всего роты и батареи требовалось укомплектовать до штатного состава и добиться слаженности подразделений. Нам предстояло принять молодых, необстрелянных солдат, научить их владеть оружием, наступать в цепи, ходить в атаку, вести рукопашный бой в траншеях, блокировать доты, действовать в составе танковых десантов. Большое значение придавалось обучению солдат, сержантов и офицеров форсированию водных преград и наступлению в ночных условиях.

— Мне не совсем понятно, как проводить физическую подготовку? — спросил Куксин.

— Времени у нас мало,— отвечаю ему.— Поэтому в часы физподготовки каждого солдата следует научить приемам рукопашного боя. Это главное.

— А политзанятия как? — поинтересовался Гусельников.

— Будет проведен семинар. Нужно довести до сознания людей, что за пределами нашей Родины им надо особенно высоко держать честь и достоинство советских воинов, добиться, чтобы они правильно понимали международную обстановку и свои конкретные задачи. К политическим занятиям готовьтесь обстоятельно.

— Пополнение скоро прибудет? — беспокоился Самсонов.

— Оно уже в штабе полка.

По еле заметным внешним приметам, жестам, торопливым записям, которые вели командиры рот, чувствовалось, что люди понимают всю важность стоящих перед ними задач.

Мы находились в центре Европы, в логове фашизма. Мы пришли сюда сквозь огонь и бурю, сокрушая

врага, перед которым сложили оружие армии многих государств. Советские солдаты шагали по земле Польши, Румынии, Австрии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Германии как знаменосцы свободы. И в эти минуты каждый из нас сознавал: учебная стрельба и маскировка, физическая закалка и политические занятия — маленькие вехи на пути к большой, великой победе, о которой все мы мечтали с первых дней войны.

Я понимал мысли и думы моих товарищей, верил, что они хорошо сознают свои задачи, и поэтому считал лишним еще раз напоминать об этом.

Наш деловой разговор закончился, и командиры разошлись по подразделениям. В комнате остались заместитель по политчасти лейтенант Берест и парторг батальона лейтенант Петров, круглолицый, ладно скроенный. Мы еще долго беседовали.

— Когда же нам провести партийное собрание? — задумчиво спросил Петров, покусывая кончик карандаша.

— Завтра вечером,— ответил Берест,— тянуть с этим нельзя.

— А комсомольские? Батальонное, ротные?

— Через день-два, чтобы на каждом из этих собраний присутствовали коммунисты.

— Так и запишем.

— С молодыми солдатами о военной присяге надо поговорить, особенно о дисциплине и бдительности,— подчеркнул Берест.

...Раннее утро. Дышится легко. Роты направились к озеру Мантель.

— Запевай! — подает команду капитан Гусельников.

И по полю разливается звонкий тенор рядового Якимовича.

Строй дружно подхватывает...

Песня окрыляет людей, с ней незаметно для себя солдаты проходят более трех километров. У озера роты

разбиваются на взводы, отделения и приступают к занятиям.

На поляне около старого дуба выстроилось отделение старшего сержанта Съянова, он один из той роты, которой я командовал в гарнизоне «Бабки», остальных нет. Гимнастерка плотно облегает его тонкую фигуру, на худощавом лице застыло выражение строгой сосредоточенности. Прищуренными от яркого солнца глазами он внимательно осматривает солдат.

— Будем отрабатывать приемы и правила стрельбы из автоматов,— говорит он и тут же ловко показывает, как изготовиться к стрельбе из автомата с положений лежа и с колена.

— Кое-кто из молодежи,— внушает командир,— может подумать: зачем, мол, все это, кому нужно такое упражнение? Кто так думает, тот ошибается и расплатится за плохую выучку кровью. Если ты не убьешь врага, он прикончит тебя. В бою побеждает более сильный, опытный, умелый и ловкий. Вспомните сталинградца Павлова. Дом, который он защищал, стал настоящей крепостью. Фашисты обломали об него зубы. А почему? Павлов знал дело!

Бойцы отделения разделяются по парам и тренируются. Занятия идут полным ходом. Молодым помогают бывалые, те, кто в суровых боях уже проверил свою меткость в стрельбе по врагу.

В батальоне началась напряженная боевая подготовка. От зари и до зари люди учились военному делу. Будничные дни, до предела насыщенные учебой, протекали быстро. Старались все — и солдаты, и командиры. И это понятно: мы знали, что придет день, когда для каждого наступит самый суровый экзамен — бой, кровавый бой с врагом, загнанным в свою берлогу.

* * *

Вскоре командир полка поставил перед нами задачу: готовиться к показательным тактическим учениям с преодолением водной преграды с боевой стрельбой. Для усиления батальону придали артиллерийскую и минометную батареи. Последней командовал лейтенант Минаков, мой земляк-уралец, храбрый и решительный офицер. Он гордился своей военной специальностью и 120-миллиметровый миномет считал мощным оружием. На стрельбах Минаков всегда с восхищением наблюдал, как с огромной силой разрываются пудовые мины, далеко отбрасывая комья земли.

Для поддержки назначили и дивизион 122-миллиметровых гаубиц. Предстояло форсировать озеро Мантель шириной около километра.

Выполнению этой задачи предшествовала тщательная подготовка. Несколько дней мы занимались тем, что выдвигались на исходный рубеж. По команде солдаты надували резиновые лодки, на плечах несли их к воде и потом приступали к переправе через озеро.

Вначале занятия проходили недостаточно организованно, допускались ошибки: то забывали на берегу деревянные плахи, а сошки ручных пулеметов ставили на резиновые борта лодок, то плохо готовили подставки для станковых пулеметов. Чтобы добиться слаженности действий и одновременного спуска лодок на воду, мы проводили десятки тренировок. Это требовало такого напряжения, что солдатские гимнастерки становились мокрыми от пота.

Накануне учений я вышел на берег, чтобы лучше изучить местность и продумать возможности использования всех огневых средств. Солнце клонилось к закату.

С биноклем в руках просматриваю широкую гладь озера и окружающую местность. По берегам, насколько видит глаз, простирается хвойный и лиственный лес.

С нашей, восточной, стороны спуск к воде пологий, с противоположной — крутые каменистые скаты, а дальше — безграничная зеленая лесная полоса.

Тихо напевая песню, из кустов вышел капитан Гусельников.

— Ты куда, Иван?

— Да вот смотрю, где удобнее хворост наложить, чтобы при спуске лодок на воду люди не вязли в болоте.

Мы остановились, закурили, любуясь багровым закатом. Завязалась беседа. Каждому хотелось поделиться мечтами о будущем, поговорить о том, что может встретиться впереди.

— Представляешь, сколько водных рубежей мы еще преодолеем на пути?

— Немало,— тихо проговорил Гусельников, машинально рисуя прутиком круги на песке,— не зря немцы Одер называют рекой германской судьбы. Без боя они его не отдадут.

— По-моему, Иван, учения на озере Мантель — это репетиция перед форсированием Одера, а также каналов и рек, протекающих западнее его.

— И смотреть, комбат, надо в оба,— критически оценивая местность, проговорил Гусельников.— А у нас, по-моему, промах допущен. Даже отсюда, с низкого места, и то видны лодки, противник без труда обнаружит их со своей высоты.

Я мысленно похвалил его за дельное замечание, а самому было стыдно за справедливый упрек. Я зажег уже потухшую папиросу, пристально посмотрел ему в глаза и сказал:

— Хорошо, нужно это исправить.

...Батальон, поднятый по тревоге, выдвинулся на исходный рубеж. На наблюдательном пункте, оборудованном в прибрежном кустарнике, собрались командиры полков, батальонов и артиллерийские начальники. Здесь

же находился и командир дивизии генерал В. М. Шатилов.

Вскоре за кустами послышался шум «газика», и на тропе, ведущей к наблюдательному пункту, показалась статная фигура генерала Переверткина. Он тепло поздоровался с каждым офицером. Его хорошее настроение передалось всем окружающим. Сразу как-то стало веселее.

— Неустроев, все готово? — спросил у меня командир полка.

— Так точно, товарищ полковник.

И вот высоко в небе огненным снопом рассыпались красные ракеты. Сотни невидимых глаз следили из укрытий, ожидая этого сигнала. Он привел в движение весь батальон.

Артиллерия с закрытых позиций и прямой наводкой одновременно открыла огонь, вражеский берег заволокло дымом сплошных разрывов мин и снарядов...

Кусты словно ожили, зашевелились. Солдаты сбросили маскировочные сетки, взяли на плечи надувные лодки и быстро побежали к озеру. Широким фронтом подразделения выходили на болотистый берег, чтобы начать переправу.

Впереди, ухватившись крепкими руками за носовую часть лодки, твердо шагает командир отделения старший сержант Гусев — однофамилец начальника штаба. От натуги он слегка сгорбился, и на его смуглом лице появился яркий румянец.

Рядом с Гусевым, согнувшись под тяжестью груза, идет солдат Зозуля. Не останавливаясь, они входят в воду, втаскивают за собой лодку и стремглав вскакивают в нее. В сапоги набирается вода, одежда намокает, сковывает движения, но никто на это не обращает внимания.

Так действуют все отделения. По команде солдаты берутся за весла и усиленно гребут, а пулеметчики,

поудобнее разместившись в носовой части лодки, изготавливаются для ведения огня.

Спуск на воду проходит одновременно. Около пятидесяти лодок отчаливают от берега.

Несколько десятков ручных и станковых пулеметов открывают стрельбу по противоположному берегу. Сухой треск коротких очередей сливается в сплошной грохот. Сотрясая воздух, ухают гаубицы. Зыбкая болотистая почва дрожит под ногами. С шипением и свистом пролетают над головой снаряды.

Со своего НП я слежу за действиями подразделений. Немножко волнуюсь. Как в настоящем бою. Беспокоит тревожное ожидание решающего момента — атаки. Мысли лихорадочно сменяют одна другую. Очевидно, по выработанной привычке внимание направляется на то, чтобы в случае неудачи принять какое-то новое решение.

Но все идет так, как было задумано. Под прикрытием артиллерийско-минометного огня и пулеметов лодки все дальше и дальше уплывают от берега.

Вслед за ними переправляются связисты, саперы, штаб батальона. Затем грузится на понтоны артиллерийская батарея.

Форсирование водного рубежа проходит в быстром темпе. Как только лодки приближаются к западному берегу, солдаты прыгают в воду, с оружием на изготовку карабкаются на крутой склон. С криком «ура» широким потоком роты атакуют опорный пункт «противника» на высоте и овладевают ее западными скатами.

Ближайшая задача выполнена. Дальше батальон наступает на высоту Лысую, что в четырех километрах от озера.

Учения продолжаются в условиях холмисто-лесной местности. Сквозь густые заросли и лощины подразделения продвигаются цепью. Они поддерживают между собой локтевую связь, чтобы не потерять заданное направление и не отклониться от него. На открытых уча-

стках роты делают стремительные броски метров по триста — пятьсот. Особенно тяжело здесь приходится пулеметчикам и минометчикам, но и они стараются не отставать.

Часа через полтора батальон достиг западных скатов высоты Лысой, и в это время в воздухе рассыпались зеленые ракеты — сигнал контратаки пехоты и танков «противника». Солдаты спешно оборудуют огневые позиции, артиллеристы выкатывают орудия на прямую наводку.

Мы отбиваем контратаку. На этом учения заканчиваются.

Роты выходят на западные скаты высоты Лысой, где командиры проверяют наличие людей, состояние оружия. Солдаты стоят уставшие и вымокшие, но довольные тем, что трудности тактических учений остались позади.

Сюда же прибывают старшие начальники, а также посредники. Вынув блокноты, они о чем-то докладывают командиру корпуса. Генерал С. Н. Переверткин выслушивает их и направляется к солдатам, застывшим в строю по команде «смирно». Перед строем командир делает краткий разбор учения.

— Поставленная задача,— говорит он,— выполнена успешно. Вы действовали умело, проявили дисциплину и находчивость. Управление подразделениями было организовано правильно. Как недостаток отмечаю, что при наступлении в глубине обороны «противника» минометная рота оторвалась, и связь со штабом батальона установили с опозданием. Район огневых позиций для минометов выбрали на равнине вместо того, чтобы использовать обратные скаты холмов.

Дальше он сказал:

— Санитарный взвод шел за боевыми порядками, как на параде. Так нельзя. Эти ошибки нужно учесть.

Генерал немного помолчал, проницательным взгля-

дом окидывая мокрых, утомленных воинов, и с подъемом продолжал:

— За отличные действия на учениях всему личному составу батальона объявляю благодарность.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответил батальон.

Истекала вторая неделя пребывания у озера Мантель. От восхода солнца и до поздней ночи солдаты совершенствовали боевую выучку. Крепла их дружба. Каждая рота, каждый взвод теперь представлял собой спаянную боевую семью.

Вскоре после учения меня вызвал командир полка.

Командиры стрелковых батальонов собрались в особняке на берегу озера. Полковник Зинченко приветливо встретил нас.

— Генерал Переверткин вызывает всех,— сообщил он.

Минут через десять, верхом на лошадях, мы уже ехали в штаб корпуса, который находился на восточном берегу Одера. Офицеры понимали, что не сегодня-завтра нас отправят на передний край. Но куда?

Разные высказывались мнения на этот счет. Одни предполагали, что пошлют на северо-запад, другие — в Чехословакию, третьи — на Берлин.

И все же каждый втайне надеялся, что наступать будем на столицу Германии. Такие предположения у нас возникли еще под Каммином. Это был главный вопрос, который волновал каждого.

Совещание проходило в полуразрушенном здании. Здесь присутствовали генералы, офицеры 79-го стрелкового корпуса, включая командиров батальонов. Нас предупредили, что все, о чем пойдет речь, составляет особую тайну.

Перед нами выступил генерал Переверткин. Он объявил приказ Верховного Главнокомандующего о наступлении на Берлин. Подойдя к карте, командир корпуса

в общих чертах охарактеризовал систему обороны немецко-фашистских войск на берлинском направлении. Потом потребовал, чтобы командиры еще раз проверили готовность частей к действиям в соответствии с планом предстоящего наступления.

Уезжая из штаба корпуса, каждый из нас переживал и радость, и тревогу.

Наши войска стояли на пороге новой битвы. Советская Армия готовилась к решительному наступлению. Войска Белорусских фронтов уже сосредоточились на берегах Одера, а основные силы 1-го Украинского — на Нейсе. Были подтянуты десятки тысяч орудий. Тяжелые и средние танки с полным комплектом боеприпасов, заправленные горючим, находились на исходных рубежах. Тысячи самолетов, замаскированных, готовых с воздуха поддержать наступление наземных частей, стояли на фронтовых аэродромах.

Операция готовилась в строгой тайне. После совещания батальон еще сутки занимался боевой подготовкой.

12 апреля 1945 года мы покинули озеро Мантель. Вечером генерал Шатилов провел строевой смотр частей и подразделений дивизии. Затем он собрал командиров полков и поставил задачу: выйти в район Одера.

Туда наши части прибыли вовремя и сутки простояли в пяти километрах от реки.

13 апреля генерал Шатилов вместе с командирами полков и батальонов 150-й стрелковой дивизии проводил рекогносцировку.

Офицеры знакомились с системой обороны противника и расположением его огневых средств, изучали местность, назначенные участки наступления, уточнили разграничительные линии, установили порядок взаимодействия. Следовало продумать, предусмотреть все до мельчайших подробностей.

Под покровом темноты полки и батальоны перепра-

вились на западный берег реки и приготовились к наступлению.

Вот когда пришел ответственный момент: нам предстояло наступать на главном направлении.

•

На главном направлении

Гитлеровское командование ожидало нового удара наших войск и принимало все меры для усиления своей обороны. На берлинском направлении интенсивно строились укрепления еще с января 1945 года, когда советские войска развернули широкое наступление с рубежа Вислы.

За Одером фашисты создали сплошную оборонительную систему, включая Берлин, глубина обороны достигала ста километров. Для этого гитлеровцы использовали многочисленные реки и каналы, озера, высоты и лесные массивы, установили минные поля, проволочные заграждения, всевозможные фугасы. Селения с прочными каменными зданиями превратились в сильные опорные пункты.

Одновременно фашисты укрепляли Берлин, рассчитывая на затяжные уличные бои. В гитлеровском приказе об обороне города говорилось: «Необходимо в основном готовиться к уличным боям. Эта борьба должна вестись с фанатизмом, с применением обмана и хитрости на земле, в воздухе и под землей». В Берлине сооружалось три кольцевых оборонных обвода — внешний (в 24—40 километрах от центра города), внутренний и центральный.

«Лучше сдать Берлин американцам, чем впустить в него русских»,— внушали фашисты солдатам.

Пленные рассказывали, будто офицеры с уверенностью говорят, что русским ннкогда не удастся взять Берлин.

В те дни Гитлер отдал приказ о снятни 12-й немецкой армии генерала Венка с Западного фронта, где она действовала против американцев, и о переброске ее на советско-германский фронт. Приказ был опубликован в немецких газетах и передавался по радио. Таким образом для англо-американских войск открывался путь на Берлин.

А против 1 и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов неприятель сосредоточил крупную группировку. Вместе с резервами и фольксштурмом она имела около миллиона солдат и офицеров.

Такая в общих чертах обстановка сложилась в лагере противника накануне Берлинского сражения.

Весенняя солнечная погода вдруг сменилась ненастьем. Тяжелые свинцовые тучи низко нависли над землей. Временами на нас обрушивался крупный дождь, в траншеях скапливалась вода, а сапоги казались пудовымн от налипшей грязи.

Перед общим наступлением на отдельных участках фронта готовилась разведка боем. Генерал Шатилов назначил для этого батальон капитана А. С. Блохина из 469-го стрелкового полка. Начальник штаба дивизии полковник Н. К. Дьячков вызвал Блохина на командный пункт дивизии.

— Ваша задача,— сказал он, развертывая карту,— разведать систему обороны и огневые средства противника в полосе главного удара дивизин. Вам доверено большое и трудное дело.

Блохин поправил свою командирскую сумку, прнстально посмотрел на карту с нанесенными на нее синими лнниями, которые обозначали траншен противника, и согласно кивнул головой.

— Понимаю, товарнщ полковннк.

— Справишься, Андрей Степанович? — с отеческой теплотой спросил полковник.

— Постараюсь.

— Желаю успехов! — закончил разговор начальник штаба дивизии и крепко пожал руку офицеру.

Об этой беседе с полковником Блохин рассказал мне перед началом разведки.

Мы стали свидетелями горячих боевых схваток. Немало хлопот и переживаний выпало тогда на долю Блохина.

Ночь — хоть глаз выколи. Ничего не видно в десяти метрах. Лишь над ничейной полосой ослепительно вспыхивают ракеты и, угасая, рассыпаются где-то во мраке.

Под покровом темноты солдаты пробираются по ходам сообщения и занимают траншею. Недалеко отсюда, укрывшись в глубоких окопах, сидят фашисты. Они дежурят у пулеметов, орудий и в любой момент могут открыть шквальный огонь по боевым порядкам советских подразделений.

Целый день офицеры и сержанты батальона вместе с командирами-артиллеристами изучали систему вражеской обороны. В бинокли и невооруженным глазом они просматривали каждый кустик, брали на заметку всякое подозрительное место, где могли быть укрыты огневые точки противника.

На исходе дня капитан Блохин собрал в своем блиндаже командиров взводов и рот. Среди них выделялся командир пятой стрелковой роты старший лейтенант Н. И. Горшков. Рослый, физически развитый, он напоминал боксера. До войны Николай Горшков ежедневно упражнялся с гирями, штангой и укрепил свои мускулы так, что друзья морщились от боли, когда он пожимал им руки. На его продолговатом лице светились большие серые глаза.

Под стать Горшкову был и командир артиллерийской батареи старший лейтенант Н. М. Фоменко, человек

отчаяиио смелый, переиесший уже немало фроитовых испытаиий. За героизм и отвагу в берлинских боях ои получил звание Героя Советского Союза.

Вместе с другими офицерами оии прошли по ходу сообщения иа иаблюдательный пункт нашего батальона.

Андрей Степанович Блохин еще раз уточнил расположение траншей противника, места сосредоточения его резервов, установил порядок взаимодействия стрелковых рот с артиллеристами и таикистами. Все вопросы, связанные с разведкой боем, были решены, и каждый командир четко знал свою задачу.

Пожелав друг другу успехов, офицеры разошлись по подразделениям.

С рассветом как по заказу установилась ясиая, безоблачная погода.

Загрохотали наши пушки, заговорили тяжелые гаубицы. Начался мощный артиллерийский налет. Солдаты, выглядывая из-за бруствера, наблюдали за разрывами снарядов. На глинистой стенке траншеи делались ступеньки, чтобы быстрее выскочить из своего укрытия и ринуться иа врага.

— В атаку, вперед! — скомандовал старший лейтеиаит Горшков бойцам роты, когда артиллерия перенесла огонь в глубину немецкой обороны.

Солдаты выскочили из траншеи и стремительио кииулись к вражеской позиции. Огневые точки противиика, ие подавленные артиллерией, ожили. То здесь, то там слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Наши пехотиицы ворвались в первую траишею.

Прошло несколько минут, и все затихло. Рота закрепилась на занятом рубеже.

Разведка боем встревожила противиика. Подтяиув резервы, гитлеровцы пошли в контратаку. Наши солдаты с криком «ура» бросились иа фашистов, смяли их и иа плечах врага ворвались во вторую траишею.

Бок о бок с бойцами действовал и офицер Горшков.

Огнем из автомата он уложил нескольких фашистов, но на одном из поворотов траншеи сам был сражен вражеским автоматчиком.

Весь день 15 апреля с незначительными перерывами продолжалась разведка боем. Наши передовые подразделения до наступления темноты удержали обе траншеи. Ночью эти траншеи заняли части первого эшелона дивизии.

К месту боевых действий прибыл генерал Шатилов. Он уточнил участки прорыва и приказал артиллеристам переместить батареи ближе к боевым порядкам пехоты для ведения огня прямой наводкой.

Во всех частях и подразделениях 1-го Белорусского фронта завершались последние приготовления к общему наступлению. В ночное время к передовой шли автомашины с потушенными фарами. В их кузовах бугрилось что-то объемистое, покрытое брезентом...

В пять часов утра 16 апреля предутреннюю мглу прорезал вертикальный луч прожектора. Это был сигнал для артиллерийской подготовки. В ту же секунду зазвучала грозная симфония сотен «катюш». К ним присоединились залпы тысяч орудий всех калибров. Образовалось гигантское багровое зарево. Стало светло, как днем.

Земля под ногами содрогалась. Воздушные волны сильными и резкими толчками отдавались в ушах. Тысячи тонн раскаленного металла летели на позиции противника, перепахивая его траншеи, ходы сообщения, разрушая доты и дзоты, уничтожая боевую технику и живую силу.

Во время артиллерийской канонады мы со старшим лейтенантом Гусевым находились в роте капитана Гусельникова и наблюдали за разрывами снарядов.

Артиллерийская подготовка длилась двадцать минут, но для нас эти минуты остались незабываемыми на всю жизнь. Как только артиллеристы перенесли

огонь в глубину обороны немцев, в вышине вспыхнуло множество красных ракет.

— В атаку!

В роте Гусельникова первым выскочил из траншеи коммунист старший сержант Съянов. Он оглянулся, взмахом руки позвал за собой товарищей и с автоматом на изготовку побежал за танками.

Ощущая локоть опытных фронтовиков, уверенно действовали и молодые солдаты Иван Бык и Иван Прыгунов. Это было их первое боевое крещение.

— За Родину, вперед! — раскатывалось по полю.

Только теперь люди поняли, что ночью на машинах, крытых брезентом, к передовой подвозились мощные осветительные средства. С началом атаки на широком фронте одновременно вспыхнули 143 прожектора и сотни танковых фар. Ярким светом они ослепили фашистов. Произошло это быстро, неожиданно. Враг был ошеломлен!

Сильное освещение помогало нам лучше разглядеть местность. Проволочные заграждения уже не являлись серьезным препятствием. На поле валялись лишь куски колючей проволоки да кое-где торчали из земли острые концы разбитых кольев. Вражеские траншеи осыпались и напоминали заброшенные и замусоренные канавы. Огневые средства противника были подавлены. Гитлеровцы молчали...

Но вполне мы оценили результаты работы нашей артиллерии только с рассветом. То тут, то там валялись немецкие орудия: одни из них остались неповрежденными, другие разбиты и стволами уткнулись в землю. На пути попадались бесчисленные воронки. На месте прежних дотов высовывались из земли жалкие остатки арматуры да куски бетона. В укрытиях, исковерканных и развалившихся, валялись убитые лошади, изуродованные машины.

На гитлеровцев, которые чудом остались в живых,

страшно было смотреть: одни из них сошли с ума, другие, стоя на коленях, молились.

Батальон продвинулся километра на три, не встречая сопротивления, а когда подошел ко второй позиции, завязалась борьба. Фашисты встретили нас организованным огнем. Однако роты Гусельникова, Куксина и Панкратова успешно заняли безымянную высоту и, не задерживаясь, продолжали наступление.

Я тоже пробрался на высоту и в бинокль следил за боем.

Наступление развивалось успешно. Позади остались безымянная высота, кустарник и железнодорожная насыпь. Мы прорвали вторую позицию и вышли на открытую местность. Тут откуда ни возьмись над нашими боевыми порядками появилась эскадрилья немецких самолетов.

Батальон залег. Но подоспели советские истребители. Завязался воздушный бой. Один фашистский самолет загорелся, стал удирать, оставляя черный шлейф дыма. Подбитая машина, постепенно сбавляя скорость, начала терять высоту.

— Одним гадом меньше.

А тем временем наши подразделения поднялись с земли и еще стремительней двинулись вперед.

Я перебрался на новый наблюдательный пункт. Как всегда, там уже хозяйничал Кузьма Гусев. Он наносил на карту изменения в обстановке, говорил по телефону с начальником штаба полка.

В отрыве от нас действовала рота Куксина, которая выбивала гитлеровцев из хутора, где виднелся одинокий двухэтажный дом. Туда я послал связного Быка. Три года назад оккупанты увезли его в Германию. Наши войска освободили юношу из неволи, и он добровольно пошел в Советскую Армию. Отличный боец получился из парня.

Вскоре связной возвратился. Его слегка веснушчатое

лицо было возбуждено. Голос от волнения стал каким-то дребезжащим.

— Капитан Куксин просил передать, что хутор у рощи сильно укреплен. В окнах кирпичного дома и в подвалах установлены пулеметы и орудия, которые своим огнем не дают продвигаться.

Минуты две-три осматриваю в бинокль хутор, а потом подзываю к себе командира батарей.

— Взгляни-ка на кирпичный дом, там из окон бьют пулеметы и пушки.

Артиллерист внимательно смотрит.

— Сейчас они умолкнут.

И вот уже артиллеристы ведут огонь по дому. Не теряя ни минуты, рота Куксина поднимается в атаку и выбивает из него фашистов.

Дивизия прорвала вражескую оборону в районе Кенитц и наступала в направлении Барним — Кунерсдорф. Наш 756-й полк шел в первом эшелоне.

По дорогам и прямо по полям бесконечным потоком на запад шли советские войска. Оставляя за собой облака пыли, с рокотом двигались танки, спешила пехота, подтягивались артиллерия и тыловые части.

Используя сильно укрепленные опорные пункты, гитлеровцы упорно сопротивлялись, пытаясь преградить путь могучей лавине. Они много раз переходили в контратаки, но уже никакая сила не могла задержать победоносное наступление советских войск.

Днем и ночью непрерывно шли бои за Одером.

17 апреля соединения, наступавшие южнее нашей дивизии, одержали серьезную победу — к середине дня комсомолец гвардии лейтенант Катков водрузил красный флаг на гребне Зееловских высот. На эту линию обороны восточнее города Зеелов гитлеровцы возлагали главную надежду, называли ее «замком Берлина». И вот этот замок в наших руках.

Стрелковый корпус под командованием генерала

С. Н. Переверткина наступал в направлении северных окраин Берлина.

469-й полк, которым командовал полковник Мочалов, занял один населенный пункт и форсировал неглубокую речку. Но дальше путь ему преградили вражеские танки. Батальоны несли потери. Требовалось срочно что-то противопоставить танкам.

— Семидесятишестимиллиметровые орудия на прямую наводку,— приказал Мочалов артиллеристам.

И батарея орудий старшего лейтенанта Н. М. Фоменко, действовавшая в боевых порядках пехоты, выдвинулась на пригорок.

— Немцы бьют со стороны балки,— доложил командиру взвода наводчик Мамодам Хасанов.

Командир взвода младший лейтенант Иван Фролович Клочков стал внимательно осматривать редкий кустарник в районе балки и обнаружил там вражеские танки.

— У тебя, Мамодам, зоркий глаз,— на ходу бросил Клочков и подал команду открыть огонь.

Расчеты работали сноровисто и четко.

Парторг батальона сержант Соляр Давлетчин по характеру человек спокойный. Вот и сейчас он хладнокровно руководит действиями своего орудийного расчета. Младший сержант Хасанов наводит орудия, солдаты Федор Доценко и Иван Пушной заряжают пушку и готовят очередной снаряд.

Энергично действуют бойцы и остальных расчетов. Цель накрыта точно. Три танка запылали, остальные замолчали. Угроза с фланга миновала. Наступление нашей пехоты возобновилось.

На следующий день 469-й полк натолкнулся на новый оборонительный рубеж противника. Атака с ходу ничего не дала. Роты не продвинулись ни на шаг.

С болью и досадой переживал неудачу начальник штаба полка майор Владимир Маркович Тытарь.

— Тут моя вина,— говорил он командиру,— противника-то плохо узнали, не разведали как следует его огневые средства.

— А что, если нам пойти в обход? — предложил Тытарь.— Возьмем две роты, пройдем по заболоченному участку. Там противник не ожидает нас. Переправимся через реку и внезапно атакуем немцев с тыла. Разрешите мне лично повести людей?

— Иди, Владимир Маркович, только будь осторожнее, понапрасну не рискуй,— ответил Мочалов.

С большим трудом роты преодолели болотную топь и, незамеченные, подошли к реке. А отдыхать некогда. И Тытарь первым бросился в воду.

Благополучно перебрались на противоположный берег. Резкий и неожиданный налет ошеломил неприятеля. Наши бойцы, ворвавшись в траншею, огнем автоматов, штыками и прикладами уничтожили растерявшихся гитлеровцев.

И вот траншея занята. Но батальон фашистов с семью самоходно-артиллерийскими установками перешел в контратаку.

— Самоходки пропустить, а пехоту отрезать,— приказал Тытарь.

Он спустился на дно траншеи и, когда над головой прошли немецкие машины, лег за пулемет.

Но Тытаря ранило в руку. Превозмогая боль, он поднялся из траншеи и повел бойцов в атаку. Получил еще одно ранение, на этот раз смертельное.

— Прощай, наш любимец,— сказал генерал Шатилов, когда ему доложили о гибели Тытаря, и многие, кто был на НП дивизии, впервые увидели, как по лицу генерала катились слезы.

После войны останки майора перевезли в Берлин, где славному воину поставили памятник. Майору Владимиру Марковичу Тытарю посмертно присвоено знание Героя Советского Союза.

...Жарко припекало полуденное солнце. Раскаленный воздух был пропитан пылью. Серым слоем она оседала на лицах, гимнастерки потемнели от пота.

В середине дня, опередив батальон, я поднялся на невысокий холм. Лейтенант Берест, вытирая платком потное лицо, указал на фанеру, прибитую к колышку:

— Видите, следы наших разведчиков.

На дощечке корявым размашистым почерком кто-то вывел: «До Берлина 40 км».

Мы остановились, посмотрели на этот указатель, сделанный наспех рукой неизвестного солдата, и стали наблюдать. Вдали за холмом расстилалось широкое поле. На горизонте смутно вырисовывалась деревня Кунерсдорф, прикрытая сверху облаком черно-сизого дыма. Местами в деревне бушевали пожары, издали похожие на большие пылающие костры. Окраину деревни дугой опоясывает канал. Известно стало, что в Кунерсдорфе собраны отборные гитлеровские части, сформированные из курсантов военных училищ.

— Русские здесь уже бывали. По хоженым тропам шагаем,— сказал Берест.

— Расскажи, Алексей, что ты знаешь об этом,— прошу его.

— О, друзья, когда-то я много читал и особенно увлекался походами Суворова.

— Вот и блесни своими знаниями,— полушутя предлагаю ему.

— Вспомните такую дату: лето 1759 года,— начал Берест.— Тогда на этой земле произошло знаменитое Кунерсдорфское сражение, в котором принял первое боевое крещение Александр Васильевич Суворов. В том сражении армия прусского короля Фридриха II — а она считалась лучшей армией в Западной Европе — была наголову разбита нашими предками. Фридрих II на поле битвы потерял свою шляпу, чуть не попал в плен и от позора хотел покончить жизнь самоубийством. Король

насмерть перепугался и в доиесенни в свою резидеицию писал, что все потеряио, иадо спасать двор и архивы. Пруссаки в паннке бежали, бросая знамена и пушки. Вы, конечно, знаете: русские в то время побывали в Берлине н ключн от его ворот до сих пор хранятся в нашем музее. А потом, через полвека, наши еще раз прошли по немецкой столице, когда добивали войска Наполеоиа. Сейчас мы в третий раз должны войти в Берлин...

— Историю вспомнил кстати,— заметил я.— Об этом нужно обязательно рассказать всем солдатам при первой же возможности.

* * *

По решению командира дивизии нам предстояло силами трех полков окружить и взять Кунерсдорф.

Наш 756-й стрелковый полк иаступает с севера по открытой местности, которая далеко просматривается фашистами. На подступах к Кунерсдорфу прежде всего следовало переправиться через каиал. Наш батальон наступал иа главном иаправлении дивизии. Шла напряженная подготовка к бою. Подтягивались танки, артиллерия, в ротах старшины выдавали солдатам боеприпасы. Политработники, агитаторы проводили с бойцами беседы.

Среди солдат находился и командир полка полковник Зинченко.

— Бить врага по-суворовски! — призвал ои.

Перед вечером наши танки при поддержке артиллерии пошли в атаку. Они двигались по пологому склону, приближаясь к каналу. Каждая боевая машина как иа ладони была видна противнику. Фашистские самоходки «фердинанд» открыли прицельный огонь. Один танк задымил и стал медленно поворачиваться иа месте. В следующее мгновение сноп огня вырвался из другой машины. Еще несколько фашистских снарядов попало в цель.

Танковую атаку немцы отбили.

Ночью мы заняли оборону перед каналом, чтобы завтра начать общий штурм Кунерсдорфа. Пользуясь темнотой, разведчики отыскали наиболее подходящий участок для переправы. Очевидно, канал был прорыт давно, берега его осыпались, заросли кустарником, ветки свисали в воду.

Ранним утром, когда вдоль канала плыл белый туман, артиллерия дивизии произвела мощный огневой налет. Батальон начал переправляться через канал. Пока стрелковые роты перебирались на другой берег, саперы наводили понтоны.

Враг отчаянно сопротивлялся. Когда по мосту проходила батарея 76-миллиметровых пушек на конной тяге, рядом разорвался снаряд. Одна из упряжек метнулась в сторону и увлекла за собой в воду пушку вместе с расчетом. Мост накренился, и еще два расчета оказались в воде. Образовалась пробка. Орудия затонули, но переправа продолжалась.

Под прикрытием артиллерийского огня батальон форсировал канал.

Подаю сигнал «в атаку». Все три роты поднимаются одновременно. Стреляя на ходу, с криком «ура» бегут вперед, многие падают, слышатся стоны раненых. Ожившие огневые точки гитлеровцев ведут бешеный огонь.

Атака опять не удалась. Батальон залег.

Тяжелый бой развернулся не только в районе нашего батальона. Командир дивизии это видел и понимал сложность обстановки. Для поддержки стрелковых подразделений он дополнительно выделил танковые роты, артиллерийские дивизионы, в том числе один дивизион гвардейских минометов «катюш».

Я приказал по телефону командиру пулеметной роты Н. В. Самсонову:

— Проползи со своей ротой как можно дальше вдоль насаждений и пулеметным огнем обеспечь атаку. Только, боже упаси, не выходи на пашню — там...

Самсонов понял.

— Все сделаю, товарищ капитан.

— Давай, земляк, иди.

И вот началась новая атака. Здесь хотелось бы особо отметить младшего лейтенанта Ивана Фроловича Клочкова. Он свои 76-миллиметровые пушки выкатил на прямую наводку и с первых выстрелов уничтожил три орудия противника и станковый пулемет, тем самым обеспечил успех роте Гусельникова. «Катюши» дали несколько залпов. Артиллеристы перенесли огонь на дальние траншеи врага.

Тяжелее всего досталось седьмой роте. Четыре раза поднимались ее бойцы на штурм укреплений.

— За Родину! Ура-а-а-а! — что есть силы закричал капитан Куксин и, стреляя на ходу из автомата, повел за собой роту.

Однако вскоре Куксин упал, прошитый пулеметной очередью, и в то же мгновение над боевыми порядками роты зазвучал другой голос:

— Слушай мою команду!

Это был командир взвода лейтенант Всеволод Никитович Ищук.

Седьмую роту тут же поддержала восьмая. Фашисты дрогнули, не выдержав натиска. Батальон ворвался в Кунерсдорф.

Приближался вечер...

Я думал о потерях. Они оказались немалыми.

Селифан Куксин... С ним порой мы ели из одного котелка и курили из одного кисета, вместе переживали радости и горести. Присев, бывало, у костра, подолгу перебирали в памяти минувшие события, вспоминали своих близких, мечтали о будущем. И вот его уже нет...

Кунерсдорф взят дорогой ценой.

20 апреля советские артиллеристы дали первые залпы по Берлину. Перед нами лежали черные дымящиеся кварталы столицы Германии.

Прежде чем втянуться в уличные бои, требовалось восполнить понесенные потери в людях и боевой технике. В каждом батальоне осталось по две неполные стрелковые роты.

●

На Берлин!

Перед штурмом столицы Германии наш батальон расположился в красивой роще, которая в мирное время, вероятно, служила местом отдыха для жителей Берлина. Теперь она напоминала муравейник. Каждый клочок земли был занят. Под деревьями и около кустов размещались группы солдат. Одни приводили в порядок боевую технику, другие чинили обмундирование, обувь.

У поврежденной снарядами липы кто-то поставил на пенек зеркальце и неторопливо подправлял усы, а рядом солдаты развешивали выстиранные гимнастерки.

Тут же батальонный фельдшер младший лейтенант Бойко организовал пункт медицинской помощи. Вместе с санитарами он перевязывает легкораненых, раздает бойцам индивидуальные пакеты и показывает, как правильно накладывать повязки. Оружейный техник полка старший лейтенант Иван Петрович Орлов организовал ремонт оружия. Словом, фронтовая жизнь идет своим ходом.

Прибыла походная кухня, и повар приступил к раздаче пищи. Как всегда, тут услышишь и шутку, и соленое словцо, и перебранку.

— Лей, не жалей! — наступает на повара пожилой старшина, всегда подтянутый и веселый.

— Поглубже, поглубже паши. На дне всегда вкусные мясные отложения. Поглубже, говорю,— настаивает другой, хитро подмигивая повару. А тот, словно тугой на

ухо, неторопливо водит «разводящим» по поверхности.

— Хитер...

В полку прошла реорганизация — он стал двухбатальонным. В наш 3-й батальон влили остатки 1-го, а заодно присвоили нам и его порядковый номер. В каждой роте восстановили партийные и комсомольские организации. Батальон стал крепким боевым подразделением.

Приехал генерал Шатилов.

— Ну, как отдыхается? — спросил он приветливо, пожимая мне руку.

— Готовимся, товарищ генерал.

— Пополнением доволен?

— Большинство фронтовики, люди опытные.

— Постройте батальон! Посмотрю на народ.

Построились быстро, и это понравилось генералу. Подойдя к роте Гусельникова, он посмотрел на бойцов. У некоторых из них марлевые повязки, наложенные на свежие раны.

— Ваши люди, капитан, крепко дрались за Кунерсдорф. Молодцы! Но еще упорнее нужно сражаться в Берлине: ведь полный разгром врага близок!

— Все сделаем,— заверил Гусельников генерала.

— Все согласны с командиром роты? — обратился Шатилов к солдатам.

— Так точно, товарищ генерал! — ответила рота.

— А может, кого из раненых в госпиталь отправить? — последовал вопрос, который слышали все бойцы.

Строй молчал.

— Есть такие? — переспросил Гусельников.

Ему ответило сразу несколько голосов:

— Не имеется.

— Нет.

Шатилов подошел к рослому солдату, у которого кисть левой руки и голова были накрепко перехвачены бинтом, пропитанным кровью. Шатилов положил ему руку на плечо, участливо спросил:

— А не подлечиться ли?

— Это после победы, товарищ генерал.

— Спасибо,— сказал комдив.— Надо добивать врага. И скорее...

У генерала, как мне казалось, сложилось хорошее мнение о батальоне. Перед отъездом он посоветовал мне готовить штурмовые группы, потому что в уличных боях придется действовать мелкими подразделениями.

— Бои будут жестокие и суровые,— предупредил командир дивизии.

— Берегите людей, не проявляйте излишнюю горячность и поспешность. Это нередко приводит к напрасным жертвам.

В ту же памятную ночь — ночь на 21 апреля — в роще произошло еще одно событие, оказавшее большое моральное воздействие на весь личный состав батальона.

По решению военного совета каждой дивизии 3-й ударной армии вручили Красное знамя, чтобы одно из них водрузить над рейхстагом как Знамя Победы. Решение военного совета было рассчитано на развертывание боевого соревнования в войсках, на еще больший морально-политический подъем.

Какое из девяти знамен взовьется над рейхстагом? Этот вопрос решится в боях. Какая дивизия первой выйдет к рейхстагу, та и будет водружать над ним Знамя Победы.

Все девять знамен армии были пронумерованы.

Алый стяг под номером 5 вручили нашей дивизии. С таким известием поздно вечером прибыл в батальон заместитель командира полка по политической части подполковник И. Е. Ефимов, он коротко объяснил:

— Красное знамя, врученное дивизии для водружения над рейхстагом, будет из дивизии передаваться в передовой полк, из полка — в передовой батальон. Высшая честь добиться, чтобы знамя передали в ваш батальон.

Советская Армия неотвратимо охватывала столицу Германии. Войска двух фронтов: 1-го Белорусского и 1-го Украинского — обходили город с севера и юга, чтобы соединиться западнее его, окружить всю берлинскую группировку, расчленить и уничтожить противника.

3-я ударная армия под командованием генерал-полковника В. И. Кузнецова 21 апреля ворвалась на северную окраину немецкой столицы.

Более трехсот тысяч человек войск противника, оборонявших этот большой город, попали в железные тиски, которые все больше сжимались... Гитлеровцы сопротивлялись с яростью обреченных, но история уже вынесла им свой приговор.

Над городом стлался густой едкий дым. При попадании авиационных бомб и артиллерийских снарядов высокие мрачные здания разваливались, как карточные домики. Тучей расплывалась в воздухе желто-бурая пыль.

Наша дивизия рвалась к центру немецкой столицы в направлении районов Каров, Бланкенбург, Райникендорф, Плетцензее и далее на юго-восток, в Моабитский район.

Успешное продвижение и близость победы воодушевляли солдат. Их боевая доблесть была безгранична.

Командный пункт батальона разместился в полуразрушенном доме. Рамы окон выбиты, часть потолка обвалилась, вокруг битый кирпич, щебень, торчат погнутые концы железных балок, в беспорядке валяется мебель.

Я наблюдаю в пробоину, которая образовалась в стене при бомбежке. Рядом со мной офицер разведки полка капитан В. И. Кондрашов. Временами мы смотрим на карту, изрядно потертую, исчерканную красными и синими условными знаками.

— Нам мешает угловой дом, занятый врагом,— беспокоится Кондрашов.— Фашистов оттуда надо быстрее

выбить. Полковиик Зинчеико требует не медлить с продвижением.

— Прорвемся.

Вызываю по телефону капитаиа Гусельиикова:

— Как дела?

— Необходима поддержка. Мало сиарядов. Требую, чтобы люди каждый свой шаг и поступок хорошенько обдумывали.

— Правильио требуешь. Но топтаться иа месте иельзя.

— Понимаю.

— Смотри вперед. Дом видишь?

— Да.

— Мешает ои продвигаться всему полку. Надо взять дом. Слышишь, капитан?

— Поиял, комбат...

Солдаты из роты Гусельиикова пошли в атаку. Рота обошла дом с тыла и ворвалась иа первый и второй этажи. Бой идет за лестничные клетки, коридоры и чердак. Немцы отбивают первый этаж. Прерывается связь. Рота оказалась отрезанной. Создается опасиое положеиие. Фашисты иа первом этаже, иаши иа втором.

Старший сержант Гусев приказал группе бойцов охраиять вход с первого этажа иа второй, а сам с солдатами Богдановым, Прыгуиовым и Рудиевым через окио спустился иа первый. Оии забрасывают гитлеровцев гранатами. Три фашиста убиты, иесколько раиеиы, остальные сдаются в плен.

Плениые имели жалкий вид — грязные, оборваиные, небритые. Судя по всему, много суток ие выходили из укрытий.

Рота Гусельиикова полностью овладела домом.

Мужествеиио сражалась в уличных боях батарея лейтеиаита Сорокииа. По развалииам через проломы в стеиах артиллеристы подиосили снаряды к орудиям, вручиую выкатывали пушки для стрельбы прямой иаводкой

и меткими выстрелами подавляли огневые точки противника.

* * *

Батальон приближался к большой площади, от которой лучеобразно расходились пять улиц. На одной из них дорогу преграждала заминированная баррикада, обнесенная колючей проволокой.

Указываю на нее из окна артиллеристу лейтенанту Сорокину:

— Видишь баррикаду?

— Как на ладони.

— Дай-ка по ней огоньку! Разнеси в щепки!

Через минуту-две прогремели выстрелы. Баррикада окуталась дымом, в воздух взлетели доски и камни. Рота Панкратова бросилась в атаку и заняла площадь.

Начался бой за следующий квартал.

Героически сражались наши воины при взятии Берлина. Особенно отличались связисты. Сколько они совершили подвигов, обеспечивая четкое управление подразделениями!

Командные и наблюдательные пункты мы создавали в самых разнообразных местах: в домах, подвалах, среди развалин, и всякий раз при этом нужно было быстро развернуть средства связи.

— Есть ли связь с Гусельниковым, Панкратовым, Самсоновым? — часто спрашивал я у сержанта Ермакова, командира телефонного отделения.

И почти всегда он отвечал:

— Связь действует, товарищ капитан.

Смело и самоотверженно действовали также радисты Николай Карпаков и Павел Ферафонтов.

Чем дальше мы продвигались к центру Берлина, тем больше встречали укреплений противника. Здания, улицы, переулки — все, что имело тактическое значение, использовалось врагом для обороны. В верхних этажах

домов располагались снайперы, автоматчики, наблюдатели, пулеметчики. В полуподвальных помещениях и в первых этажах обычно находились подразделения, вооруженные ручными гранатами и фаустпатронами. На перекрестках улиц фашисты закапывали тяжелые танки. Бои шли не только на земле, но и в метро, в подземных коллекторах и водосточных каналах.

Перед фронтом нашего полка передний край вражеской обороны проходил по южному берегу Фербиндунгс-канала, гавани Вестхафен и по железнодорожному полотну у станции Бойссельштрассе. Канал имел 45 метров в ширину и бетонированные берега. Мост через него был полуразрушен, и одновременно пройти по нему могли лишь два человека. За мостом тянулся противотанковый ров, местами виднелись надолбы, и все это было заминировано.

Ночью 26 апреля 150-я стрелковая дивизия получила боевую задачу — форсировать Фербиндунгс-канал и выйти к реке Шпрее в северо-восточной части парка Тиргартен.

Нашему полку предстояло овладеть станцией Бойссельштрассе и наступать в южном направлении: Виклефштрассе, Вильгельмсхафенер, парк Кляйн Тиргартен, преодолеть реку Шпрее в районе моста Мольтке-младший и дальше развивать наступление в сторону рейхстага.

В ходе продвижения на одном из этих пунктов полку вручили Красное знамя. Все солдаты и офицеры нашего батальона помнили митинг в роще под Берлином. И вот теперь Знамя Победы не где-то в штабе дивизии, а у нас в полку. Но в какой батальон передадут его, пока неизвестно. Мы знали только: если знамя № 5 у нас, значит, наш 756-й стрелковый полк наступает впереди других. Это воодушевляло бойцов, звало их на новые подвиги.

Полковник Зинченко решил построить боевой порядок полка в два эшелона. Наш батальон, имевший наиболь-

шую партийно-комсомольскую прослойку, стал штурмовым. Поддерживал нас дивизион 328-го артиллерийского полка, а также часть дивизионной и корпусной артиллерийских групп.

Для форсирования Фербиндунгс-канала большая часть артиллерии была установлена для стрельбы прямой наводкой. Ручные и станковые пулеметы предназначались для ведения огня по зданиям, из которых мог хорошо просматриваться канал.

Командир полка руководил подразделениями со своего наблюдательного пункта, расположенного в двухстах метрах от боевых порядков первого эшелона. Связь осуществлялась по телефону, радио и через офицеров штаба.

Ночью 26 апреля саперы разминировали мост и на вражеском берегу подорвали шесть надолб. Саперы трудились под перекрестным огнем врага. Многие погибли. Рядового Станкевича на мосту ранило. Но солдат не покинул поля боя. Превозмогая боль, он продолжал разминирование. А через несколько минут пуля попала ему в грудь, и Станкевич пал смертью храбрых.

Утром началась мощная артиллерийская подготовка. От орудийной стрельбы стоял сплошной гул. Над нашими головами на вражеские позиции летели тонны раскаленного металла, разрушая доты, дома и уничтожая живую силу. Но вот на какое-то мгновение наступила относительная тишина. И тогда роты устремились вперед.

Однако первые попытки переправиться на тот берег не принесли нам успеха. Гитлеровцы контратаковали. Пришлось залечь.

В дело снова вступила артиллерия. Минут двадцать продолжалась артподготовка. В это время солдаты под командованием капитана Городова перебрались через канал и поставили дымовую завесу. Под прикрытием завесы удалось захватить мост, а к 23 часам батальон, которым командовал капитан Боев, овладел станцией

Бойссельштрассе н закрепнлся на рубеже Зиккингенштрассе — Снменсштрассе. Было захвачено в плен свыше 100 фашистов н освобождено нз лагеря 1200 военнопленных, средн них русские, французы, англнчане, голландцы, американцы.

Позднним вечером правее Внклефштрассе переправился через канал н 1-й батальон 469-го стрелкового полка.

Роты занялн плацдарм в полкилометра по фронту.

Из артиллернстов первым форсировал канал расчет сержанта Новнкова. Фашисты внезапно открыли по нему сильный пулеметный огонь. Все лошади были убиты, ранило ездового, но солдаты не растерялись: они на руках перекатнлн орудне. Вручную были переправлены по полуразрушенному мосту и остальные пушки нз батареи старшего лейтенанта Фоменко.

Овладев станцней Бойссельштрассе, 756-й стрелковый полк занял нсходное положенне для наступления на Моабнт — старнниый густонаселенный и сильно укрепленный район Берлнна. На этом пути нас ожндалн бнтвы за парк Кляйн Тнргартен, тюрьму Моабит и улицу Альт Моабнт. Отсюда открывался путь на северный берег реки Шпрее, прнкрывавшей подступы к парку Тнргартен с главнымн правнтельственнымн учреждениями н рейхстагом.

Весь день 27 апреля батальон упорно продвигался вдоль Бойссельштрассе, вышел к перекрестку этой улнцы со стороны Внклефштрассе, затем повернул на восток. Потом резко свернул на юг, чтобы подойтн к парку Кляйн Тиргартен через улицу Турмштрассе. Артиллерия сопровожденя и даже 152-миллнметровые гаубицы следовали в боевых порядках штурмовых подразделенний.

К 20 часам 27 апреля наш полк перерезал Штромштрассе, улнцу Альт Моабнт н захватил восточную часть парка Кляйн Тнргартен. На этом рубеже по решенню полковнnка Знnченко мы прностановилн продвнже-

ние, чтобы привести подразделения в порядок и подтянуть тылы.

Все сильнее сжималось кольцо вокруг фашистской группировки. К 21 апреля немецко-фашистские войска, оборонявшие Берлин, занимали территорию в 325 квадратных километров и имели общую протяженность фронта по кольцу около 100 километров, а после недельных боев их положение стало катастрофическим. Вражеская оборона представляла узкую полосу, протянувшуюся с востока на запад на 16 километров, ширина ее составляла от двух до пяти километров.

С утра 28 апреля 756-й полк возобновил наступление. Часа через три наш батальон вышел к тюрьме Моабит. Она располагалась на небольшой возвышенности и была опоясана высокой кирпичной стеной.

Выделялись огромные железные ворота. Во дворе над кирпичной стеной возвышалось до десятка массивных зданий. Сколько людей, известных всему миру, томилось в мрачных застенках этой каменной крепости! Здесь много лет в одиночной камере содержался вождь немецкого народа Эрнст Тельман, которому фашисты не дали дожить до светлого дня победы над гитлеризмом. Отсюда увезли на казнь одного из лучших сынов чешского народа Юлиуса Фучика. Тут находился в заточении и погиб выдающийся поэт татарского народа Герой Советского Союза Муса Джалиль...

Однако штурмовать тюрьму нам не пришлось. Командир полка принял другое решение. Он приказал нашему батальону наступать в направлении реки Шпрее, а ликвидировать вражеский гарнизон, оборонявшийся в тюрьме, поручил второму батальону.

Мы вновь пошли вдоль улицы Альт Моабит, и к 19 часам роты достигли Шпрее.

Берлин был в огне. Небо окрасилось в желто-бурый цвет. Над грохочущим городом, засыпанным пеплом пожаров, висело густое облако черного дыма и пыли.

На какой-то миг фашисты пришли в замешательство. Они никак не ожидали, что советские солдаты так быстро появятся у Шпрее.

Рядом со мной возле подковообразного здания расположился Кузьма Гусев с радистом.

— Разверните радиостанцию, доложу командиру полка обстановку,— приказал я начальнику штаба.

Связь с полковником Зинченко установили быстро.

— Мы на набережной Шпрее.

— Не может быть! Проверьте, не канал ли какойнибудь это? Еще раз уточните и доложите снова,— потребовал полковник.

После более тщательного изучения прибрежных улиц и реки мне пришлось снова доложить, что батальон вышел к Шпрее.

Вскоре к нам присоединились батальоны капитана Давыдова и майора Логвиненко. Слева находились боевые порядки частей 171-й стрелковой дивизии.

Сомнений не оставалось. Наши войска подошли с севера к центральной части парка Тиргартен — центральному сектору обороны Берлина. Таков был итог двенадцатисуточного наступления.

* * *

Итак, части 79-го стрелкового корпуса вышли к Шпрее.

Командир корпуса получил приказ: форсировать реку, овладеть зданием рейхстага и водрузить на нем Знамя Победы.

Наш батальон на своем боевом пути не раз преодолевал водные рубежи. Но форсирование Шпрее и для нас представляло исключительные трудности. Ее отвесные берега, одетые в отполированный гранит, возвышались над уровнем воды до трех метров.

Извилистое русло образовало здесь дугу, один

конец которой примыкал к рейхстагу, а через другой был перекинут мост, называемый Мольтке-младший. Остальные мосты фашисты разрушили.

Справа, на противоположном берегу, широко раскинулся парк Тиргартен, занимавший десятки гектаров. Вдоль него протянулось Шарлоттенбургерштрассе, а южнее, за Тиргартенштрассе, протекал Ландвер-канал.

Парк Тиргартен, Королевскую площадь, все улицы и площади, прилегающие к рейхстагу, гитлеровцы подготовили к длительной обороне. Всюду, где только возможно, они оборудовали траншеи, ходы сообщения и укрытия. В парке Тиргартен разместились зенитно-артиллерийские и минометные батареи, которые вели непрерывный огонь по нашим подразделениям. Противотанковые рвы, проволочные заграждения, минные поля — все это делало вражескую оборону труднопреодолимой.

В здании министерства внутренних дел — «доме Гиммлера» была создана многоярусная система ружейно-пулеметного огня. Там же засели артиллеристы и фаустпатронники. Фашистский дивизион тяжелых орудий, располагавшийся у Кенигсплац (Королевская площадь), обстреливал северный берег Шпрее и далеко тянувшуюся улицу Альт Моабит.

В районе Шпрее и рейхстага немецко-фашистское командование сосредоточило эсэсовские части. В ночь на 28 апреля они получили подкрепление: сюда на парашютах был сброшен батальон моряков, срочно доставленный из Ростока. Во дворе Имперской канцелярии Гитлер лично произвел смотр войск, предназначенных для обороны рейхсага, и приказал драться до последнего человека.

Советские войска тоже готовились к последнему сражению.

Командир корпуса усилил стрелковые полки танками и артиллерией. Боевой порядок корпуса построил в два эшелона. В первом эшелоне справа — 150-я, слева —

171-я и во втором эшелоне — 207-я стрелковая дивизии.

Генерал Переверткин перенес свой наблюдательный пункт ближе к реке Шпрее. Генерал Шатилов находился на наблюдательном пункте нашего полка — в здании министерства финансов. А командиры батальонов осуществляли руководство подразделениями прямо в боевых порядках стрелковых рот.

Батальону предстояло форсировать реку, овладеть «домом Гиммлера» и в дальнейшем захватить Кенигсплац, чтобы занять исходное положение для штурма рейхстага.

28 апреля в 18 часов командир полка передал мне приказ: начать форсирование Шпрее.

В то время я находился в роте Гусельникова и, ожидая этот приказ, ломал голову над вопросом: «Как форсировать реку? Где переправиться через нее?»

От правильного решения зависела судьба батальона, его людей, которым предстояло действовать на главном направлении. Три стрелковые роты, выйдя к реке, лежали сейчас перед железобетонным мостом Мольтке-младший. Путь к нему преграждали минированные баррикады, переплетенные колючей проволокой. Дорога на тот берег была одна — через мост!

Батальон занял исходное положение правее моста, вдоль отвесного гранитного берега Шпрее. Слева располагались роты батальона К. Я. Самсонова из 171-й дивизии.

Вокруг рвались фашистские снаряды и мины. Набережную скрывал дым.

В батальон пришли представители вышестоящих штабов, политорганов, корреспонденты фронтовых и центральных газет. «Пришли» — сказано не совсем точно. Они добирались до нас под плотным огнем ползком, с большим риском для жизни. Ко мне в большую воронку от фугасного снаряда сполз адъютант командира корпуса майор Бондарь, за ним наблюдатели с рациями.

— Товарищ Неустроев,— переводя дыхание, проговорил он хриплым, простуженным голосом,— генерал Переверткин устанавливает здесь свой наблюдательный пункт. Всем частям приказано быть в готовности к форсированию Шпрее.

Большей ответственности, чем та, каторая выпала на мою долю тогда, я, кажется, не испытывал за всю свою жизнь. Все надежды возлагал только на мост, через который надеялся прорваться со своими ротами на тот берег. И вдруг раздался страшный грохот. Воздух потряс оглушительный взрыв, высоко взлетел огненный столб. Сверху в реку полетели камни, куски металла, обломки досок. Фашисты взорвали мост Мольтке-младший.

Но когда рассеялся дым, мы обнаружили, что средняя часть моста только провисла, искривилась и осела на полуразрушенные опоры. Гитлеровцы явно просчитались. Мало подложили взрывчатки, и им не удалось разрушить мост полностью.

Мое решение о переправе осталось прежним. «Кто пойдет первым?» После некоторого раздумья я пришел к твердому решению, что следует послать младшего сержанта Петю Пятницкого. Вместе с ним мы прошли большой путь. Я любил его за храбрость, безупречную исполнительность и богатырскую хватку в бою.

Петр был моим ординарцем. Но когда требовалось выполнить особо важную задачу в масштабе отделения или взвода, я ее смело поручал ему. А тут минут десять назад ранило командира резервного взвода сержанта Тита Порфирьевича Аникина, балагура и весельчака, любимца всего батальона. И я решил временно назначить Пятницкого командиром взвода.

Вызвав его к себе, сказал:

— Придется тебе, Петя, со взводом резерва первому преодолеть Шпрее по мосту, за тобой повзводно пойдет весь батальон.

От волнения на скуластом лице младшего сержанта заходили желваки. Я понимал, что в эту минуту он не боится ни гибели, ни ранения, а озабочен только одним: сможет ли выполнить то, что ему поручено?

Пятницкий ответил:

— Задача ясна.

Продвижение к баррикаде нашего передового взвода поддержал огонь артиллерийских батарей. Стрельбу открыли не только артиллеристы, минометчики — заговорили пулеметы, автоматы, карабины.

Фашисты ответили тем же. На гранитной набережной тонко вызванивали пули. В воздухе с шипеньем пролетали снаряды. Многие из них рвались в наших боевых порядках, осыпая людей осколками. Мы несли потери.

Сплошная стена огня преградила дорогу взводу Пятницкого. Солдаты залегли у баррикады при входе на мост. Затаив дыхание, мы наблюдали за их действиями. Остановившись перед баррикадой, взвод оказался в опасном положении. Требовалось принять решительные меры. Я доложил обстановку командиру полка. И ввел в бой взвод младшего лейтенанта Николая Лебедева.

Полковник Зинченко сообщил мне, что немедленно поддержит батальон усиленным огнем артиллерии.

Артиллеристы подавили большую часть огневых средств врага в парке Тиргартен, значительно разрушили укрепленные здания немцев на набережных Кронпринценуфер и Шлиффенуфер. Противник меньше стал обстреливать наши позиции. Настал решающий момент для форсирования Шпрее.

Взводы младшего сержанта Пятницкого и Николая Лебедева бросились вперед. Следуя за разрывами наших артиллерийских снарядов, солдаты в полный рост устремились к мосту.

Для поддержки, для развития успеха устремились вперед бойцы роты старшего лейтенанта Панкратова. Тем временем Пятницкий перебрался на другой берег

реки. За ним Лебедев. Преодолев последнюю баррикаду, бойцы ворвались в угловое здание и завязали рукопашный бой в коридорах и многочисленных комнатах.

На тот берег перешла вторая стрелковая рота лейтенанта Михаила Федоровича Гранкина. За ней — пулеметчики, минометчики и остальные подразделения моего батальона.

В штурме этого моста также участвовали подразделения 1-го батальона 380-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта Константина Яковлевича Самсонова. И мост был взят.

Путь через реку открыт!

Шпрее с ее гранитными берегами осталась позади.

Всю ночь на 29 апреля шла ожесточенная борьба за расширение плацдарма. Немецкая артиллерия беспрерывно обстреливала мост Мольтке-младший, восстановленный нашими саперами. По нему шли танки, артиллерия, подбрасывались боеприпасы. Вражеские снаряды, ударяясь о чугунные балки, то и дело разрывались над водой.

Роты старшего лейтенанта Панкратова и лейтенанта Гранкина ворвались в здание швейцарского посольства, из окон и бойниц которого фашисты вели пулеметный и автоматный огонь. Здание настолько пострадало, что, казалось, вот-вот развалится.

Расчищая путь гранатами, пехотинцы завязали рукопашный бой в мрачных коридорах и комнатах посольства. Ориентироваться в темных лабиринтах незнакомого дома было трудно. За каждым углом, за каждым поворотом наступающих подстерегали немецкие автоматчики. Но к утру батальон полностью овладел всем помещением швейцарского посольства.

* * *

Плащ-палатка у меня была не по росту. Длинная и широкая, она болталась и мешала при перебежках. Надо

было сменить ее на более удобную, но я вовремя не сделал этого и был наказан. А впрочем, может быть, именно она, излишне просторная плащ-палатка, спасла мне жизнь...

На рассвете штаб батальона перемещался на новый КП. Нам нужно было пересечь открытую площадку. Петя Пятницкий, который снова стал моим ординарцем, перебежал удачно. Из-за груды битого кирпича он махнул мне рукой: давайте! Я метнулся к нему и неожиданно упал. Мне показалось, что сзади кто-то дернул меня за полы. Я сильно ударился грудью об асфальт и не мог вздохнуть. С трудом приподнялся и, напрягая силы, рванул плащ-палатку. Она сползла с моих плеч.

Только теперь обнаружил я, что зацепился плащ-палаткой за прут, торчащий в кирпичной стенке, через которую я перепрыгивал. Не могу припомнить, как я очутился за грудой кирпича рядом с Петей. Почему-то показалось, что я, беспомощный и слабый, затерялся в грохоте и пожаре этого огромного чужого города, может быть, я на какое-то мгновение потерял сознание. Широко открыв рот, дышу глубоко и часто.

Петя положил мне на лоб свою руку.

— Что с вами, товарищ комбат? Ранены?

Я посмотрел на него, и глаза его показались мне белыми. Подумал еще: «Интересно, у Пети белые глаза, а я и не знал, что у него они такие, не замечал раньше».

Петя шарил рукой по моему телу.

— Нет, Петя, не ранен я.

Глаза ординарца стали яркими-яркими. Чудо! В первый раз вижу, как у человека меняются глаза. От неожиданности даже приподнялся, сел рядом с ним, обнял его за плечи.

— А здорово получилось, товарищ комбат. Вы везучий,— оживленно заговорил он.— Как только вы успели упасть? Смотрю, перед вами так и задымилось поперек дороги — пулеметная очередь. Аж искры посыпались. Вы

залегли, а он, гад, так и шпарит из пулемета. А когда сделали бросок ко мне, фриц опять чесанул. И прямо по плащ-палатке...

Тут же он заговорил о плащ-палатке.

— Зачем вы бросили накидку? Я ее у командира хозвзвода силой взял. «Не дам,— говорит,— ты за неделю пятую палатку берешь для комбата». Но я все-таки взял,— с гордостью закончил Петя.

Я улыбнулся, но не сознался, что упал не по своей воле. Мою улыбку Петя не понял. Он принял ее за одобрение своего рассказа.

За развалинами кто-то громко спрашивал:

— Где капитан? Облазил все развалины...

Из-за обрушившейся стены показался связной Панкратова. Был он оборванным и угрюмым.

— Панкратов умирает,— сказал связной.— Просил разыскать вас... Попрощаться хочет.

Панкратов лежал в полуподвале. Было там сыро, дышалось тяжело, во многих местах зияли проломы.

— Нашли место раненому командиру роты!— набросился я на связного.— Несите наверх.

Панкратова вынесли во двор. Он был без сознания. Тут же его отправили в тыл.

НП батальона обосновался за грудой кирпича.

Роты готовились к новой атаке. Перед нами стоял «дом Гиммлера».

Ко мне подбежал старший лейтенант Самсонов, бывший командир нашей пулеметной роты, а теперь заместитель комбата-два. Он сообщил, что по приказу полковника Зинченко займет оборону в доме швейцарского посольства и будет огнем с места поддерживать наш батальон при наступлении на «дом Гиммлера».

В 7 часов утра дивизионная артиллерийская группа произвела огневой налет по канцелярии Гиммлера, Кроль-опере и по другим зданиям. Наиболее эффективным был огонь реактивных установок.

Когда лучи восходящего солнца осветили центральные кварталы, мы прямо перед собой на противоположной стороне улицы разглядели большое шестиэтажное здание — министерство внутренних дел.

Здесь был центр коричневой паутины немецкого фашизма. Отсюда, из этого черного дома, в свое время шли во многие страны Европы секретные пакеты, шифровки и приказания гестаповцам расстреливать, вешать, сжигать и убивать миллионы людей.

Дом оборонялся батальоном эсэсовцев. С чердаков, из окон и подвалов били крупнокалиберные пулеметы. Фашисты стреляли из фаустпатронов, усиливая пожары вдоль набережной Шпрее.

Нам стало ясно, что «дом Гиммлера» взять будет нелегко. Но взять его требовалось любой ценой, так как он прикрывал выход на Королевскую площадь, на которой стоял рейхстаг.

К нам пришел командир полка. Как всегда, в первую очередь полковник Зинченко спросил о главном — о боеспособности батальона.

— Убитых и раненых много?

— Человек сорок, товарищ полковник,— доложил я.— Ранены два командира роты — капитан Гусельников и старший лейтенант Панкратов. Тяжелораненые эвакуированы, а легкораненые отказались идти в тыл, остались в строю. Вместо Гусельникова назначил лейтенанта Всеволода Никитовича Ищука, который под Кунерсдорфом заменил капитана Куксина и временно командовал ротой. Способный, смелый. Думаю, справится. За Панкратова — младший лейтенант Николай Алексеевпч Антонов.

Полковник согласился с назначением Ищука и Антонова на должности командиров рот.

Он выслушал мой доклад, достал из кармана кисет, набил трубку.

— Крепись, Степан, теперь уже недолго...

Первым штурм «дома Гиммлера» начал батальон капитана Давыдова. Фашисты открыли по нему сильный ружейно-пулеметный огонь. Из окон и пробоин шестиэтажного дома хлестали свинцовые очереди. Интенсивная стрельба велась и с нашей стороны. Все вокруг заволоклось дымом и серо-бурой пылью.

Солдаты группами пересекали улицу и укрывались за углом здания. Впереди всех вел в атаку свой взвод лейтенант Кошкарбаев, молодой и горячий башкир со смуглым обветренным лицом и черными как смоль волосами. Бойцы Кошкарбаева ворвались в коридор.

К 13 часам 29 апреля стрелковые роты капитана Давыдова захватили несколько комнат первого этажа. В то же время наш батальон овладел угловой частью здания со стороны Шлиффенуфер.

Рота лейтенанта Гранкина пробралась на второй этаж, где завязался тяжелый рукопашный бой. Гранкина ранило в левую руку, но он продолжал командовать. Лейтенанта вторично ранило, на этот раз в голову, и он упал.

Командование ротой взял на себя командир отделения старший сержант Гуков. Но вскоре он был убит. Рота понесла большие потери, и мне пришлось ее, как говорится, на ходу расформировать. За счет ее пополнил роты Антонова и Ищука.

Вечером, чтобы развить успех, к нам направили батальон майора Логвиненко. Он стал наступать на юго-западную часть дома.

Жестокий, изнурительный бой за здание министерства внутренних дел продолжался с нарастающей силой. Мы несли большие потери, но неуклонно продвигались вперед, захватывая комнаты, коридоры, лестничные клетки. В здании возникли пожары — горели мебель, шкафы с бумагами, ковры. Распространялся едкий дым, от которого слезились глаза.

Лишь глубокой ночью шум и грохот на первых эта-

жах начал утихать и удаляться на верхние этажи. Напряжение боя постепенно ослабевало, сопротивление противника было сломлено. Наши подразделения овладели «домом Гиммлера».

Перед утром батальон сосредоточился в трех больших комнатах, похожих на казематы.

Штурм рейхстага

Через полуподвальное окно смотрю вдаль. Ночное небо заволокло дымом, ниже все затянуло заревом пожара. А по самой земле стелется мрак. Впереди — никаких строений.

По рации слышу голос Зинченко: «Где находишься? Где находишься? Прием. Прием».

Я докладываю не совсем уверенно:

— Я нахожусь в торце дома.

Сам же думаю: «А может быть, это не торец дома, может быть, здание еще уходит куда-нибудь вглубь?»

Полковник приказывает:

— Наступай на рейхстаг. Выходи быстрее к рейхстагу!

Я кладу трубку. В ушах все еще звучит голос Зинченко: «Наступай на рейхстаг. Выходи быстрее к рейхстагу!»

А где он, рейхстаг-то? Черт его знает. Впереди темно и пустынно...

Поднимаю батальон. Иду в темень, под зарево. Справа, совсем близко, застрочил пулемет. Куда он стреляет — не пойму.

В цепи кто-то застонал. Батальон залег.

Я вернулся в здание, на свой НП. Не прошло и пятн мннут, как нз полка поступил новый запрос:

— Вышел, что ли, к рейхстагу? Когда выйдешь? Ведь рейхстаг, Неустроев, от тебя близко, совсем рядом...

С Гусевым склоняемся над картой, рассуждаем. «Дом Гнммлера»... Мы находимся вот на этом углу. Наступать надлежит строго на юго-восток, вроде все верно, но почему огонь справа?

Наконец мы сорнентнровались. Вызываю по рацнн командира полка.

— Дайте огонь правее...

Заговорили наши минометы, за ними пушки. Вспышкн разрывов осветили местность, но на небольшом расстоянии. После разрывов видимость стала еще хуже. Вокруг черно, как в пропасти.

С тревогой я думал о том, что между ротами нет никакой локтевой связн. Во мраке легко сбиться с нужного направления. К тому же люди сильно устали. Наступать в такой обстановке было очень рискованно.

Я сказал начальннку штаба:

— Навести телефонную связь с ротамн. Разбудишь меня через час.

Тут же повалнлся на пол: не спал уже трое суток.

Разбудил меня Гусев, как договорились, ровно через час. Я снդел на полу, смотрел на начальннка штаба, он что-то говорил, но смысла слов я не понимал — все еще был во властн сна.

— Как связь с ротами? Большие ли потерн? — Это были первые мои вопросы.

— Потери небольшие. Телефонную связь с ротами устанавливать нет смысла — роты находятся от нас метрах в пятндесятн. Да смотрнте сами, они рядом, за окном.

В окна подвала пробнвался свет. Утро. Утро 30 апреля 1945 года...

Перед глазами было нзрытое, перепаханное снаряда-

ми огромное поле. Кое-где стояли изуродованные деревья. Чтобы лучше разобраться в обстановке, мне пришлось подняться на второй этаж.

Глубина площади, если можно было так назвать это поле, составляла метров триста. Площадь на две части рассекал канал, залитый водой. За каналом немецкая оборона — траншеи, дзоты, зенитные орудия, поставленные на прямую наводку. Около орудий копошатся люди. В конце площади трехэтажное серое здание с куполом и башнями. На первый взгляд ничем не примечательное, оно не заинтересовало меня. За ним, метрах в двухстах, виднелся огромный многоэтажный дом. Он горел, из него валил густой черный дым.

Наверное, это и есть рейхстаг! Но как до него дойти? Впереди ров, траншеи, орудия и серое здание...

Я спустился в подвал и по рации доложил обстановку командиру полка.

Он выслушал спокойно и коротко приказал:

— Наступать в направлении большого дома!

Я поставил перед ротами задачу: наступать левее серого здания, обойти его, выйти к горящему дому и окопаться.

Батальон приготовился к атаке. Орудия капитана Винокурова, старшего лейтенанта Челемета Тхагапсо и орудийного расчета дивизиона майора Тесленко были поставлены в проломах «дома Гиммлера» на прямую наводку. Батареи лейтенанта Сорокина и капитана Вольфсона заняли огневые позиции в боевых порядках стрелковых рот. Около орудий я встретил старшего лейтенанта Юрия Федоровича Степанова, с которым прошел путь от Старой Руссы. Он был ранен. Пришлось немедленно отправить его в медсанбат.

Наконец наша артиллерия открыла огонь. Площадь за каналом и серое здание затянуло дымом и пылью.

Взвилась серия красных ракет — сигнал атаки. Роты с криком «ура» бросились вперед. Но не успели пробе-

жать и десяти метров, как противник обрушил на нас сотни тяжелых мин и снарядов. Наше «ура» потонуло в грохоте. Атака захлебнулась.

Вскоре ко мне на НП пришел полковник Зинченко. Я доложил ему, что к рейхстагу никак не могу пробиться — мешает серое здание, из которого ведется стрельба, и очень сильный огонь справа.

Федор Матвеевич подошел к окну. Окно от пола было не так высоко, но Зинченко поднялся на цыпочки. Ему под ноги кто-то подставил ящик. Он долго держал в руках карту. Смотрел в окно и опять на карту. Глаза Зинченко вдруг осветились улыбкой. Он был взволнован.

— Неустроев, иди сюда... Смотри!

Я стал на ящик рядом с командиром полка, но не понимал, чему радовался Зинченко.

— Да смотри же, Степан, внимательно! Перед нами рейхстаг!

— Где? — невольно переспросил я.

— Да вот же, перед тобой. Серое здание, которое тебе мешает, и есть рейхстаг.

— Серое здание — рейхстаг? — неуверенно протянул я.

— Именно, товарищ комбат, серое здание и есть рейхстаг,— закончил Федор Матвеевич и соскочил с ящика на пол.

Мы с Гусевым смущенно переглянулись. Полковник Зинченко ушел на КП полка докладывать обстановку командиру дивизии генералу Шатилову. На прощание сказал:

— Готовить батальон к штурму рейхстага!

После его ухода я снова прильнул к окну. Серое здание поглотило все мое внимание. Это уже не просто здание, а что-то очень значительное, конечная цель наших боев и походов, наших страданий и мук.

По внешнему виду рейхстаг неказист. Три этажа, четыре башни, в центре купол, а на куполе шпиль. Ок-

на и двери замурованы красным кирпичом, это видно очень отчетливо. На месте окон и дверей оставлены амбразуры. Я приложил к глазам бинокль — в амбразурах стволы пулеметов. Насчитал их до двадцати. «Вот тебе и рейхстаг»,— рассуждал я про себя,— настоящая крепость».

Противник из рейхстага и справа, из Кроль-оперы, хлестал свинцом. Вскоре фашисты открыли огонь из артиллерии и тяжелых минометов, но их снаряды с воем пролетали над нами и рвались где-то позади, в районе моста Мольтке, через который командование срочно перебрасывало к нам танки, артиллерию и гвардейские минометы «катюши».

В воздухе показались наши самолеты. Они шли широким фронтом. У Бранденбургских ворот в парке Тиргартен содрогнулась земля...

Огонь противника по мосту Мольтке прекратился. Через несколько минут у «дома Гиммлера» появились десятки наших Т-34, за ними тягачи тянули тяжелые орудия. Вслед шли «катюши». И всю эту массу боевой техники устанавливали на узком участке фронта. Было тесно, и прямо-таки не хватало места. Сержант Виктор Куприянов из батареи Винокурова умудрился втащить свое орудие на второй этаж.

Его идею подхватили многие. Даже две «катюши» втянули по широким лестницам «дома Гиммлера» на второй этаж. Дверные проемы оказались узкими, их быстро расширили — разобрали внутренние стены и грозное оружие нацелили на рейхстаг.

Из штаба полка пришел старший сержант Съянов. Два дня назад его ранило, но ранение оказалось легким, и он находился в санбате дивизии. Приходу Съянова я был рад. Мало кто уцелел из ветеранов батальона. А тут старый знакомый!

— Здравствуй, здравствуй, Илья Яковлевич! Рассказывай, какими судьбами вернулся в батальон?

Он мне рассказал, что сегодня утром все тыловые подразделения дивизии облетел слух, что батальон Неустроева уже чуть ли не взял рейхстаг. Вот Съянов и заторопился. Врачи не отпускали. И тогда он просто сбежал.

Позвонил помощник начальника штаба полка майор Андрей Логвинов и сообщил, что нужно немедленно направить в штаб кого-нибудь из офицеров, чтобы получить пополнение.

Капитан Ярунов и замполит лейтенант Берест находились в ротах и лежали в цепи стрелков на Королевской площади. Отозвать их было невозможно. Немцы держали площадь под многоярусным пулеметным огнем. На НП со мной находился старший лейтенант Гусев. Но он был нужен мне.

Я решил направить Съянова. Он хотя и старший сержант, но мог в боевой обстановке заменить офицера.

Через час Съянов привел около ста человек.

В это время в батальоне насчитывалось триста пятьдесят человек. Пополнение казалось солидным, тем более что наполовину состояло из фронтовиков, вернувшихся после ранения из госпиталя. Остальные были в основном юноши лет восемнадцати.

Со Съяновым в батальон пришли капитан Матвеев — агитатор политотдела дивизии и капитан Прелов — агитатор полка.

Из пополнения сформировали первую роту, ее командиром я назначил Съянова. Взводы и отделения возглавили бывалые солдаты. Подбирались они просто по внешнему виду. Смотришь — пожилой, фронтовик, неплохая выправка, говоришь: «Будешь командовать первым взводом. А ты — вторым, а ты — третьим».

Матвеев и Прелов пришли кстати. В новой роте они разъяснили бойцам задачу, рассказали о боевом пути батальона. Молодежь слушала с раскрытыми ртами: уж очень увлекательно и толково говорили агитаторы.

Рейхстаг в то время приковал всеобщее внимание. Кроме знамени политотдела армии мы имели еще и красные флажки, которые по инициативе парторгов и комсоргов рот сделали сами солдаты. Флажков было много — на каждое отделение по одному, а то и по два. Все стремились быстрее ворваться в рейхстаг.

— Пустите меня вперед, я же перед строем давал слово, что доберусь до гитлерова логова первым,— просил пулеметчик рядовой Якимович, который с небольшой группой солдат находился в моем резерве.

В просьбе бывалого воина не было ничего показного.

На этом же настаивали сержант Ищанов, солдат Прыгунов, Бык, Шускин, Богданов, Солодовников.

Высокий боевой порыв людей внушал уверенность, что атака завершится успешно. Воины жили одной мыслью — взять рейхстаг.

Со мной находилась группа коммунистов со знаменем из штаба корпуса во главе с капитаном Маковым. С ним были старшие сержанты Лисименко, Минин, Загитов. Этой группе поставил задачу лично командир корпуса генерал Переверткин: водрузить флаг корпуса над рейхстагом. Такая же группа, возглавляемая майором Бондарем, ушла в боевые порядки соседней 171-й стрелковой дивизии.

Все подвалы угловой части «дома Гиммлера» заняли незнакомые мне офицеры-артиллеристы, танкисты. Они устанавливали стереотрубы, налаживали связь по телефону и рациям. Подвалы походили на муравейник. Кого только там не было! И корреспонденты, и кинооператоры, какие-то представители из Москвы.

Мой штаб и командный пункт с телефонным аппаратом и рацией прижали в угол. До мельчайшей подробности отрабатывали с танкистами 23-й танковой бригады и артиллеристами все вопросы взаимодействия. Это главный организационный вопрос, от которого зависит исход боя. Особенно умело и героически действо-

вали танкисты из батальона майора И. Л. Ярцева. Они огнем прямой наводки танков Т-34 уничтожили двенадцать танков и самоходок противника, преградивших путь к рейхстагу нашему батальону. В рядах этого славного танкового батальона сражался мой школьный товарищ и друг детства Николай Степанович Мосин, награжденный за штурм рейхстага орденом Красного Знамени. После войны Н. С. Мосин вернулся в наш родной город Березовский, где я с ним встретился в 1946 году.

Наступил вечер. Зинченко по телефону приказал:

— Через пятнадцать минут атака. Жду доклад из рейхстага.

— Задачи ротам поставил? — спросил у меня агитатор политотдела дивизии Матвеев.

— Поставил.

Гусев добавил:

— Кстати, задача взять рейхстаг была поставлена еще в 1941 году, в начале войны!

Матвеев ответил без улыбки:

— Здорово сказано.

Еще до звонка командира полка я подозвал капитана Ярунова и старшего сержанта Съянова.

— Хорошо видите вон то серое здание?

Они ответили утвердительно.

— По сигналу поведете роту в атаку. Вторая и третья роты действуют слева, вместе с ними ворветесь в рейхстаг!

Они слушали молча и внимательно.

— Понятно, товарищ комбат.

— В добрый путь. Надеюсь встретить вас в рейхстаге.

Здесь же, рядом, стоял капитан Прелов. По-дружески тронув за плечо старшего сержанта Съянова, он сказал:

— Тебе, Съянов, выпала большая честь.

— Постараюсь оправдать доверие. Ведь я коммунист.

Несколько минут не отходил от окна Съянов. Он на-

мечал и запоминал ориентиры: слева — трансформаторная будка, справа — маленький домик, в центре — афишная тумба...

Я еще и еще раз проанализировал боеспособность батальона: ротами и взводами командовали боевые командиры, имевшие опыт ведения боя в крупном городе. Второй ротой командовал младший лейтенант Николай Алексеевич Антонов, до этого он был командиром взвода у капитана Гусельникова, у которого было чему поучиться. В его способностях я не сомневался. Третьей ротой командовал лейтенант Всеволод Никитович Ищук, который под Кунерсдорфом заменил убитого капитана Куксина. Правда, первая рота была только что сформирована и вызывала у меня сомнение, но я решил в помощь Съянову направить своего заместителя по строевой части капитана Василия Ивановича Ярунова. Пулеметную роту возглавлял старший лейтенант Михаил Дмитриевич Жарков — отважный и безупречный командир, одним взводом его роты командовал шутник и весельчак лейтенант Герасимов. Минометной ротой командовал старший лейтенант Арсений Иванович Щербаков, я его знал еще по тому первому батальону — под Шнайдемюлем, когда батальоном командовал капитан Кастыркин, а я был командиром третьего батальона. Щербаков всегда находился на наблюдательном пункте той стрелковой роты, которой было особенно трудно. Взводом ПТР (противотанковых ружей) командовал бесстрашный лейтенант Никита Никифорович Козлов, любимец всего батальона. Лейтенант Борис Иванович Осипов умело развернул свой санитарный взвод, и я верил, что он отдаст раненым все силы и умение. Парторг батальона лейтенант Н. Н. Петров и комсорг батальона лейтенант Журавлев хорошо проявили себя еще в Миньск-Мазовецкой операции. Словом, командиры всех степеней в батальоне были надежные. Роты удалось довести до полного штатного состава. Полковник Зинченко к 18.00

пополнил батальон за счет тыловых подразделений полка. Вопросы взаимодействия с танкистами и артиллеристами отработали. В успехе штурма лично я, как командир батальона, не сомневался.

* * *

— Огонь! Огонь! Огонь! Огонь по рейхстагу! — слышу со всех сторон команды артиллерийских офицеров.

Один майор кричал в трубку «огонь» так, что на шее у него вздувались крупные синие жилы. Голос сильный, властный. Майор как бы выносил приговор фашистскому логову.

Вскоре команды потонули в грохоте. Было видно только, как командиры открывали и закрывали рты.

Налет получился короткий, но ошеломляющий. И вот рота Съянова рванулась к рейхстагу. Она перескочила через канал, но там ей пришлось сразу залечь.

Перед атакой, как я уже упоминал, по инициативе коммунистов и комсомольцев в батальоне приготовили красные флаги разной величины и формы. Каждое отделение имело их по одному, а то и по два.

И теперь десятки красных флажков развернулись по всей цепи атакующего батальона. Каждому воину хотелось, чтобы именно его солдатский флажок первым оказался в фашистском рейхстаге. Это был массовый героизм, и не имелось такой силы, которая смогла бы остановить советских воинов на пути к победе.

Петя Пятницкий на бегу развернул алое полотнище, и оно неудержимо понеслось к рейхстагу. Вокруг Пятницкого быстро сгруппировались бойцы. Вот их уже десять... двадцать...

В то же время мой заместитель по политчасти лейтенант Берест поднялся во весь свой богатырский рост, и вместе с Антоновым они увлекли за собой вторую роту, которая с утра лежала на площади, прижатая к

земле плотным огнем. Рота стремительно ринулась к рейхстагу.

Капитан Ярунов — мой заместитель по строевой части — поднял в атаку 1-ю роту. Лейтенант Ищук выскочил из воронки, повернулся к атакующей цепи своей 3-й роты, и с криком: «За родину! Вперед!» — устремился к парадному подъезду.

Двенадцать станковых пулеметов роты старшего лейтенанта Жаркова с флангов поддерживали стрелковую роту огнем. Жарков сам лежал за пулеметом и вел огонь по домам квартала иностранных посольств, откуда фашисты вели автоматный и пулеметный огонь по атакующей цепи батальона. Но вскоре командира роты тяжело ранило. Роту возглавил лейтенант Герасимов. В цепи штурмующих находилась и группа капитана В. Н. Макова. Она пребывала в нашем батальоне уже двое суток. Владимир Николаевич Маков — высокий, стройный офицер — понравился мне сразу. И сейчас, когда он повел свою группу в атаку, проявились его замечательные морально-боевые качества — храбрость и решительность, мужество и самоотверженность, красота русского богатыря.

В этой атаке впереди шли коммунисты и комсомольцы. Многие из них пали на площади, но живые неудержимо рвались вперед. Цепи редели...

Первым прорвался к рейхстагу Петя Пятницкий. Перед ним гранитная лестница парадного подъезда. Задыхаясь от напряжения, Пятницкий сразу вскочил на третью ступеньку и тут же, сраженный пулеметной очередью, упал. В его руке осталась неброшенная граната.

Сколько раз в боях смерть проходила мимо Пети! А здесь, у парадного входа в рейхстаг, на пороге Победы Петр Николаевич Пятницкий погиб. Алая кровь обагрила каменные плиты лестницы. Красный флаг подхватил сержант Щербина. Это была последняя атака батальона в суровой четырехлетней войне. Последняя!

Последняя атака

Противник слева почти не стрелял. Справа, из парка, слышались очереди. А из окон рейхстага фашисты поливали атакующих свинцом. Но кому удалось достичь его стен, тот был уже вне зоны вражеского огня.

У парадного подъезда райхстага взвилась серия зеленых ракет. Это был сигнал Ярунова о том, что батальон ворвался в рейхстаг.

Как только Ярунов дал зеленую ракету, я приказал Гусеву, начальнику штаба батальона, немедленно организовать новый наблюдательный пункт батальона непосредственно внутри рейхстага. Гусев с командиром взвода связи старшиной Касьяном Сергеевичем Сандул, пригнувшись к земле, побежали к рейхстагу. В это время уже наступил вечер, и я скоро потерял их из виду. За Гусевым и Сандулом командир линейного отделения связи сержант Ермаков со своими связистами потянули от «дома Гиммлера» в рейхстаг телефонную связь. Я с тревогой ждал...

Справа к рейхстагу бежали бойцы батальонов нашей дивизии капитана Василия Давыдова и майора Якова Логвиненко, слева — батальона старшего лейтенанта К. Самсонова из 171-й стрелковой, но им пока достичь рейхстага не удалось: они были контратакованы фашистами и отбивали атаку до 24 часов... [1]

Только во втором часу ночи на 1 мая, когда уже было водружено Знамя Победы, Самсонов вошел в рейхстаг с двумя ротами. Но нужно сказать, что батальоны Давыдова и Логвиненко 30 апреля вели напряженные бои

[1] Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 524, л. 13, 14; см.: История Великой Отечественной войны, т. 5, с. 283.

до поздней ночи справа, не доходя до рейхстага ста — ста пятидесяти метров. Они тем самым обеспечили нашему батальону возможность ворваться в здание и вести в нем бой, не опасаясь, что фашисты обойдут нас справа и атакуют во фланг и тыл.

А батальон Самсонова обеспечил нам левый фланг. Не прояви мужество и стойкость бойцы Самсонова при отражении яростных контратак противника, и нашему батальону едва ли удалось бы ворваться в рейхстаг.

А если бы и ворвались, то фашисты обошли бы нас слева и атаковали в рейхстаге с тыла. Пусть меня извинит читатель за то, что пишу главным образом о солдатах, сержантах и офицерах своего батальона и лишь изредка упоминаю людей соседних полков и батальонов. Думаю, что об их славных делах они напишут сами.

В то же время, когда соседние батальоны вели бои на флангах, на первом этаже рейхстага наши штурмующие роты встретили яростное сопротивление противника. Фашисты обрушили пулеметный и автоматный огонь не только на атакующих, но и на те многочисленные комнаты и длинные коридоры, в которые еще не вошли наши солдаты.

Это был огонь обреченных, потерявших рассудок людей, от которого мы, впрочем, не несли особых потерь. Удар же наших подразделений был мощным и организованным, и враг, не выдержав такого стремительного натиска, стал отступать. Мы занимали одну за другой комнаты, коридоры и залы.

Наконец слышу долгожданный звонок телефонного аппарата. Хотя прошло менее часа, но это время показалось вечностью. Звонил из рейхстага капитан Ярунов. Он коротко доложил: «Новый наблюдательный пункт батальона готов, роты и отдельные штурмовые группы ведут бой в глубине рейхстага, но бой утихает, слышны только отдельные автоматные очереди да иногда разрывы гранат».

— Батальон в рейхстаге. Перемещаюсь! — доложил я командиру полка.

Группа управления батальона, куда входили командиры поддерживающих артиллерийских дивизионов и отдельных батарей, со своими наблюдателями, радистами и связистами насчитывала более тридцати человек. В группу входили мои старые друзья, с которыми воевал еще под Старой Руссой,— командир 76-миллиметровой артбатареи старший лейтенант Иван Петрович Кучерин, в сорок третьем он был старшим сержантом, и лейтенант Николай Фомич Минаков, командир батареи 120-миллиметровых полковых минометов. Фашисты с закрытых позиций вели по площади артиллерийский и минометный огонь. Бойцы перебегали от воронки к воронке. Кругом часто рвались снаряды и мины.

Добрались до рейхстага.

В вестибюле меня встретил капитан Ярунов. Он обстоятельно доложил обо всем. Выслушав доклад, я осмотрелся. Вокруг темно. Стрельбы никакой. Тишина. Она тревожила. Мы понимали, что это лишь временное затишье.

В вестибюле и центральном зале заняла оборону вторая рота Антонова. Лейтенант Ищук расположился на правом фланге. На левом фланге с ротой Съянова капитан Ярунов.

Я пришел к выводу, что продвигаться дальше в глубь здания сейчас рискованно. В темноте в многочисленных комнатах можно распылить батальон. А вдруг немцы пойдут в контратаку? Находимся-то в самом рейхстаге.

Решил держать роты компактно. И не ошибся. Как вскоре выяснилось, в подземных помещениях рейхстага готовился к контратаке значительный гарнизон фашистов.

Центральный зал служил нам как бы ключевой позицией. Зал примыкал к вестибюлю, их разделяли высокие двустворчатые дубовые двери.

Вестибюль выводил к парадному подъезду. Обойти вестибюль немцы не могли. В зал сходилось несколько коридоров. Следовало взять коридоры под контроль, а для этого — занять круговую оборону.

Капитан Маков и его группа оставались в батальоне до конца боя. Они разделили с нами все трудности сражения и радость победы. Капитан Маков уже доложил командиру корпуса генералу Переверткину, что его группа выполнила приказ: знамя штаба 79-го корпуса водружено на крыше рейхстага.

После доклада Маков со своими бойцами Василием Фамильским, Газием, Загитовым, Сашей Лисименко и старшим сержантом Михаилом Маниным по моему приказу ушли в боевые порядки взвода лейтенанта Козлова. В это же время я подробно доложил командиру полка всю обстановку и высказал свои планы.

В ответ услышал:

— Решение одобряю. Личному составу батальона по возможности дай отдых. Раненых немедленно отправь в тыл.

Штаб батальона разместился в маленькой, без окон, глухой комнате. В это время в вестибюль вошла левофланговая рота из батальона капитана Давыдова. Командовал ею офицер Греченков.

Вскоре за ротой старшего лейтенанта Петра Греченкова, тоже из батальона Давыдова, входило в рейхстаг и еще одно подразделение. С шумом и криком ворвалась в вестибюль группа человек в тридцать. Она осветила зал десятком фонариков.

Я спросил:

— Что за люди? Откуда?

Навстречу мне вышел невысокого роста, широкий в плечах человек. И я тут же узнал его: лейтенант Кошкарбаев. О нем в дивизии ходила слава как о бесстрашном офицере.

— Вот что, лейтенант,— сказал я.— Занимайте обо-

рону на левом фланге нашего батальона. Будем вместе оборонять рейхстаг. Противник вот-вот может контратаковать.

Лейтенант козырнул.

Часов в десять вечера в рейхстаг пришел полковник Зинченко. Его сопровождали подполковник Ефимов, майор Соколовский и капитан Кондрашов. Я обрадовался их приходу.

— Капитан Неустроев, доложите обстановку.

Я обстоятельно изложил суть дела, но полковника интересовало Знамя. Я пытался ему объяснить, что знамен много... Флаг Пятницкого установил Петр Щербина на колонне парадного подъезда, флаг второй роты Ярунов приказал выставить в окне, выходящем на Королевскую площадь. Флаг третьей роты... Одним словом, я объяснил, что флажки ротные, взводные и отделений установлены в расположении их позиций.

— Не то ты говоришь, товарищ комбат,— резко оборвал меня Зинченко.— Я спрашиваю, где Знамя военного совета армии под номером пять?

Знамя военного совета армии находилось на командном пункте полка, в «доме Гиммлера».

Зинченко вызвал к телефону начальника штаба полка майора Казакова и приказал ему:

— Знамя немедленно доставить в рейхстаг!

Через десять — пятнадцать минут майор Казаков позвонил в рейхстаг и доложил командиру полка, что Знамя отправил. Его понесли разведчики полка Михаил Егоров и Милитон Кантария. Мы ждали... На площади застила автоматная и пулеметная трескотня.

— Несут! — облегченно выдохнул полковник.

Вскоре в вестибюль вбежали два наших разведчика — сержант Егоров и младший сержант Кантария. Они развернули алое полотнище — Знамя военного совета 3-й ударной армии под номером 5. Ему суждено было стать Знаменем Победы!

Полковник Зинченко с минуту молчал. Потом заговорил тихо, но торжественно:

— Верховное Главнокомандование Вооруженных Сил Советского Союза от имени Коммунистической партии, нашей социалистической Родины и всего советского народа приказало нам водрузить Знамя Победы над Берлином. Этот исторический момент наступил...

Я с волнением смотрел на знамя. Так вот оно какое! Сейчас его понесут наверх, и оно заполощется на ветру над поверженным Берлином. Тут я перевел взгляд на воинов-разведчиков. Они также были взволнованы. Ведь это им, простым советским парням, солдатам доблестной армии-победительницы, армии Страны Советов выпала высокая честь — водрузить Знамя Победы!

Кто они, эти ребята?

Михаил Егоров родился и вырос на Смоленщине. В 1941 году, когда в его родное село ворвалась война, он семнадцатилетним пареньком ушел в партизанский отряд. Летом и зимой вместе со своими товарищами — народными мстителями он отважно сражался с оккупантами. Когда же Советская Армия освободила Смоленскую область, Михаил стал воином одной из частей.

Несложна биография и Милитона Кантария. Он родился и вырос в солнечной Абхазии. На фронте — с первых дней Великой Отечественной войны. Участвовал в освобождении Советской Латвии и Белоруссии, в составе разведывательного взвода пришел в Берлин.

Полковник Зинченко снова обратился ко мне:

— Товарищ комбат, обеспечьте водружение Знамени Победы над рейхстагом!

Я приказал лейтенанту Бересту:

— Вы пойдете вместе с разведчиками. Надо выбрать место повыше и там водрузить Знамя.

Сказал я эти слова, и мною овладели чувства гордости за свою Родину.

Берест, Егоров и Кантария направились к лестнице,

ведущей на верхние этажи. Им расчищали путь автоматчики роты Съяиова. И почти сразу же откуда-то сверху послышалась стрельба и грохот разрывов гранат.

Прошло с полчаса. Берест и разведчики все ие возвращались. Мы с нетерпением ожидали их виизу, в вестибюле.

Стрельба наверху стихла, но от Бранденбургских ворот и из парка Тиргартен фашисты вели перекрестный пулеметио-автоматный огоиь по крыше рейхстага...

Мииуты тяиулись медленно. Но вот иакоиец... На лестнице послышались шаги, ровные, спокойные и тяжелые. Так может ходить только Берест.

Алексей Прокопьевич доложил:

— Знамя Победы установили на бронзовой коиной скульптуре иа фроитоне главного подъезда. Привязали ремиями. Не оторвется. Простоит сотни лет!

Полковник Зинченко, его заместитель по политической части подполковник Ефимов и начальник разведки полка капитаи Коидрашов ушли иа КП полка в «дом Гиммлера». В рейхстаге за старшего командира остался я.

* * *

После двух часов ночи иа 1 мая стрельба утихла. Иногда пролетит над головой иаш или немецкий сиаряд и разорвется где-то далеко. Только ракеты и пламя пожара видны иад Берлииом. Через парадиый подъезд рейхстага, через который вечером 30 апреля ворвался иаш батальои в цитадель фашизма, стали входить все иовые и новые подразделеиия. Шли пехотиицы, артиллеристы, таикисты, связисты почти из всех частей 79-го стрелкового корпуса. И всем хотелось водрузить свой флаг иад рейхстагом. Здесь развевались флаги лейтеианта Р. Кошкарбаева и рядового Г. Булатова из 674-

го стрелкового полка, младшего сержанта Е. Еремина и рядового Г. Савенко из 1-го батальона 380-го полка, сержанта П. Смирнова и рядовых Н. Веленкова и Л. Сомова из 525-го полка, сержанта Б. Япарова из 86-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады. А тем временем в рейхстаг продолжали входить новые подразделения... Создавалась опасная скученность людей.

Я считал, что для обороны рейхстага и отражения фашистских контратак нужно оставить здесь один полк или боеспособный усиленный батальон. Доложил по телефону свои соображения полковнику Зинченко. Не прошло и часа, как из рейхстага были выведены все подразделения, кроме нашего батальона.

Наступило утро.

Зал оказался огромным, наполовину заставленным стеллажами с папками бумаг. Наверное, это был архив.

Командир хозвзода лейтенант Валерий Валерьевич Власкин и повар доставили в рейхстаг завтрак.

— Праздничный завтрак,— сказал весело лейтенант.

Только тут я вспомнил, что сегодня 1 Мая.

Настроение у всех было бодрое, праздничное.

Старший лейтенант Гусев выделил восемь человек во главе с рядовым Новиковым для ознакомления с рейхстагом и составления его схемы.

Разведчики обошли все здание, подготовили схему, хотели уже возвращаться в штаб батальона, когда в стене первого этажа обнаружили дверь. Открыв ее, увидели широкую мраморную лестницу с массивными чугунными перилами. Осторожно начали спускаться вниз. Первым шел Новиков, он освещал дорогу карманным фонариком.

Кругом стояла мертвая тишина, и в ней гулко отдавался стук солдатских сапог. Миновав несколько лестничных площадок и проникнув глубоко в подземелье, бойцы очутились в большом зале с железобетонным полом и такими же стенами. Не успели они пройти и деся-

ти шагов, как прозвучали взрыв фаустпатрона и пулеметная очередь. Пятерых разведчиков убило, трое успели скрыться за поворотом лестничной площадки. Новиков чудом остался жив. С двумя солдатами, еле переводя дух, он прибежал в штаб батальона и рассказал о происшедшем.

— А какое оно, подземелье? Какие там силы у фашистов? — обеспокоился я.

Требовалось немедленно собрать данные о противнике. В одной из комнат рейхстага еще с вечера находились взятые в плен гитлеровцы. Мы не смогли отправить их в тыл, так как не имели времени и лишних людей для сопровождения.

Ко мне привели обер-лейтенанта. Гитлеровец сообщил, что подземелье большое и сложное, со всевозможными лабиринтами, туннелями и переходами и в нем размещены основные силы гарнизона, более тысячи человек, во главе с генерал-лейтенантом от инфантерии — комендантом рейхстага. В складах большие запасы продовольствия, боеприпасов и воды.

Если верить показаниям обер-лейтенанта, противник обладал серьезным численным превосходством. Наши силы были в несколько раз меньше.

Пока я разговаривал с офицерами Матвеевым и Преловым, Кузьма Гусев, склонившись над столом, заснул.

Усталость и меня валила с ног, но я крепился — ходил по комнате, до боли стискивал зубы и обдумывал возможные варианты действий противника. Предполагал разное. Но совершенно ясным было одно: в подвал пока не забираться, держать оборону наверху, в зале, контролировать все коридоры и блокировать подземелье. Я отдал распоряжения.

За рейхстагом стали чаще рваться снаряды и мины. Потом стрельба переросла в сплошной гул артиллерийской канонады. Рейхстаг содрогался, как будто его непрерывно трясли...

Позвонил командир полка. Он после водружения Знамени Победы ушел в «дом Гиммлера» и по-прежнему находился на КП. И теперь поздравлял с праздником Первого мая.

Обрисовав обстановку, я просил его подавить вражеские батареи в парке Тиргартен, так как своих поддерживающих артиллерийских средств было недостаточно, а также доставить в батальон побольше боеприпасов. Сообщил ему и о том, что для отражения вероятных контратак приняты все необходимые меры.

Огонь артиллерии врага продолжался. Вскоре фашисты перешли в контратаку на подразделения 674-го и 380-го стрелковых полков, оборонявшихся на внешней стороне здания. Там сосредоточились батальоны В. И. Давыдова, Я. И. Логвиненко и К. Я. Самсонова.

Вдруг где-то в глубинах здания послышался взрыв. За ним второй, третий. Контратака!

— К бою! Огонь! — раздалась команда.

Застрочили наши пулеметы и автоматы. Рейхстаг заполнился трескотней длинных и коротких очередей. Гусев бросился к телефону, чтобы доложить в штаб полка о контратаке, но связь прервалась.

— Восстановить любой ценой! — крикнул я и побежал в зал, к ротам. В коридоре, за центральным залом, увидел лежащего на полу старшину Михаила Ивановича Дронина. Он был тяжело ранен и истекал кровью. Я достал из его нагрудного кармана перевязочный пакет, сделал перевязку. В это время подбежал к нам мой новый ординарец, вместо убитого Пятницкого, Степан Ермаков, и я ему приказал немедленно доставить Дронина на медицинский пункт. Только через тридцать лет узнал, что он остался жив, правда, после ранения стал инвалидом второй группы. Здоровье оставил в рейхстаге...

В помещении все чаще слышались разрывы фаустпатронов. Но едва фашисты показывались в коридорах,

бойцы открывали огоиь, и те, оставляя убнтых, отступалн в подвалы.

За стеиами здаиия не умолкала каиоиада — шел бой...

Там цеиою большнх потерь фашистам удалось потеснить нашего соседа н овладеть Кроль-оперой. Это здаиие иаходнлось от иас справа в тылу. Такнм образом, путн сообщення со штабом полка оказались прерваниыми. Мы были блокированы, ио тогда еще не зналн, что в теченне суток инкто ие сможет пробиться к нам в рейхстаг. Наша рация вышла нз строя. Телефон тоже бездействовал.

Гусев выслал иа линию трех связнстов — инкто из них ие вериулся. Воспользоваться рацией командиров артнллерийскнх дивнзнонов, иаходнвшнхся в рейхстаге, было невозможно. Онн сражалнсь в правом крыле, отрезаиные от штаба батальоиа пламенем пожара. Мие это стало известио после боя: их наблюдательные пункты атаковали фашнсты. Артиллернсты прниялн бой. Действовалн как стрелковое подразделеиие. Доходнло до рукопашной схватки.

Часам к двеиадцати дия гитлеровцы сиова пошли иа прорыв. Оии стремнлись любой цеиой вырваться из подземелья. В трех-четырех местах нм удалось потесиить иас, и в эту брешь иа первый этаж хлыиулн солдаты и офицеры протнвиика.

От разрывов фаустпатроиов в разных местах вспыхиули пожары, которые быстро слнлнсь в сплошную огневую завесу. Горели деревяниая обшивка, покрытая масляной краской, роскошные сафьяновые кресла н дниваиы, ковры, стулья. Возннк пожар н в зале, где стоялн десятки стеллажей с архивамн. Огоиь, словно смерч, подхватывал и пожирал все на своем путн. Уже через полчаса пожар бушевал почтн иа всем первом этаже.

Кругом дым, дым, дым. Ои колыхался в воздухе чериымн волиами, обволакнвал непроиицаемой пелеиой залы, коридоры, комнаты. Лншь незначительиая часть

дыма выходила иаружу. На людях тлела одежда, обгорели волосы, бровн, спирало дыхаине.

Фашистскнй гарнизон рейхстага — отборные головорезы, профессноиальные убнйцы, военные преступннкн. Им, как говорнтся, терять было нечего — онн шлн напролом, решнв любой ценой восстановнть положенне — выбнть нас из рейхстага.

Мы сдержнвали их напор и делалн отчаянные попыткн потушить пожар.

Огонь охватил уже и верхнне этажн. Батальои оказался в нсключительно тяжелом положенни. Связн с соседиими подразделеннями у иас ие было. Что делалось в батальонах В. И. Давыдова, Я. И. Логвнненко н К. Я. Самсонова, мы не знали. Но задача, стоящая перед нами, оставалась прежней: ии шагу назад! Удержать рейхстаг во что бы то нн стало! Особенно теперь, когда иад иим развевается Знамя Победы! Мне прнходнлось десятки раз перебегать нз одной роты в другую, а в ротах из одиого взвода — в другой. Обстановка обязывала быть там, где нанболее угрожающее положенне. Лнцо н руки покрылнсь ожогами. Обмундирование обгорело. Мие казалось, что вот-вот упаду. Но людн смотрелн иа меия. Я обязан выстоять!

Вместе с солдатамн первой роты сражалнсь работннк полнтотдела днвнзнн капнтаи Матвеев н агнтатор полка капнтаи Прелов. В одном из корндоров онн обнаружнлн ящнки с фаустпатронамн. Оружие врага тут же пустнлн в ход. Навыкн применення фаустпатронов мы прнобрелн еще в днн боевой учебы на озере Мантель. Сейчас это очень пригоднлось.

До поздиего вечера 1 мая в горящем рейхстаге шел бой с отбориыми подразделеннями СС. Только в ночь на 2 мая нам удалось ротой под комаидованнем капнтана Ярунова обойти н атаковать фашнстов с тыла. Гнтлеровцы ие выдержалн натнска и скрылись в подземелье.

Но положение наше оставалось тяжелым. Люди были крайне изнурены. На многих болтались обгоревшие лохмотья. У большинства солдат лица и руки покрылись ожогами. Ко всему прочему нас мучила жажда, кончались боеприпасы...

Вдруг противник прекратил огонь. Мы насторожились.

Вскоре из-за поворота лестницы, ведущей в подземелье, фашисты высунули белый флаг. Какое-то мгновение мы смотрели на него, не веря своим глазам.

Я вызвал рядового Прыгунова, знающего немецкий язык, и сказал ему:

— Пойдешь и выяснишь, что значит этот флаг.

— Есть! Иду.

Мучительно долго тянулись минуты. Укрывшись за колоннами и статуями, мы ждали возвращения Прыгунова. Некоторые считали, что он исчез навсегда, другие верили, что вернется.

Прыгунов вернулся. Вернулся с важным известием: фашисты предлагают начать переговоры. Стрельба прекратилась с обеих сторон. В здании наступила такая тишина, что малейший стук эхом отдавался в дальних углах.

Гитлеровцы выставили условие, что станут вести переговоры только с генералом или по меньшей мере с полковником.

Генерал Шатилов, полковник Зинченко... Мог ли я просить их прибыть для этого в рейхстаг? Связь не работала, да к тому же каждый метр Королевской площади простреливался из Кроль-оперы.

Я искал выход из положения и кое-что придумал.

— Кузьма, зови сюда Береста.

Манера лейтенанта свободно, с достоинством держаться и соответствующий рост всегда придавали ему внушительный вид.

Оглядев еще раз с ног до головы нашего замполита,

я подумал, что он вполне сойдет за полковника. Стоит лишь заменить лейтенантские погоны.

— Никогда не приходилось быть дипломатом? — спросил я его.

— На сцене? — задал он встречный вопрос, не понимая, о чем пойдет речь.

— На сей раз придется тебе быть дипломатом в жизни, да к тому же еще стать на время полковником: комплекция, так сказать, позволяет. Да и взгляд весьма основательный.

Алексей Прокопьевич очень удивился. Он с любопытством посмотрел на меня, ожидая объяснения.

Я открыл ему свой замысел.

— Раз надо, я готов идти,— ответил Берест.

— Иного выхода нет: они изъявили желание говорить на высоком уровне. Быстренько побрейся и сними лейтенантские погоны.

Берест не заставил себя долго ждать. Мигом достал из полевой сумки маленькое зеркальце, приготовил бритву, кисточку, вылил из фляги последние капли воды и через несколько минут доложил, что к переговорам готов.

— Ну как, пойдет? — повернулся он к нам.

Мы с Гусевым критическим взглядом окинули Алексея Прокопьевича.

— Брюки надо было бы заменить — рваные, но ничего, война, после заменим,— пошутил Гусев.

— А вот шинель следует сменить сейчас, фуражку взять у капитана Матвеева,— подсказал я.

Шинель он сбросил, надел трофейную кожаную куртку и натянул на руки перчатки.

— Теперь, кажется, придраться не к чему,— похлопывая Береста по плечу, заключил я и напомнил, что задача состоит в том, чтобы заставить гитлеровцев безоговорочно сложить оружие.

— Ясно.

Пока мы уточняли последние подробности, Кузьма Гусев подошел к станковому пулемету, расположенному у лестничной площадки, и передал мои указания лейтенанту Герасимову: при появлении Береста доложить ему, как полковнику, и очень громко, чтобы услышали в подземелье фашисты.

Наша делегация для переговоров состояла из трех человек: Берест — в роли полковника, я — его адъютант и Прыгунов — переводчик.

Во время боя на мне поверх кителя была надета телогрейка. Она сильно обгорела, из дыр торчали клочья ваты. Но под телогрейкой сохранился китель. Он был почти новым, с золотыми капитанскими погонами. На груди пять орденов. По внешнему виду я оказался для роли адъютанта самым подходящим.

Можно было бы свой китель надеть на другого человека и послать его с Берестом. Но это шло уже против моей совести. Я считал себя обязанным делить все опасности и с лейтенантом Берестом, и со всеми остальными бойцами батальона.

Как только мы приблизились к лестничной площадке, лейтенант Герасимов чуть привстал и во весь голос, как было ему приказано, отрапортовал:

— Товарищ полковник, пулеметная рота в полном составе на огневой позиции. (А в роте остался один пулемет и четыре человека.)

Стрельба в это время не велась ни с той, ни с другой стороны, и поэтому голос Герасимова эхом прокатился по зданию. Рапорт прозвучал естественно, и его, конечно, услышали фашисты.

— Смотрите в оба,— приказал «полковник» лейтенанту Герасимову.

Когда мы вступили на лестничную площадку, навстречу нам вышел вражеский офицер. Приложив руку к головному убору, он коротко, но вежливо указал, куда следовало идти.

Не проронив ни слова, мы не спеша спустились вниз и попали в слабо освещенную комнату, похожую на каземат. Здесь уже находились два офицера и переводчик — представители командования фашистского гарнизона рейхстага. За их спинами проходила оборона. На нас были направлены дула десятка пулеметов и сотен автоматов. По спине пробежал мороз. Немцы смотрели на нас враждебно. В помещении установилась мертвая тишина.

Лейтенант Берест сделал несколько шагов вперед и, нарушив молчание, решительно заявил:

— Все выходы из подземелья блокированы. Вы окружены. При попытке прорваться наверх каждый из вас будет уничтожен. Чтобы избежать напрасных жертв, предлагаю сложить оружие, при этом гарантирую жизнь всем вашим офицерам и солдатам. Вы будете отправлены в наш тыл в распоряжение старшего командования.

Встретивший нас офицер на ломаном русском языке заговорил:

— Немецкое командование не против капитуляции, но при условии, что вы отведете своих солдат с огневых позиций и на время обезоружите их. Они возбуждены боем и могут устроить над нами самосуд. Мы поднимемся наверх, проверим, выполнено ли предъявленное условие, и только после этого гарнизон рейхстага выйдет, чтобы сдаться в плен.

Согласиться на такие условия мы не могли: фашистов в подземелье около тысячи, а нас менее трехсот, обессиленных боями бойцов и командиров.

Наш «полковник» категорически отверг предложение фашистов. Он продолжал настаивать на своем.

— Господа, у вас нет другого выхода. Если не сложите оружие — все до единого будете уничтожены. Сдадитесь в плен — мы гарантируем вам жизнь.

Снова наступило молчание. Первым его нарушил гитлеровец:

— Ваши требования доложу коменданту. Ответ дадим через двадцать минут.

— Если в указанное время вы не вывесите белый флаг, начнем штурм,— заявил Берест.

И мы покинули подземелье. Легко сказать сейчас: покинули подземелье...

А тогда пулеметы и автоматы смотрели в наши спины. Услышишь за спиной какой-то стук, даже шорох, и кажется, что вот-вот прозвучит очередь.

Всему миру известно, что во время войны Советское командование, движимое чувством гуманности, не раз направляло своих парламентеров к фашистам на переговоры. Но не всегда они возвращались. Многие наши парламентеры были убиты.

Дорога из подземелья казалась очень длинной. А ее следовало пройти ровным, спокойным шагом. Мы понимали — по нашему поведению фашисты будут судить о тех, кто их блокировал.

Нужно отдать должное Алексею Прокопьевичу Бересту. Он шел неторопливо, высоко подняв голову.

Мы с Ваней Прыгуновым сопровождали своего «полковника».

Переговоры закончились в 4 часа утра. Берест, исполнивший роль, я и Прыгунов благополучно вернулись к своим.

Прошло двадцать минут, час, полтора... Белый флаг не вывешивался. Стало ясно, что гитлеровцы затягивали время и все еще надеялись на что-то.

Но время работало на тех, кто штурмовал рейхстаг. К центру Берлина непрерывно подтягивались советские войска, подавляя сопротивление последних групп противника. Немецкое командование вынуждено было снять свою артиллерию из парка Тиргартен и перевести в другой район. Уцелевшие фашистские батареи покинули свои позиции: обстрел территории, прилегающей к рейхстагу, почти прекратился. Соседние части снова выби-

ли немцев из Кроль-оперы — сообщение из рейхстага с нашими тылами было восстановлено.

В этот момент с шумом и радостными возгласами к нам ворвалась посланная командиром полка рота 2-го батальона. Ее возглавили мой земляк Николай Самсонов и лейтенант Грибов.

Мы получили боеприпасы, горячую пищу, воду.

Между тем гитлеровцы все еще не дали ответа на наше предложение и не чувствовалось, что они готовятся к сдаче в плен. В шестом часу утра 2 мая мы начали подготовку к штурму подземелья.

В ротах царило всеобщее возбуждение. Кто-то сказал:

— А что, если в подземелье сам Гитлер?

— Гитлер? Сейчас пойдем посмотрим,— шутили в ответ.

Мы понимали, что идут последние часы войны. Всем хотелось дожить до победы. Но каждый знал: впереди битва.

Уже в последний момент, когда я собирался подать команду «вперед», гитлеровцы выбросили белый флаг.

В мрачных лабиринтах огромного здания сразу воцарилась непривычная тишина.

В центральном коридоре появился уже знакомый нам немецкий офицер. Он попросил вызвать полковника.

Чтобы довести начатое дело до конца, лейтенант Берест вторично приступил к исполнению своей роли. Их переговоры длились недолго.

Гитлеровец сообщил Бересту решение своего генерала, коменданта рейхстага, о сдаче в плен всего гарнизона.

В седьмом часу утра из подвалов потянулись группы пленных солдат и офицеров. Их шествие открывали два генерала. Бледные, с угрюмыми лицами, они медленно шагали, понурив головы.

Сдерживая гнев, наши воины смотрели на пленных,

с которыми совсем недавно вели борьбу не на жизнь, а на смерть.

Фашисты шли и шли нескончаемым потоком.

К семи часам утра 2 мая остатки гарнизона полностью капитулировали, и борьба в рейхстаге прекратилась. К этому времени стал утихать и пожар.

Так завершился наш последний бой в Великой Отечественной войне. Последний! 150-я дивизия участия в боях больше не принимала — война для нас закончилась.

А во второй половине дня 2 мая произошло еще одно очень важное для меня событие — коммунисты моего батальона в здании рейхстага принимали меня в партию. Да, в одной из комнат германского парламента, где фашисты замышляли стать владыками мира, простого парня с Урала принимали в партию большевиков! Привиделось бы такое Гитлеру хотя бы во сне!

...Председательствующий объявил повестку дня. Первым вопросом рассматривалось мое заявление о приеме в члены ВКП(б). Замполит батальона Алеша Берест шепнул мне: «Вот как, Степан, большевики в рейхстаге!»

Когда мне дали слово, я ничего не мог сказать от волнения. Начал говорить об утреннем бое, но услышал:

— Это мы знаем. Давай биографию!

За минуту выложил всю биографию. Потом мои рекомендатели выступили: Алеша Берест, Кузьма Гусев, парторг полка Яков Петрович Крылов.

Проголосовали все единогласно. За меня и за других солдат батальона. С тех пор мой партийный стаж — ровесник Победы!

Мы победили!

Итог боев был подведен в боевом донесении командования нашей дивизии генералу Переверткину.

Все вокруг пело и ликовало. Казалось, сама майская природа приветствовала великое торжество света и справедливости над темными силами коричневой чумы.

Советские солдаты бросали в воздух пилотки и кричали «ура». Поздравляли друг друга с победой, обнимались, целовались, качали своих командиров, у многих на глазах были слезы, слезы великой радости.

Я построил батальон. Сильно поредели его ряды. Многие солдаты стояли с повязками, пропитанными кровью. Закопченные, грязные, в порванной одежде. Но в глазах этих людей светилось большое человеческое счастье.

В рейхстаг, как в редкостный музей, непрерывно прибывали представители всех родов войск. Здесь побывало командование нашей дивизии, 79-го корпуса, 3-й ударной армии, 1-го Белорусского фронта. Приехали Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков (я первый раз видел его так близко). С ним член Военного совета фронта генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин.

Об этом событии бывший военный корреспондент газеты «Правда» Яков Иванович Макаренко в своей книге «Белые флаги над Берлином», выпущенной издательством Министерства обороны СССР в 1976 году, пишет так:

«Третьего мая рейхстаг посетил командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Вместе с ним прибыли комендант Берлина генерал-полковник Н. З. Берзарин, член

Военного совета фронта К. Ф. Телегин, член военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков. Встречал в рейхстаге маршала и его спутников капитан Степан Неустроев. Мне посчастливилось быть в этот день в рейхстаге, и я оказался свидетелем этого визита. Г. К. Жуков, широко улыбаясь, внимательно прочитал многие надписи на стенах и колоннах рейхстага и удивился, взглянув на потолок: как только воины ухитрились написать свои фамилии под самым карнизом!

Обратившись к Неустроеву и показав на стены рейхстага, маршал спросил: «Ваш батальон, конечно, в центре?» Капитан Неустроев смутился, но ответил бойко: «Никак нет, товарищ маршал. Не успели. Пока тушили пожар в рейхстаге, сюда забегали из разных частей расписываться. Нам не хватило места!»

Георгий Константинович улыбнулся, сказал: «Ну, это не беда. Свои имена вы и без того вписали в историю на веки вечные!..»

Жуков подробно и обстоятельно ответил на все вопросы солдат. На беседу с солдатами и офицерами ушло не менее часа, но маршал не пожалел времени. Он любил встречи и беседы с воинами. Разговор получился содержательный, душевный. Перед тем как возвратиться в штаб, Г. К. Жуков и его спутники отыскали более-менее свободное место на стене рейхстага и также оставили свои подписи...»

Да, многие оставляли на стенах рейхстага надписи. Писали мелом, углем, а то и штыком. «Мы из Москвы пришли в Берлин. Иванов». «Мы сталинградцы. Груздев». Мне особенно запомнилась одна надпись: «Почему в главной фашистской конторе такой беспорядок? Старшина Сандул».

В рейхстаге действительно царил беспорядок. Грязи, пепла — по колено. Стены в саже и копоти. В самом здании народу — не протолкнуться. Нашлись фотографы, и воины снимались со своими боевыми друзьями.

Фотографнровали все: рейхстаг, площадь, подбнтый «тнгр», статуи...

— Друг, а друг, очень прошу тебя, сннмн,— обращался пожнлой сержант-пехотннец к веселому пареньку-фотографу.— Ну, сними же меня, а то жена н детншкн позабылн, наверное, мой облнк. Ведь четыре года...

Тут же другой солдат:

— Снимн, браток. Вот здесь — на внду рейхстага сннмн, а то не поверят в деревне, что я был тут.

Фоторепортеры и корреспонденты армейскнх и центральных газет с запнсными кннжкамн, фотоаппаратамн обошлн весь рейхстаг. Запнсывалн, снималн, просилн солдат н офицеров рассказать о себе. Казалось, что не будет конца расспросам и записям. Тут оказался н мой старый друг, корреспондент дивнзионной газеты Васнлий Субботнн. Он находнлся в батальоне, пока мы стоялн в рейхстаге, почтн каждый день. После войны выйдет много его кнпг, напнсанных о событиях последних дней войны, о солдатах н офнцерах.

В кннге «Как кончаются войны» он хорошо показал последнее сраженне в рейхстаге.

Сейчас, перечитывая напнсанное Васнлнем Субботнным, будто снова вижу тех, кто брал рейхстаг. Тех, кому 1 мая 1945 года в церквах Амернки, Англни н Францин служилн хвалебные молебны.

Да, служнли! Служили могуществу и славе Советского государства!

9 мая наш полк, как и все советскне люди, отпраздновал День Победы. Радость, которую мы тогда испытывали, не передать словами.

Через три дня 150-я стрелковая Идрицко-Берлннская ордена Кутузова дивнзия вышла нз Берлнна в район города Ной-Руппин. Здесь мы разместились лагерем на бывшнх дачах Геринга. В тот же день сдали боеприпасы на склад. Старшины рот нмелн запас патронов

только для караулов. Мы без боеприпасов... Странным, непривычным было это для нас.

Мне все еще не верилось, что война закончилась. Каждую ночь снились атаки, бомбежки, марши. Проснешься в холодном поту и не скоро снова заснешь. И вновь привидится война...

Война снилась много, много лет подряд, даже сейчас и то иногда ее видишь, проклятую...

●

После войны

После войны, в июне сорок пятого года, перед Парадом Победы, командование и политотдел 3-й ударной армии мне, старшему сержанту Съянову, Егорову, Кантария и представителю 171-й стрелковой дивизии (которая совместно с 150-й штурмовала рейхстаг) капитану Константину Самсонову поручили доставить Знамя Победы в Москву. К Знамени прилагалась характеристика.

Хочется подробнее рассказать, как было доставлено Знамя Победы в Москву...

20 июня 1945 года я, Егоров, Кантария и Съянов в сопровождении начальника политотдела 150-й дивизии подполковника Артюхова приехали в штаб 79-го стрелкового корпуса. Нас встретил начальник политотдела корпуса полковник И. С. Крылов. Из 171-й стрелковой дивизии приехал Самсонов, вся группа, которой поручалось доставить Знамя Победы в Москву, была в сборе. Полковник Крылов проверил боевую характеристику Знамени Победы. Развернул Знамя и помрачнел... На нем было после боев дописано:

150 стр. ордена
Кутузова II ст.
Идрицк. див.

Крылов пристальным взглядом, в упор посмотрел на Артюхова и спросил: «Кто вам дал право писать это?» И он ткнул пальцем в цифру 150. Артюхов понял, что самовольные действия командования дивизии как-то надо уладить, и предложил Крылову не смывать и не стирать надпись, а наоборот, добавить: 79 стр. корпус, 3 ударная армия, 1 Белорусский фронт. Но места на знамени осталось мало, поэтому написали сокращенно: 79 ск, 3 уа, 1 Бф. Когда Крылов увидел на Знамени цифру 79, он остался доволен. Конфликт был улажен.

В этот же день — 20 июня — нашу группу со Знаменем Победы с Берлинского аэродрома проводил в Москву начальник политотдела Третьей ударной армии полковник (ныне генерал-лейтенант) Федор Яковлевич Лисицын.

Я первый раз в жизни летел самолетом, и мне было страшно. Самолет летел какими-то рывками, часто «проваливался» в какие-то ямы. Ну, думал, не убило меня на фронте, где сотни раз ходил в атаки, а вот здесь, очевидно, пришел конец. Но долетели благополучно, самолет приземлился в Москве. Москва! Столица нашей Родины. На нее смотрел весь мир.

В грозном сорок первом с трепетом думал каждый советский человек, да не только советский, а все добрые люди земного шара,— выстоит ли Москва? Москва не только выстояла, а готовит к 24 июня 1945 года свой великий парад — Парад Победы над фашистской Германией.

Самолет немного пробежал, остановился, замолчали его двигатели. Кто-то из членов экипажа открыл дверцу самолета, и я увидел, что перед самолетом стоит строй войск. Только потом понял, что это почетный караул встречает Знамя Победы! Церемония встречи для меня лично прошла словно в каком-то угаре. Музыка. Команды. Военный марш. Корреспонденты. Фоторепортеры. Машины и машины. Я пришел в себя только тогда,

когда нашу группу какие-то офицеры и корреспонденты специальным автобусом доставили в Ворошиловские казармы, где уже целый месяц готовились сводные полки всех фронтов к Параду Победы.

Вечером 22 июня нас одели в новую форму — первую послевоенную парадную форму.

О подготовке и проведении Парада Победы очень подробно написано в книге генерала армии С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны». Я приведу из этой книги только отдельные выдержки, которые касаются Знамени Победы. На странице 403 он пишет: «...Знамя Победы, водруженное на рейхстаге, приказали доставить в Москву с особыми воинскими почестями. Утром 20 июня начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф. Я. Лисицын на аэродроме Берлина торжественно вручил его Героям Советского Союза старшему сержанту Съянову, младшему сержанту Кантария, сержанту Егорову, капитанам Самсонову и Неустроеву. В тот же день они прибыли на Центральный аэродром столицы. Здесь Знамя Победы было встречено почетным караулом войск Московского гарнизона...»

«...На парад мы предлагали вывести по одному сводному полку в 1000 человек от каждого действующего фронта, не считая командиров. Сводный полк должен был представлять все виды вооруженных сил и рода войск и выйти на Красную площадь с 36 боевыми знаменами наиболее отличившихся соединений и частей данного фронта. Всего на парад предстояло вывести 11 сводных фронтовых полков (в том числе один сводный полк Военно-Морского Флота) при 360 боевых знаменах. Помимо того, к участию в параде предлагалось привлечь военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона. Знамя Победы, реявшее на куполе рейхстага в Берлине, по нашим соображениям, следовало поставить во главе парадного шествия и чтобы несли и сопровождали его те, чьими руками оно

было водружено над столицей гитлеровской Германии,— М. В. Кантария, М. А. Егоров, И. Я. Съянов, К. Я. Самсонов и С. А. Неустроев.

24 мая, как раз в день торжественного обеда, мы доложили все это Сталину. Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился. «Парад провести ровно через месяц — двадцать четвертого июня»,— распорядился Верховный...»

Мне 22 июня — накануне генеральной репетиции — этот план был знаком. Я всю ночь на 23 июня не спал. Гордился. Волновался. Шутка ли, мне, двадцатидвухлетнему пехотному капитану, доверяется идти во главе Парада Победы. Это же приказ самого Сталина!

Утро 23 июня. На Тушинском аэродроме генеральная репетиция Парада Победы. Сводные полки фронтов во главе со знаменитыми полководцами стояли в четком строю. Командовал парадом маршал Рокоссовский. Принимал парад маршал Жуков.

Музыка заиграла военный марш, забили барабаны... Звуки военного марша и бой барабанов громкие, четкие. Содрогнулся воздух... Казалось, что весь мир, все люди земли слышат и видят непобедимую силу моей Отчизны!

Я шел впереди, высоко нес Знамя Победы. Шел, как мне казалось, четким строевым шагом. Прошел мимо трибуны, где было высшее командование во главе с маршалом Жуковым. Бетонная дорожка, по которой шел, была длинная. Где остановиться или где повернуть, мне никто не сказал. Иду и чеканю шаг, особенно левой ногой, правая на фронте была перебита, болела, я ею ступал осторожно. Зато левая нога по асфальту стучала так, что удары отдавались в моей голове.

Ассистенты идут за мною. Я слышу их шаги. Иду... Но когда и где мне остановиться? Не знаю. Идти дальше — сомневаюсь. Остановиться — боюсь. Устал. Руки больше не держат древко Знамени — окостенели. Пояс-

ницу разломило. Ступня левой ноги горит огнем, правая нога не шагает, а волочится по дороге. Решил остановиться. Посмотрел назад и кровь ударила в голову. Я от Карельского сводного полка оторвался метров на сто!

Не успел еще осознать происшедшего, как по боковой дорожке ко мне подъехал на машине какой-то полковник и передал:

— Маршал Жуков приказал Знамя завтра на парад не выставлять. Вам, товарищ капитан, надлежит сейчас же на моей машине Знамя отвезти в Музей Вооруженных Сил и передать на вечное хранение, а вы в Ворошиловских казармах получите пропуск на Красную площадь. Будете смотреть парад в качестве гостя.

Я не обиделся, что не буду участником Парада Победы, но про себя подумал: «Как в атаку идти, так Неустроев первый, а вот на парад — не гожусь».

К такому великому событию наша группа действительно была не подготовлена. Сводные полки фронтов целый месяц занимались строевой подготовкой, а наша группа никакой подготовки не имела. Лично я, которому предполагалось открывать Парад Победы и идти впереди сводных полков, никогда под музыку не ходил. Да и строевой подготовкой мне заниматься не пришлось. Заканчивал ускоренное военное училище, четыре года в боях... какая уж там строевая. Но зато 24 июня 1945 года мне посчастливилось от начала и до конца видеть Парад Победы!

Сводные полки идут торжественным маршем в том порядке, в каком располагались наши фронты с севера на юг. Десять фронтов — десять сводных полков и одиннадцатый полк Военно-Морского Флота. В каждом полку по тысяче человек и по тридцать шесть знамен. Первым шел Карельский фронт во главе с маршалом К. А. Мерецковым. Ленинградский — с маршалом Л. А. Говоровым. Далее полк 1-го Прибалтийского

фронта, возглавлял его генерал армии И. Х. Баграмян. Перед сводным полком 3-го Белорусского фронта шел маршал А. М. Василевский. Полк 2-го Белорусского вел генерал-полковник К. П. Трубников, полк 1-го Белорусского фронта возглавлял генерал-лейтенант И. П. Рослый, а впереди шел заместитель Г. К. Жукова — генерал В. Д. Соколовский.

В четком строю идет особая колонна Войска Польского во главе с начальником Генерального штаба Польши В. В. Корчиц. За ним шел 1-й Украинский фронт с маршалом И. С. Коневым. Знамя 1-го Украинского фронта нес трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин. Полк 4-го Украинского вел генерал армии А. И. Еременко. За ним 2-й Украинский с маршалом Р. Я. Малиновским, 3-й Украинский с маршалом Ф. И. Толбухиным и замыкал сводные полки фронтов полк моряков, впереди которого шел вице-адмирал В. Г. Фадеев.

Под бой барабанов появляется колонна с двумя сотнями фашистских знамен, которые бросают к подножью Мавзолея. Далее шли военные академии, конница, артиллерия, танки. Парад длился два часа.

Шел дождь, временами поливал как из ведра. Но я не обратил на это внимания. С замиранием сердца смотрел на маршалов и генералов, грудь которых была увешана боевыми орденами. Смотрел на гордые и счастливые лица солдат, тех русских богатырей, которые разгромили сильнейшего врага, завоевали Победу. Принесли Мир. Это они, которые идут сейчас в парадном строю по Красной площади, и их боевые товарищи четыре года смотрели смерти в глаза. С перебитыми ногами лежали за пулеметом, обливались кровью, но не покидали свой окоп до последнего дыхания. Это они сотни и сотни раз ходили в атаки. Они спали в нише траншеи, когда выпадет минута затишья, спали и в придорожном кювете, когда дадут десятиминутный привал.

Русский солдат переиес все! Сиими перед иим шапку и поклоиись иизко. Ои это заслужил.

* * *

Вскоре после Парада Победы Главиое политическое управлеиие иаправило меня иа два месяца иа Урал. Мие поручили от имеии фроитовиков поблагодарить рабочих заводов за боевую технику, которую оии давали фроиту, отчитаться перед земляками.

Я ехал туда, где ие был четыре года... Поезд в Свердловск пришел иочью. Я вышел иа перрои вокзала. Хотел ждать рассвета, когда пойдут автобусы, ио передумал. От вокзала до Березовска двеиадцать километров. Там отец, мать, сестры и брат, которые и ие подозревают, что я рядом, в Свердловске. Решил идти пешком.

Из Леиинского поселка, где в 1938 году получили квартиру, где мать говорила: «Хоть бы духовка хорошо пекла», родителей переселили в частиый домишко, а в тех иовых бараках, построеииых за три года до войиы, в 1942 году открыли госпиталь. Я шел, иет, ие шел, а бежал к родительскому дому... Было раииее утро. Березовский еще спал. Вот иакоиец дом. Ставни окои закрыты, ворота тоже оказались иа запоре. Легоиько, дрожащей рукой, постучал... Тишииа. Постучал вторичио... Накоиец слышу иедовольиый, еще соииый голос матери, своей родиой матери: «Хто там в такую раиь?» — «Мама... открой!» В доме раздался страшиый крик... «Отец, отец,— кричит взволиоваииая мать,— там, кажись, Степаико!» — «Где? Кто?» — сдавлениым голосом, в испуге переспросил отец. Захлопали двери, заскрипели ворота. Перегоияя один другого, иа улицу выбежали в иижием белье отец с матерью, Катя с Паией и четыриадцатилетиий братишка Володя... Трудио иаписать о той встрече — плакали и обиимались. Рассматривали друг друга: то как бы со стороиы, закииув иа-

зад голову, то в упор. Долго стояли на улице. У соседей застучали ставнями. Кто-то по пояс высунулся в окно. «Ну, пойдем в дом, проходи, сынок»,— говорили наперебой отец с матерью и подталкивали меня к воротам...

Сестры ушли на работу. Отец стал собираться в магазин и на базар. Матери он говорил: «Ведь надо, мать, что-то купить...» — «Иди, иди, отец, может быть, что-нибудь и достанешь...»

Володя сидел у меня на коленях, мать на табурете против меня. Расспрашивали обо всем: не болят ли мои раны? На сколько приехал? Расспросам не было конца. Мать немного помолчит, приложит фартук к мокрым от слез глазам и снова начнет.

— О том, что ты, Степа, взял Гитлера логово, я первый раз услыхала еще пятого мая от бабушки Марфы, наверно, помнишь ее, которая перед войной была сторожихой в клубе. Вот она утром этого пятого мая встретила меня на улице и говорит: «Евгеньевна! Слышала чо про твово-то сына говорили седня по радио?» — «Нет,— отвечаю.— Радио у нас месяц молчит».— «Ну дак вот, Евгеньевна,— продолжала Марфа,— твой-то Степан чо-то на фронте сделал, он какой-то начальник».— Я Марфе отвечаю, что он у меня капитан. Командует батальоном.— «Нет,— говорит Марфа,— не об етом сказывали... я не помню, уж там были какие-то мудреные слова. Одним словом, Евгеньевна, твой сын стал каким-то уж шибко большим начальником».

Слушая рассказ матери, я от души смеялся. Так не смеялся четыре года.

Бабушка Марфа об этой передаче говорила всем и на всех перекрестках. В Березовском кое-кто ее новость истолковал по-своему, были и такие кривотолки березовских старушек:

— Степка-то Неустроев опять что-то натворил, Марфа сама слышала по радио. Он что-то там взял...

— Ничего нет удивительного,— твердили другие,— от него все можно ожидать. Ведь мы помним, каким отчаянным он был до войны...

Мать рассказала о том, что последнее письмо, которое я писал 3 мая из рейхстага, получили второго или третьего июня. А война после 3 мая шла еще шесть дней, и мои родные много пережили, много передумали — жив ли? Сколько полегло на фронте людей в последние дни!

Она рассказала и о том, как 15 мая приехали к ним домой из горкома партии и горвоенкомата. Впервые от них узнали, что я штурмовал рейхстаг и участвовал в водружении Знамени Победы. А на вопрос родителей — жив ли? — они ответили: «Наверно, жив». Об этом никто не знал. И вот я живой. Сижу за родительским столом. Не прошло и часа — вернулся отец. Он коротко рассказал, что по дороге встретил Жильцова — председателя горисполкома, сказал о моем приезде.

Часов в двенадцать приехали работники горкома партии во главе с первым секретарем Дмитриевым, военком капитан Мурашкин и Жильцов с работником исполкома Л. Бляхером.

Стол был накрыт во дворе. Первый тост подняли за нашу Ленинскую партию! Выпили за Сталина, за Победу! За фронтовиков и рабочий класс, которые не жалели сил и жизни во имя Победы!

На второй день я представился работникам горкома партии и горисполкома.

Позвонили в Свердловский обком партии. Мне разрешили десять дней отдохнуть, после чего я должен явиться к ним. За четыре года первый раз был свободен. Никаких обязанностей. Не терпелось навестить своих друзей и знакомых.

Сашу Пономарева, который был у меня заместителем в сорок третьем году, застал дома. Вместо руки у него был протез. Пошли с Сашей по улицам Березовского.

Зашли к родителям Вани Шабардина... убит. Мать Миши Кобелева, увидев меня, еле-еле выговорила: «Степонька, а ведь Мишенька мой убит еще в сорок первом, под Москвой. Спасибо тебе, что зашел, не забыл старуху. Ваня Мартынов убит. Венка Галошин убит. Миша Колпаков убит».

К кому бы ни зашел, слышу одно и то же страшное слово — убит... Многие десятки моих довоенных друзей погибли. Березовский сразу показался мне каким-то тихим и опустевшим. Оставшиеся дни отпуска я провел с Сашей Пономаревым. Ходили на реку Пышму рыбачить. Купались в Чистом разрезе[1]. Собирали в лесу грибы и ягоды. Вспоминали сорок второй год: как строили ротную баню, как стояли в обороне под Белью, и без конца, с мельчайшими подробностями говорили о 16 февраля сорок третьего года, о наступлении на Рамушевский «коридор», где Саше оторвало руку, а мне перебило правую ногу. Вспомнили свою роту, перебрали поименно всех — кто жив, кто убит.

Навестил я своего наставника — Филиппа Феоктистовича Васильева. Он штурмовал Зимний дворец. Большевик. В гражданскую войну командовал партизанским отрядом. В довоенные годы в Ленинском поселке заведовал клубом. Он сумел привлечь нас, подростков, к себе. Интересно рассказывал о том, как воевали с Колчаком, как брали Уфу и, конечно, о штурме Зимнего. Мы его полюбили и тянулись к нему. Многие из нас мечтали походить на него. А вот сейчас я рассказывал о фронте, о штурме рейхстага, он внимательно слушал. Здесь же сидела его семья. До глубокой ночи продолжался у нас разговор.

В гражданскую войну Филипп Феоктистович был тяжело ранен. Раны мучили его всю жизнь. Стал инвалидом первой группы. Определили пенсию.

[1] Разрез — глубокий водоем вроде озера.

— Хорошо, что старшие дочери — Нина и Роза — работают, а то бы с такой семьей было тяжело,— говорил старый партизан.—Сейчас,— продолжал он,— устраивается в детский садик младшая — Лида.

Я посмотрел на нее... Она покраснела и опустила голову. Жена Филиппа Феоктистовича — Екатерина Васильевна, у которой я учился в четвертом классе, шутливо погрозила мне пальцем...

Вскоре мы с Лидой поженились. Совместная жизнь с Лидией Филипповной подходит к сорока годам. У нас сын, Юрий. Он офицер, служит в Советской Армии. Дочь, Таня, работает на крупном заводе техником-конструктором. Растут внуки: Виктор, Андрей, Саша, внучка Оля.

В Свердловском обкоме партии мне составили план встреч с рабочими заводов. Посчастливилось встретиться с десятками прославленных заводских коллективов, которые своим трудом ковали Победу, обеспечивали фронт боевой техникой. На всех заводах с волнением слушали о берлинских боях, о штурме рейхстага. От имени фронтовиков, как было мне приказано в Главном политическом управлении Советской Армии, я благодарил их за героизм, проявленный в труде. Это действительно был героизм! Люди работали по двенадцать — четырнадцать часов в сутки. Приходилось иногда спать у станка, неделями не уходили домой. Кадровые рабочие, без которых не мог обойтись тыл, подготовили хороших специалистов из подростков и бывших домохозяек.

Более месяца я ездил по Уралу: из района в район, с завода на завод. В конце командировки в обкоме партии попросил разрешения на пять дней съездить в деревню Талицу. Здесь так же, как на заводах, увидел самоотверженный труд своих земляков. Работали женщины на тракторах и комбайнах. Работали старики и дети...

— Все мы отдали фронту. Сами едим картошку и ту недосыта,— говорили они, когда у меня с ними заходил разговор по душам.— Но это бы ничего,— продолжали колхозники,— горе людское в другом... Мало вернется домой... единицы, почти в каждом доме похоронки. Вот в чем беда.

Я бродил по окрестностям деревни и любовался природой. За околицей стеной стояли вековые сосны, высокие стволы деревьев прямые, как свечки. Влево от бора в трех километрах блестело Таушканское озеро, противоположный берег его почти не виден. Справа тянулись знаменитые талицкие заливные луга. В противоположной стороне простирались поля, поспевала рожь. Глядя на неописуемую красоту и богатство, думал.

— Нет, господа «мировые завоеватели», вам этого мы никогда не отдадим!

В конце августа кончилась моя командировка. Попрощался с родными, друзьями и со своим Уралом, уехал к месту службы, в Германию.

3-я ударная армия стояла на демаркационной линии с англичанами. Штаб армии на реке Эльбе, в городе Магдебурге. 150-я стрелковая Идрицко-Берлинская ордена Кутузова II степени дивизия находилась в районе города Аранзее.

Вскоре меня перевели в 469-й стрелковый полк. Здесь я встретил артиллеристов, с которыми участвовал в боях на высоте «Заозерной», капитана Николая Фоменко и лейтенанта Ивана Клочкова. На груди у обоих Золотые Звезды Героев Советского Союза. Зашел в штаб, представился командиру полка полковнику Мочалову. Его я знал по боям в Шнайдемюле и Померании.

В войсках я служил более года — до декабря 1946 года. Батальон был моим старым знакомым — я им командовал в сорок четвертом — в Латвии. Ветеранов почти

не осталось. Из тридцати двух офицеров уцелело трое: капитан Чепелев — начальник штаба, капитан Лебедев — командир пулеметной роты и старший лейтенант Жидель — командир санитарного взвода. Штаб батальона стоял в небольшой деревушке, а штаб полка — в сорока километрах от нее. Служба на демаркационной линии мне показалась однообразной.

Аккуратная, чистенькая деревенька, дома под красной черепичной крышей, все похожи один на другой. Угрюмые, скучные. Заедешь в лес — сучки подобраны, никаких кустов и полян, весь лес как бы подмели хорошей метлой. Негде полежать, даже посидеть — один песок. Заедешь в деревню, на улицах кое-где увидишь молчаливого немца. Идет не торопясь. Вид деловой. Даже детворы не видно... Деревня пуста. Непривычна такая картина русскому человеку.

Тут невольно вспомнил свою Талицу: все люди куда-то спешат, чем-то заняты... Бегают, хоть и неважно одетые, но с веселым криком толпы мальчишек. Мчатся они по улице, поднимают пыль. Или тут же, на улице, начинают играть в чехарду.

А лес? Не то что в Германии. Наш лес и пахнет-то по-другому. Поляны — что пушистый ковер! Полевые цветы — просто захватывает дух. Да, это моя Россия! С каждым днем я все больше и больше по ней скучал.

В августе 1946 года меня неожиданно вызвали в отдел кадров Группы советских войск в Германии. Полковник Суворов, работник отдела кадров, направил меня на медицинскую комиссию для поступления в Академию имени Фрунзе. Комиссия меня «забраковала» — по состоянию здоровья. Вернулся в батальон. Написал рапорт, демобилизовался. Новый, 1947 год встречал на Урале.

Нахожусь в отставке более двадцати лет, но отставка не отдых, как в молодости думалось мне. Считал,

что человек в отставке лежит на диване и читает газеты. Вечером играет в домино и смотрит телевизор. На самом деле отставники моего поколения, которые прошли суровые испытания Великой Отечественной войны и имеют огромный жизненный опыт, это в первую очередь активные работники идеологического фронта. Они ведут военно-патриотическую работу с молодежью, воспитывая ее в духе беззаветной любви к своей социалистической Родине. Я тоже принимаю участие в этой работе. А началось с того, что в Свердловской областной организации общества «Знание» мне предложили прочитать несколько лекций. Выступал я в молодежных общежитиях, в цехах заводов и фабрик во время обеденных перерывов. Рассказывал о штурме рейхстага, других событиях военной поры. Постепенно входил в тонкости лекторской работы. Было приятно, что слушатели смотрят на меня, а не на часы. Это воодушевляло.

Вскоре доверили выступать в клубах и дворцах культуры. Помню Дворец культуры Нижнетагильского вагоностроительного завода. Зал на 1200 человек заполнен до отказа, даже в проходах поставили дополнительные стулья. Говорил о том, как четыре года шли к Победе. Полтора часа прошли быстро. В зале тишина. А когда закончил выступление, раздался гром аплодисментов. Я в то время был самым счастливым человеком. Хотелось работать и работать. У меня возникла потребность встречаться и говорить с людьми. По поручению Свердловского общества «Знание» побывал в каждом районе области. Затем меня командировали в другие города страны. Выступал в Хабаровском крае, в Бресте, в Коми АССР и Грузии. Объездил Северный и Южный Урал, Одесскую и Харьковскую области. Минск, Пенза и Краснодарский край, потом Москва и Подмосковье... Пятнадцать лет работы по путевкам общества «Знание».

* * *

Приближался великий праздник — тридцатая годовщина Победы. В марте 1975 года участников штурма рейхстага: генерал-полковника в отставке Василия Митрофановича Шатилова, полковника в отставке Федора Матвеевича Зинченко, меня, бывшего командира роты Илью Яковлевича Съянова — пригласили в город Сухуми. Мы с радостью поехали в гости на родину нашего славного однополчанина — Милитона Варламовича Кантария. Очень сожалели, что не приехал Егоров, он болел и лежал в госпитале.

Как мы постарели за тридцать лет! Стали седыми, но стоило заговорить о войне — и словно груз лет с плеч сбросили. В памяти всплыл каждый военный день и каждый бой со всеми его подробностями. И как будто это было не 30 лет назад, а вчера.

В Сухуми тоже состоялись десятки встреч — в школах и организациях, на заводах и стройках. Были в колхозах на чайных плантациях. Возлагали венки к памятникам. Сухумский горком партии и горисполком организовали общегородской митинг, в котором приняли участие десятки тысяч горожан и делегаты со всей республики. Солнечная Абхазия оставила приятные воспоминания. В заключение нам оказали великую честь — в торжественной обстановке зачитали решение Сухумского горисполкома и каждому вручили удостоверение Почетного гражданина города.

Пригласили нас и в город Сочи, а затем в Москву, где готовились съемки «Голубого огонька» в честь тридцатилетия Победы.

Много лет спустя

Ветераны 150-й Идрицко-Берлинской ордена Кутузова стрелковой дивизии, особенно после тридцатилетия Победы, почти ежегодно встречаются в Москве, где они шефствуют над 247-й московской школой.

После окончания войны мы, солдаты Великой Отечественной, разъехались во все концы нашей необъятной Родины. Приступили к мирному созидательному труду. В работе, в повседневных житейских и производственных хлопотах как-то не заметили, что потеряли между собою связь. Война уходила все дальше и дальше.

Глядя на седые виски, невольно вспоминали молодость — бои и походы, фронтовых друзей и товарищей. Возникла потребность встреч с молодостью — встреч с теми людьми, с которыми делили радости и невзгоды. В эту пору началось движение по розыску фронтовиков. Это благородное дело взяли в свои руки «красные следопыты» — задорные и любознательные молодые сердца. Благодаря их помощи был создан комитет ветеранов и нашей 150-й дивизии.

Встречи ветеранов дивизии проходили в школе. С каким восторгом пионеры и комсомольцы воспринимали каждое наше слово — трудно это передать. На их лицах можно прочитать гордость за нашу партию, которая вела нас к победе, гордость за наш славный советский народ...

Особенно волнующая встреча произошла в апреле 1980 года. Съехались сотни ветеранов прославленной 150-й дивизии.

Эта встреча на всю жизнь останется в моей памяти.

Вспомнили всех и как будто побывали в своей молодости.

Вспомнили капитана Владимира Николаевича Макова и его боевых друзей, Василия Фамильского, Сашу Лисименко и Михаила Минина, вспомнили танкиста Николая Степановича Моснна — он начальник цеха в городе Березовском. Очень жалели, что по состоянию здоровья не приехал старшина Михаил Иванович Дронин.

Из года в год редеют наши ряды, годы неумолимо берут свое...

Но живые продолжают свою фронтовую дружбу.

* * *

Торжественно отметил наш народ тридцатую и сороковую годовщины Победы над гитлеровской Германией. Мы, которые восемнадцатилетними защищали Родину, успели постареть — ушли в отставку. На смену пришло новое поколение, наши дети и внуки. Ветераны спокойны, судьба нашей Родины в надежных руках! И мы на склоне лет своих окидываем взором пройденный путь с чувством выполненного долга перед своим Отечеством.

СОДЕРЖАНИЕ

Мечты и действительность 3
Война 8
В разведке 11
Выжить! 21
Первая стрелковая 33
Из боя — в бой 46
Высоты надо брать 58
Доверено быть комбатом 72
Памятные дни Померании 83
На главном направлении 106
На Берлин! 120
Штурм рейхстага 140
Последняя атака 151
Мы победили! 170
После войны 173
Много лет спустя 188

Неустроев С. А.

Н58 Путь к рейхстагу.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.— 192 с., 8 с. ил.

В пер. 50 к. 20 000 экз.

Автор книги, командир батальона, водрузившего Знамя Победы над рейхстагом, рассказывает о своем боевом пути.

Н $\frac{1304010000-006}{М158(03)-86}$ 9-86 ББК 63.3(2)722.78

ИБ № 1430

Степан Андреевич
Неустроев

Путь к рейхстагу

Редактор В. Г. Лошак
Художник С. Сухов
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректоры А. В. Маркин, М. А. Казанцева

Сдано в набор 26.03.85. Подписано в печать 29.10.85. НС 12621. Формат 70×108[1]/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,75. Усл. кр.-отт. 9,8. Уч.-изд. л. 8,95. Тираж 20 000. Заказ 244. Цена 50 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

„Особенно ожесточенный бой разгорелся за рейхстаг. Его здание было одним из важнейших пунктов обороны в центре Берлина; водружение над ним советского красного знамени знаменовало собой нашу окончательную победу.
В 17 часов 30 минут батальоны капитанов С. А. Неустроева, В. И. Давыдова, К. Я. Самсонова поднялись на штурм рейхстага. Стремительной атакой советские воины ворвались в рейхстаг. К концу дня 1 мая рейхстаг был полностью взят.

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.